

ПИОНЕР

МАРТ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1963 г.

МЫ ПОДАЕМ СИГНАЛ SOS

У нас в отряде двадцать два пионера, одиннадцать девочек и одиннадцать мальчиков.

С первого по четвертый класс у нас мальчики были очень хорошие. Но сейчас стали совсем другие. Они стали хулиганить и грубить старшим. Особенно грубит учителям Верещагин Валера.

Наш отряд занимает последнее место в соревновании. Мы подаем сигнал SOS. Мы потонули в двойках. Дружина у нас разбита на экипажи. Наш экипаж «ТУ-114». Мы соревнуемся с экипажем «Восток-5» (то есть с 4-м классом «А»). Конечно, первое место занял 4-й класс, а у нас 20 двоек неисправленных. Помогите нам.

Фамилию я свою писать не стану, потому что будут неприятности.

5-й класс, школа, поселок Марково, Магаданская область.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 40-й

SOS (save our souls,— что в переводе с английского значит: «Спасите наши души») — сигнал бедствия по морскому международному коду.

...———... Этот сигнал знают во всем мире. Он хорошо знаком и морякам, и летчикам, и полярникам.

SOS — значит, кто-то в пути терпит бедствие. И по международным правилам все, кто услышал сигнал, немедленно спешат на помощь, забыв о своих делах, какими бы неотложными они ни были.

И первым откликается тот, кто находится ближе к потерпевшим крушение.

Пионеры Магаданской области! Пионеры поселка Марково! Спешите на помощь!

Ребята из отряда «Экипаж «Восток-5», помните, что первым приходит на помощь тот, кто ближе к подававшим сигнал бедствия!

...———...! SOS!

Спешите! Спешите! Ждем ваших сообщений! И не забывайте ставить на конвертах сигнальный знак.

МАРТ • 1963 • 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

Ваня

РАССКАЗ

Г. ХАЛИЛЕЦКИЙ Рисунки Е. Медведева.

— Жил-был заяц. Заяц как заяц: толстый, веселый, трусливый. И все бы ничего, да вдруг — на́ тебе! Захотелось ему стать полководцем. А что, думает, другие становятся, а я хуже?..

...Отец забивает пыжи в патроны — в воскресенье пойдет на охоту — и между делом рассказывает сказку: он всегда рассказывает необычные сказки, но вот эту, про хвастливого зайца, Ваня любит больше всего.

А мать расчесывает волосы у зеркала. Она каждый вечер вот так: возьмет гребенку, сядет у зеркала и расчесывает волосы. Долго расчесывает, медленно. Слушает, а сама все водит, водит гребенкой.

Зеркало высокое, до самого потолка. Узкое и высокое. А перед ним столик, и на столике баночки-скляночки.

Ваня знает: если приподняться с кровати и через плечо матери заглянуть в зеркало, там как будто другая комната, и другая мать расчесывает волосы, и другой мальчишка в синей пижаме. А если еще приглядеться, то можно увидеть еще одну комнату. И еще одну маму с распущенными волосами. И еще одного мальчишку. Это потому, что около Ваниной кровати стоит шифоньер, а в нем тоже зеркало, и они глядятся друг в друга — два зеркала. Прежде, еще совсем недавно, несколько дней назад, Ваня не удержался бы, заглянул бы в зеркало... И отец небольно щелкнул бы его по затылку.

— Ты что, девчонка, что ли, в зеркала смотреться?

А Ваня спросил бы, смеясь:

— Пап, а заяц?

И отец нарочно удивился бы: какой еще заяц?

— Ну, заяц — он что? Захотел стать полководцем — и что?

Мать, не поворачивая головы, сказала бы:

— Ответь ребенку.

— Это кто ребенок? — удивился бы отец.— Иван Иванович? Ну какой же он ребенок? — Он схватил бы Ваню под мышки и вскинул в воздух.— Какой же он ребенок? Он взрослый мужик. Правда, мужик?

И Ваня, хохоча, тычась отцу в плечо, в колючую бороду, повторял бы:

— Правда, правда!..

Но сейчас он слушает отца безразлично: слушает и не слушает. Отец смотрит на него, спрашивает удивленно:

— Ты что, уже спать хочешь?

— Оставь в покое ребенка,— негромко говорит мать.

В покое, в покое... Прежде она, небось, так не говорила.

М а ч е х а!

Ваня натягивает одеяло до плеч и отворачивается к стенке.

— Спокойной ночи,— говорит он безразлично. Если бы он сейчас заглянул в зеркало, он увидел бы, как отец и мать быстро переглядываются. И как у матери делается грустное лицо, а отец молча покусывает губу. Но Ваня ничего этого не видит, а отец уходит в свою комнату, и мать кладет гребенку на столик и щелкает выключателем. Ванино одеяло она поправляет уже в темноте. Потом мать трогает Ванин лоб, от ее руки пахнет теплом и духами, и прежде Ваня прижался бы к ней щекою. Но сейчас он лежит и не двигается, а мать вздыхает и, неслышно ступая, тоже уходит в комнату отца. Дверь она прикрывает плотно, так, что широкая полоска света на стене становится узенькой, как карандаш. Ваня вжимается щекой в подушку, лежит и думает.

Сколько Ваня себя помнит, они все ездят. Только раньше ездили вдвоем с отцом: уложат вещи, отец скажет: «Все, Иван, беги прощайся с дружками». И едут. А потом появилась мать.

Без нее было интересней. Ваню тогда все жалели. Куда они ни приедут, все удивлялись: «Смотрите, какой мальчик! И он что же, совсем-совсем один вырос? Ну это же чудо, какой мальчик!» Ваня не любит, когда его жалеют, но ему при этом всегда что-нибудь дарили, и он даже привык получать подарки.

А при матери все стало не так: мать терпеть не может чужих подарков, она тут же уводит Ваню домой. «Глупости какие! — сердито говорит она.— Вот еще глупости!..» А по дороге отчитывает Ваню: «Ты тоже хорош: побирушка, что ли? Не видел разве пряников?»

А теперь чаще всего говорят по-другому. Смотрят на мать и качают головами: «Ну, подумайте, а! Такая вы молодая, а у вас уже такой сын!..»

А дарить ничего не дарят. Ну и ладно! Зато теперь не нужно, отвечая на расспросы взрослых, говорить: мама с нами не хочет жить. И вообще с появлением матери Ване

стало как-то лучше: он даже сам не знает, чем именно лучше, а все же лучше. Она его не ласкает, не говорит: «Ах, ты мой хорошенький, ах ты, солнышко мое!» Но вот, например, когда недавно у Вани не получалась буква «ю» — почему-то именно буква «ю» у него долго не получалась—и учительница все повторяла: «Ты, Ваня, недостаточно стараешься»,— мать, узнав об этом, подсела к нему, вздохнула: «Горе ты мое!»— и сказала: «Ну, давай вместе попробуем. Может, вдвоем у нас получится?»

И верно: получилось!

И форму в школу она ему сама сшила. И конструктор, если говорить начистоту, тоже ведь она ему купила, а не отец. Только она зачем-то сказала отцу (Ваня же это слышал): «Нет, лучше уж ты ему подари...»

Ване есть что вспомнить, думая о матери. Но сегодня ему не хочется вспоминать об этом. Он лежит, глядит на узкий карандаш света и не замечает, что щеки у него уже давно мокрые.

...Когда они приехали в этот таежный поселок и отец начал распаковывать вещи, а мать помогала ему, Ваня выбежал на широкую улицу и вот тут впервые увидел Юрку. Тот стоял посередине улицы и прутиком чертил круг, обводя самого себя. На Ваню он смотрел выжидающе. А Ваня стеснялся: ему сразу понравился этот мальчишка, но он не решался заговорить первым.

— Хочешь, где дикие пчелы, покажу? — вдруг спросил Юрка.— А ты кто, тоже комбинатский? Как тебя зовут?

Оказывается, это у Юрки такая привычка: выпаливать сразу несколько вопросов.

Пчелы жили в тайге. А тайга начиналась сразу за последним домиком поселка. Огород бондаря Никодима, а за ним уже и тайга. Высокие деревья, такие высокие, что Ваня прежде и не видывал, стояли, прижимаясь друг к другу, и просвет между ними был не солнечным, как там, в лесах на Волге, а каким-то черным-черным, таким черным, что от этой черноты делалось не по себе.

В тайгу они не пошли. У бондаря Никодима тут, на огороде, свалены старые бревна, и Юрка первым взобрался на них.

— Давай залезай,— сказал он, подбадривая Ваню.— Никодим не заругает, не боись. Вместо «не бойся» он почему-то говорил «не боись».

— А я и не боюсь,— сказал Ваня.

С минуту они посидели молча. Потом Юрка спросил:

— Вы кто?

— Как это? — не понял Ваня.

— А у меня папа— верхолаз! — с гордостью сказал Ваня.

— Ну, отец у тебя кто? Вот у меня батя — кровельщик, значит, мы кровельщики. А у тебя?

— А у меня папа — верхолаз! — с гордостью сказал Ваня. Он знал, сейчас Юрка удивится: все мальчишки, когда слышат это, удивляются. И верно, Юрка посмотрел как-то недоверчиво.

— Водолаз?

— Да нет же! Ну вот... про кремлевские звезды слыхал?

— Н-ну, слыхал...

— Ты сам посуди: высота же там страшенная, на башнях, так или не так?

Он сейчас старался говорить в точности, как отец: тот всегда, рассказывая о работе верхолаза, приводит этот пример со звездами и всегда спрашивает: так или не так?..

— Ну вот,— солидно продолжал Ваня.— Они ж там, наверху, сами не появились, звезды?

— Ну да. Их рабочие сделали,— подтвердил Юрка.

— Да я не об этом! Сделали-то рабочие, а кто же их поднял? Укрепил там? Верхолазы! Вот кто!

Юрка, хоть он и перешел в третий и, конечно, считался среди поселковой дошколятной мелюзги почти взрослым, на этот раз даже не вспомнил о своем превосходстве. Он слушал Ваню, чуть приоткрыв от удивления рот.

А Ваня, опять-таки бессознательно воспроизводя отцовские интонации и даже жесты, продолжал рассказывать Юрке, какое это трудное и интересное дело — работа монтажника-верхолаза. Строго говоря, во всем этом была одна неточность: Ваня знал о работе отца, но никогда еще не видел ее собственными глазами. Получалось как-то так, что отцу недосуг было взять Ваню с собой на работу.

— Ему не страшно было... там, на Кремлевской башне? — почему-то понизив голос, спросил Юрка.

— Кому? — не понял Ваня.

— Ну, бате твоему!

Ваня рассмеялся, показывая ряд мелких белых зубов, из которых два передних уже выпали.

— Да нет! — чуть снисходительно сказал он.— Это я тебе не про отца... Папа на Днепрогэсе работал. Потом мы переехали на Куйбышевскую ГЭС...

Юрка соскользнул с бревен и уже с земли, снизу вверх, насмешливо поглядел на Ваню.

— Трепло ты, вот кто! — неожиданно сказал он.— Так я тебе и поверил! Верхолаз, был он, видите ли, на Куйбышевской ГЭС, звезды на Кремле устанавливал!..

— Да не говорил я про звезды! — чуть не плача от обиды, воскликнул Ваня.

И вот тут они подрались. Дрались свирепо, стараясь подмять один другого, тыча кулаками куда попало. Они долго барахтались на земле, когда вдруг услышали над собой мужской удивленный голос:

— А это еще что?

Мальчишки оба разом вскочили, смущенные. Ваня увидел стоящего над ними громадного бородача.

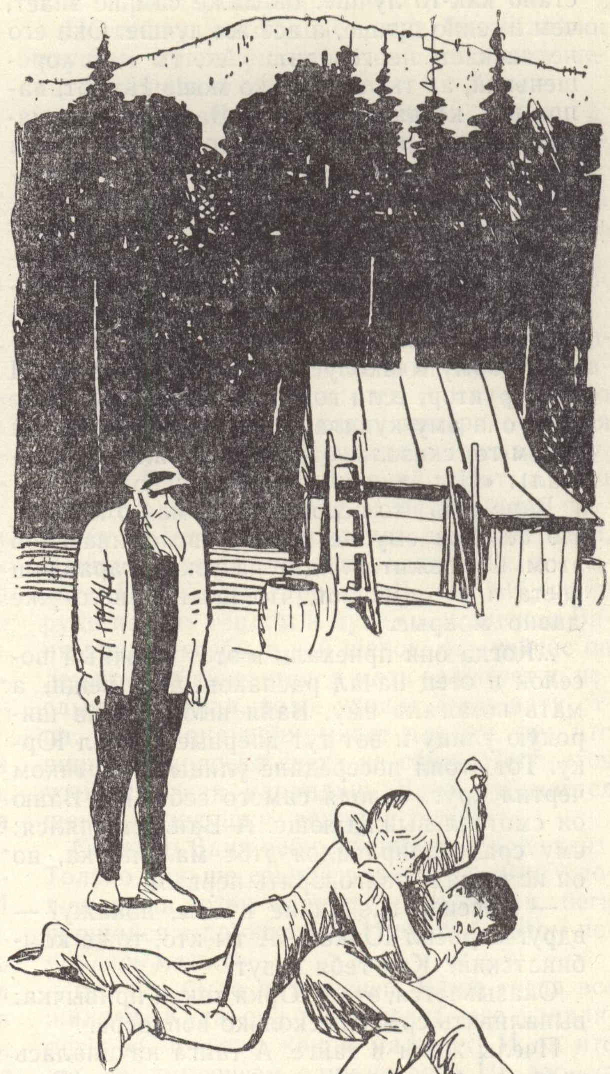
— Дядя Никодим,— шепотом выдавил из себя Юрка и крикнул: — Тикаем!

Убегая, они слышали, как гулко смеется им вслед бондарь Никодим.

Так началась трудная Ванина дружба с Юркой. Трудная, потому что уж очень разными они были: неистощимый в выдумках, острый на язык Юрка, смуглый, похожий на цыганенка, и застенчивый, чуточку мечтательный Ваня, за льняные волосы и щедро рассыпанные по лицу веснушки прозванный поселковыми мальчишками Подсолнухом.

Когда бригада верхолазов приехала в этот поселок, пора была летняя. Вернее так сказать: лето только-только начиналось. Сюда, в эти таежные края, оно приходит рано, но начинается не сразу. То держатся холодные туманы, то льют и льют надоедливые дожди. Какое ж это лето? Смотришь, и июнь пройдет и середина июля, а люди еще настоящего лета не видели. Но вот наступает день, когда все это прекращается: и дожди и туманы — и появляется такое солнце горячее, каким оно и должно быть в середине лета.

Несколько дней тайга дышит испарениями. Кажется, ей жаль отдавать влагу, на-

— А это еще что?

копившуюся в корневищах старых ильмов, в зарослях багульника и жасмина, в бесчисленных лужицах и лужах, просто в почве, густо устланной перегнившими, черными листьями. Но солнце знай себе работает: лето! И смотришь: просыхают незаметно, покрываются саранкою тихие поляны, а тонконогие ирисы — они любят воду — словно бы сами отодвигаются куда-нибудь поближе к буеракам и оврагам. И вот уже появились басистые шмели: прямо удивительно, куда они прятались на все время дождей и густых туманов?

И тайга, и поселок, и дома в поселке — все в эту пору наполнено запахами лета — стойкими, плотными запахами цветения и меда, папоротника и высыхающего чернозема. Хорошо здесь в такую пору!

Так что в этом отношении Ване просто повезло: он впервые увидел дальневосточную тайгу, и как раз в такое щедрое на солнце, краски и запахи время.

Через месяц кожа на лице Вани загрубела и пошершавела, хотя загара, на удивление мальчишкам, по-прежнему не принимала. Босые ноги он успел тысячу раз исцарапать и сбить; а бондарь Никодим, глядя на Ваню, смеялся и подмигивал:

— Это пока только четверть нашей таежной прокалочки!..

Он умел рассказывать удивительно интересные истории — этот крупный, насмешливо-добродушный человек с огромными ручищами.

От него Ваня узнал, зачем, собственно, они с отцом и мачехой и вся бригада монтажников приехали сюда.

— Сотни, а может быть, тысячи лет,— рассказывал бондарь Никодим,— жили люди в этих местах: охотились, рыбачили, искали корень женьшень,— слыхал о таком корне? Он, говорят, от всех болезней лечит. Ну вот, жили, а того не знали, что ходят прямо-таки по кладу. Называется этот клад — руда, из нее драгоценный металл добывают... Ну вот.— Бондарь рассказывал интересно, так, что ребята заслушивались, но часто повторял это свое любимое «ну вот».— Ну вот. Недавно этот клад нашли...

— Я знаю, кто нашел,— перебил Ваня.— Геологи! У меня мама — геолог.

Бондарь как-то странно посмотрел на Ваню, но ничего не сказал. Потом подумал, помолчал и продолжал:

— Тут неподалеку, верстах, однако, в тридцати, не больше, закладывают шахты. Поселок будет. А может, город... Линию протянут — свет будет. Дома поставят — люди будут... Загудит тогда наша тайга!

Он затоптал папиросу, снова взглянул на Ваню и спросил:

— Так, говоришь, мать у тебя... геолог?

— Ага,— кивнул Ваня.— Только, когда она еще не была моей мамой, она была этой... студенткой.

— Пон-нятно,— произнес бондарь.

Что ему было понятно, Ваня так и не сообразил. А Юрка слушал этот разговор, сбоку посматривая то на Ваню, то на бондаря, и на лице его было написано: «Везет же некоторым людям! Матери у них геологи, отцы верхолазы!..».

— Дядя Никодим,— нерешительно произнес Ваня.— А почему вы сказали «понятно»?

Бондарь ответил не разом. Он снова сел на бревно и снова потянулся за портсигаром.

— Да видишь, какое дело. Малы вы еще, хлопцы, не поймете...

— Поймем! — с готовностью заверил Юрка.— Честное слово, поймем.

— Ну, коли так...— усмехнулся Никодим.— К человеку, хлопцы, судьба поворачивается не так, как тебе хочется, а как можется.

— Это понятно,— снова подхватил Юрка.

Никодим лишь качнул головой и не ответил, задумался.

— Ну вот,— вдруг сказал он.— Я-то ведь когда-то не в бондари нацеливался, а в геологи. Не знаете вы, хлопцы, что это за такое занятие — геология! Вот тут оно у меня...— Он положил большую, темную от времени и от загара руку туда, где должно находиться сердце.— Да что, однако, с вами толковать? Подрастете, небось, сами всего хлебнете — и горького и сладкого.

Он ушел к себе в дом, шагая через грядки, а ребята остались на бревнах. Но сидеть здесь им что-то уже расхотелось.

— Пошли на озеро? — предложил Юрка.

Но и на озеро они на этот раз почему-то не пошли.

Они медленно брели по поселку, каждый к себе домой, Юрка размахивал прутиком, но разговаривать им ни о чем не хотелось.

Не многое понял Ваня из слов бондаря Никодима, но кое-что все-таки понял. Вечером, когда отец возвратился с работы и они ужинали, Ваня спросил:

— Мам, а почему ты геолог, а кладов не ищешь?

— Ты что это мелешь? — нахмурился отец.— От кого наслушался? Болтает тут черт знает что...

Ваня с удивлением смотрел на отца: он никогда еще не видел его таким сердитым.

— Выкладывай,— помолчав, жестко сказал отец.— Кто с тобой об этом говорил?

— Но ведь другие ищут клады,— начал было Ваня.— Другие геологи. А почему мама...

Мать молча катала на скатерти хлебный шарик. Ваня заметил, что отец почему-то старается не смотреть на нее. Он уже готов был подробно рассказать о разговоре с бондарем. Но мать поднялась из-за стола и, взглянув на отца, сказала незнакомым, чужим голосом:

— Не нужно.

И ушла на кухню. Ваня чувствовал, что сделал что-то не так, некстати, а что такое он сделал, понять не мог. Вечером, уже в кровати, когда мать, как обычно, наклонилась поправить ему подушку, он в темноте нашел ее руку и потерся щекой. Ему было до острой боли жаль мать, хотя он не знал, за что жалеет ее, за что ее нужно жалеть.

А потом он второй раз подрался с Юркой. Это вот как получилось. Утром Юрка спрашивает:

— Знаешь Волчью горушку?

— Ну, знаю,— говорит Ваня.— И что там, на этой горушке?

— Там волчица волчат вывела. Охотники к отцу приходили, рассказывали. Говорят, в этом году в тайге волков видимо-невидимо. Пошли, волчат посмотрим?

Ваня заколебался: все-таки волчица! Можно, конечно, подкрасться, подкараулить, когда она уйдет на добычу, и поглядеть на детенышей.

А Юрка стал насмехаться: «Кишка тонка!» И начал почему-то дразнить:

— Сирота, сирота, подпирает ворота!

Ваня глядел на него удивленно.

— Никакой я не сирота. Ты все выдумываешь!

Юрка остановился поодаль, насмешливо посмотрел:

— Ну да, как же, я выдумываю! Да об этом во всем поселке говорят, что у тебя не мать, а чужая тетка, мачеха.

Он подумал и добавил:

— А мачехи — они злые! Они велят уводить детей в тайгу и там бросать...

Вот тут они с Юркой опять подрались. Юрка потом сразу убежал домой. А Ваня домой решил не идти, а дождаться отца на повороте дороги, там, где она поднимается от озера, выводя в поселок. Он думал, нет, собственно, он ничего не думал определенного, просто он чувствовал, что с отцом ему будет не так страшно возвратиться домой, потому что ему сейчас было отчего-то страшно.

Ваня сел под кустом, стал дожидаться отца да так и уснул под кустом. А когда проснулся, мать легонько тормошила его за плечо и звала за стол, отец в сенях гремел рукомойником и, как всегда, звучно отфыркивался. Ваня хотел было уже подняться, но взглянул на мать и в ту же минуту вспомнил все. Он резко дернул плечом и, сбросив ее руку, поднялся, стараясь не смотреть ей в лицо.

— Выспался, Иван? — весело крикнул отец из сеней.— Ну и горазд ты спать! Я тебя несу, а ты хоть бы на минуту глаза открыл.— Он вошел с полотенцем на плече, без рубашки, веселый и шумный.

— Что особенного? — вмешалась мать.— Нагулялся, набегался, вот и уснул.

Но и после этих слов Ваня не взглянул на нее. Молча сел со всеми к столу, молча пододвинул тарелку, молча начал есть, медленно и с неохотой.

— Тебя какая муха укусила? — еще более удивляясь, спросил отец.

Ваня опустил взгляд в тарелку.

— Ты что, не слышишь? — нахмурился отец.— Да что с тобой? Сидит, куксится, сирота казанская.

И тут Ваня не выдержал. Расплакался. Он плакал громко, со всхлипами, мать переполошилась, поднялась из-за стола, но Ваня снова отдернул плечо от ее руки.

— Чего Юрка говорит, что у меня не мать, а мачеха? — выговорил он наконец самое главное.

Взрослые молчали. Ваня даже перестал всхлипывать, таким долгим и ощутимым было их молчание.

— Ах, он паршивец! — устало произнес отец.— Вот я сейчас пойду к Семену Ивановичу, пусть всыплет ему хорошенько.

Но мать качнула головой: не надо. И обняла Ваню за плечи — мягко, но настойчиво. Она подсела к нему.

— Он правду сказал,— негромко произнесла она.— Мы с папой не хотели объяснять тебе этого, пока ты не подрастешь. Но уж раз так получилось...

Все время, пока она рассказывала ему о том, как все это произошло: как ей жалко было их из-за их кочевой, неустроенной жизни, как она обещала отцу заменить ему, Ване, мать и любить мальчика не меньше, чем любила бы мать,— отец стоял у окна и водил пальцем по стеклу.

— Вот теперь ты знаешь все,— сказала она, а отец обернулся к ним и улыбнулся.— Скажи мне, разве я тебе плохая мама? — спросила мачеха.

Ваня молчал.

Наутро, собираясь на работу, отец вдруг спросил:

— Слушай, Иван, хочешь посмотреть, как мы работаем?

Ваня подпрыгнул от радости:

— Ой, хочу!

Мать сказала:

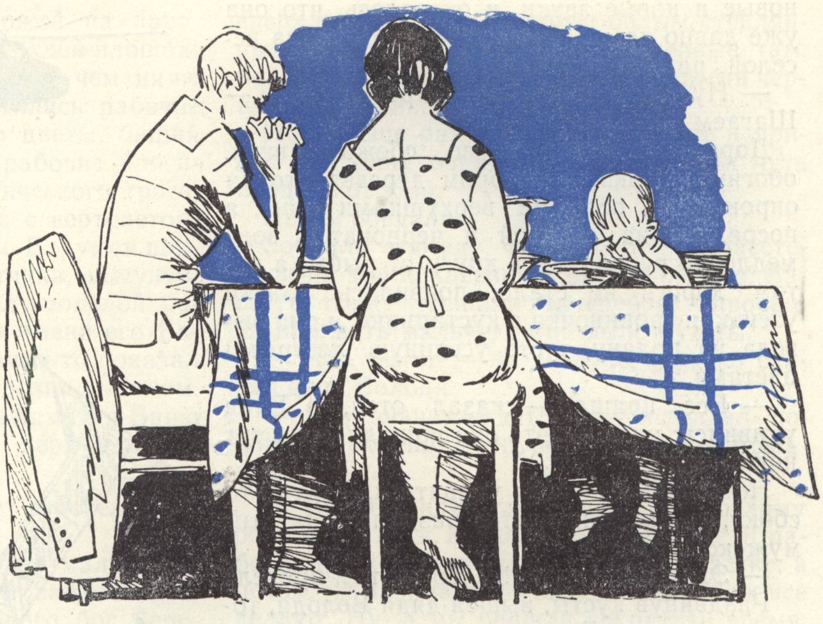
— Не понимаю, зачем ребенка тащить в такую даль? Он утомится, измотается. А в

ваших делах он все равно ничего не поймет, ты требуешь от него невозможного.

Ваня остановился и широко раскрытыми глазами посмотрел на нее: так, значит, правду Юрка говорил, что мачехи, они всегда недобрые? И мать, кажется, поняла, о чем он думал. Она вяло улыбнулась и сказала:

— Ну, уж если тебе так хочется, езжай с отцом. Сейчас я вам еду соберу.

Отец нерешительно потер подбородок.

И тут Ваня не выдержал. Расплакался.

— А то, может, и правда тебе лучше дома остаться? — сказал он.

Мать подошла к нему, провела ладонью по его щеке, сказала непонятно:

— Педагог!.. Побрился бы, что ли, ради такого случая!

— Это мы мигом! — обрадовался отец.— Пока ты нам харч соберешь, мы с Иваном в два счета себя в порядок приведем!..

— А... а можно Юрку позвать? — спросил Ваня.

Отец, уже намыливающий щеку, удивленно обернулся.

— Гляди-ка! Да ты же с ним в ссоре?

Но мать снова и теперь уже почему-то с насмешливостью произнесла это непонятное слово «педагог» и дружески подмигнула Ване: беги за Юркой...

И вот они шагают по утренней дороге, врубившейся прямо в черную стену тайги. Еще рано, но солнце уже поднялось довольно высоко, и на дороге, пересекая ее, лежат узорные кружева теней.

Голубая сойка скачет из одного темного пятнышка в другое, как девчонки скачут в «классы». Тайга не то чтобы спит, но в каком-то полусне: так бывает, когда проснешься на рассвете и знаешь, что уже не спишь, а все-таки еще спишь. Лежишь и слушаешь, как мать босыми ногами ходит по кухне... При мысли о матери Ваня упрямо вздрагивает и поправляет себя: мачеха!.. Но почему-то в это утро ему не хочется думать о своей обиде. Он поднимает вверх веснушчатое лицо и, щурясь оттого, что луч солнца, пробившись сквозь ветви, ударил ему в глаза, улыбается.

Отец шагает чуть впереди, неторопливо, размеренно, шаг у него широкий, и Ване с Юркой приходится за ним поторапливаться. Вдруг отец остановился, прислушался и говорит вполголоса:

— Ну-ка, давайте послушаем...

— Кого? — удивленно спрашивает Юрка.

— Тайгу, чудак человек,— поясняет отец.— Я вот так каждое утро: иду-иду, остановлюсь — послушаю.

И они слушают.

Сначала ничего не было: просто вокруг стояла глубокая и какая-то очень спокойная тишина. Потом стало слышно, как кто-то размеренно, часто стучит, будто гвоздик вколачивает.

— Проснулся, бродяга,— негромко сказал отец и улыбнулся.

— Кто проснулся? — шепотом спросил Юрка: ему же все нужно знать, этому Юрке!

И отец тоже шепотом объяснил:

— Дятел.

Потом стало слышно, как справа что-то тоненько-тоненько застрекотало: колокольчик не колокольчик, струна не струна.

— Малиновка,— все так же шепотом сказал отец.

Так они стояли минут пять, открывая все

новые и новые звуки, и оказалось, что она уже давно не спит, тайга, что она полна веселой, разноголосой суетой.

— Ну, передохнули? — спросил отец.— Шагаем дальше.

Дорога свернула влево, сбежала вниз, обогнув озерко, в котором деревья стояли опрокинуто, острыми верхушками вниз, а посредине на гладкой и черноватой воде медленно расходились круги от рыбы; а потом дороги не стало, появилась только узенькая тропиночка в кустарнике, и она вывела на поляну, густо усеянную пестрыми цветами.

— Все, пришли,— сказал отец, и Ваня удивился: куда же это они пришли, если тут никого нет?

Но только он успел удивиться, откуда-то сбоку, из высоких кустов раздался сильный мужской голос:

— Эге-ей, бригадир! Кого ты там привел?

Раздвинув кусты, вышел дядя Володя, тоже верхолаз,— Ваня знал его: он жил через два дома от них. Он был молодой, дочерна загорелый и кудрявый.

— Вот мужики,— сказал отец,— хотят посмотреть, что это мы тут делаем.

— Ну, ну,— неопределенно хмыкнул дядя Володя.— Курортничаем, вот что делаем... Опять этот Стребуков, будь он неладен, все срывает...

— Вы вот что, ребята,— сказал отец.— Вы тут побегайте, только далеко в тайгу не забирайтесь.

— Ну, что ты стоишь? — толкнул Ваню Юрка.— Побежали посмотрим!

— Что посмотрим? — не понял Ваня.

— А все! — И Юрка обвел рукою вокруг.

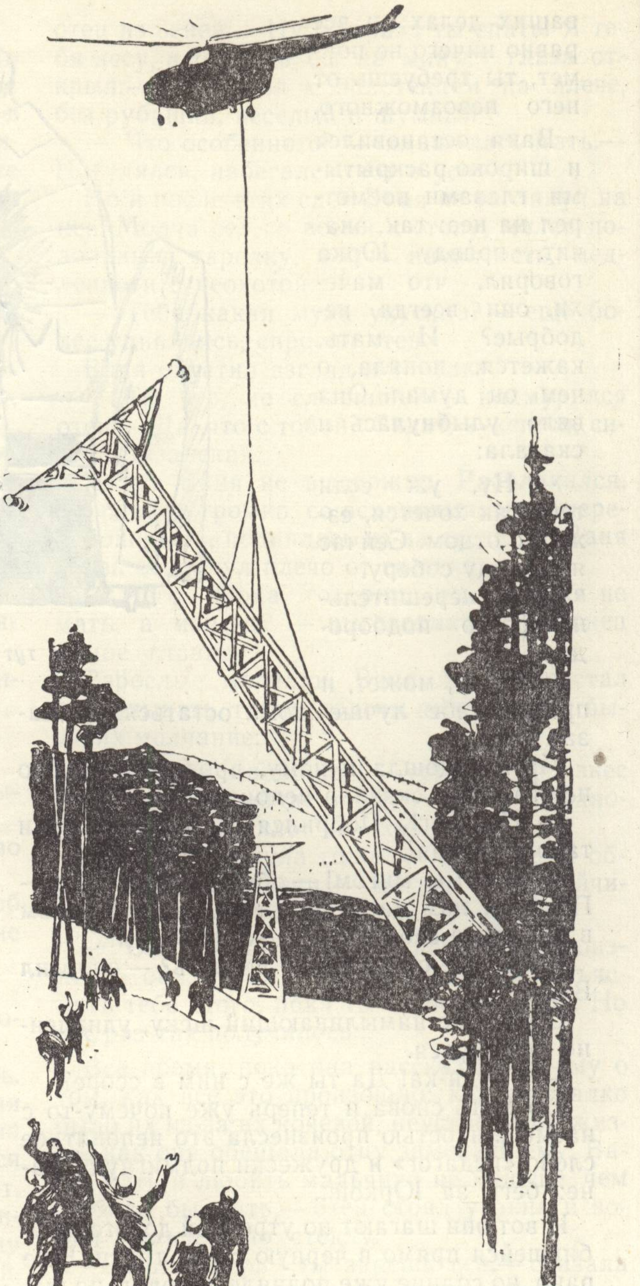
Но в эту минуту, все отчетливее нарастая, послышался металлический стрекот, и Ванин отец, облегченно вздохнув, сказал:

— Наконец-то!

Этого ни Ваня, ни Юрка не видели еще ни разу в жизни! Сверху из-за сопки, прямо на них медленно приближался вертолет, а под ним на тоненькой, длинной ниточке плыло что-то странное: то ли башня, то ли вышка, то ли хобот подъемного крана.

— А ну, по местам! — скомандовал отец, и рабочие разбежались в разные стороны, и каждый зачем-то махал вертолету руками, и каждый показывал какое-то место на земле, и можно было подумать, что все эти люди просто веселятся, обрадовавшись вертолету, и скачут, если бы, приглядевшись, Ваня внезапно не понял, что это, наверное, и есть их работа.

А вертолет теперь был уже совсем близко

То, что Ваня вначале принял за хобот подъемного крана, оказалось металлической башней...

и начал медленно опускаться, усиленно вращая громадными лопастями, которые сами видны не были, но отчетливо был виден белый круг завихренного воздуха, вычерчиваемый ими. То, что Ваня вначале принял за хобот подъемного крана, оказалось большой

металлической башней, похожей на парашютную вышку, только без верхней площадки. Она опускалась все ниже, и чем ниже опускалась, тем больше суетились рабочие на поляне. А потом, подмяв цветы, башня плашмя легла на землю, и рабочие бросились отцеплять путы металлического троса, которым она была соединена с вертолетом.

Отец командовал всем этим. Вдруг он поднял голову, поглядел на летчика, высунувшегося из кабины,— это был молодой парень, тоже знакомый, только имени его Ваня не мог вспомнить. Отец зачем-то показал летчику руку с часами и погрозил кулаком. Летчик покрутил головой. Он заметил Ваню и смешно, совсем по-заячьи дернул сморщенным носом.

В то же мгновение вертолет взревел и начал подниматься вверх.

— А ну, орлы! — скомандовал мальчикам дядя Володя.— Сейчас чтобы вашего духа на поляне не было. Береженого бог бережет.

Ребята отошли на край поляны, уселись на землю и стали ожидать, что будет дальше. Тем временем рабочие зацепили один край башни тросом, подтянули его к лебедке, стоявшей в высокой траве на земле, и стали вращать лебедку. Сначала ничего не было, только, ржаво поскрипывая, вращалась лебедка, да негромко переговаривались рабочие, поминутно оглядываясь на Ваниного отца, который не сводил взгляда с башни... Ломким, напряженным голосом он крикнул:

— Пошла!

И верно: медленно, очень медленно башня начала подниматься на попа. Это продолжалось долго, и все время, пока она поднималась, а рабочие все накручивали и накручивали трос на барабан лебедки, отец выкрикивал непонятные слова:

— Майна!.. Майна помалу!.. Вира!..

Наконец он скомандовал: «Стоп!» Рабочие отошли от лебедки и стали утирать лбы рукавами и подолами рубах.

Юрка, сидевший возле Вани, непривычно притихший, молчаливый, вскочил и радостно выкрикнул:

— Видал-миндал?!.

Потом башню закрепляли, потом отец стал вскарабкиваться на нее, как акробат по ступенькам трапеции,— Ваня бывал в цирке и видел, как это делается; потом обнаружилось, что в траве, оказывается, лежат провода, тянущиеся откуда-то из глубины тайги: там, наверное, тоже стояли такие же башни. Провода по одному поднимали вверх и крепили к большим белым стеклянным чашечкам. Теперь, закрепленные там, наверху, они опускались вниз длинными черными змеями...

Потом еще раз прилетел вертолет и принес еще одну башню, и ее поставили чуть поодаль от этой.

Потом обедали.

Собрали всю еду, что у кого есть, расстелили на земле клеенку и выложили все. Ваню и Юрку угощали наперебой: впрочем, уговаривать мальчиков не было нужды.

— Что значит — на воздухе,— мягко сказал дядя Володя.

— Что значит — детство,— поправил пожилой рабочий, которого все звали Ермаком.

— Видишь, какое дело,— как к взрослому обратился он к Юрке,— вообще-то ведь работают так. Ставят все фермы на участке, а потом уж начинается монтаж линии. Так все делают. Ну, а мы решили сократить время.

— Это правильно,— с набитым ртом серьезно кивнул Юрка, и все расхохотались. Начался перекур с дремотой: устроились на траве, под кустами, дымя папиросами и лениво переговариваясь о том о сем.

— Ух, и интересная у твоего отца работа! — восторженно сказал Юрка, растягиваясь возле Вани.

А Ваня почему-то вспомнил бондаря Никодима, вспомнил свой разговор с мачехой и, подумав, сказал:

— А я все равно геологом буду!

— Смышленый у тебя хлопец,— сказал Ермак, обращаясь к Ваниному отцу.

— Не жалуюсь,— хмыкнул отец. И внимательно посмотрел на Ваню.

В тот вечер Ваня уснул, как только добрался до постели. А через сколько-то времени проснулся, будто его кто разбудил. Проснулся, в комнате темно, только на стене виднеется узенькая, как карандаш, полоска света. Значит, отец с мачехой еще не спят. Было так тихо, что Ваня отчетливо слышал, как шевелится в углу мышонок; этот мышонок появился тут недавно, и каждый вечер он делал что-то свое, почти неслышное, внизу под полом.

Да, отец и мачеха еще не спали. Ваня вовсе не хотел прислушиваться к их негромкому разговору, но куда же он денется, если люди говорят, а ему не спится?

— Ну, зачем? — сказал отец.— Я не стану тебя отговаривать, зря ты так думаешь. Ты геолог, я все это понимаю, и твое место там, где геологи... Тем более, сама же говоришь, что партия отправляется на интерес-

— Ты... ты самая хорошая!..

ный поиск. Поезжай и ни о чем не тревожься...

Мать долго не отвечала. Потом заговорила:

— Не могу я, понимаешь? Сердце надвое разрывается. И к работе тянет, и Ванюшку бросить не могу...

— А чего его бросать? — возразил отец.— Что, интернат — приют какой-нибудь, что ли? Там, знаешь, ребятам, может, даже лучше, чем в иной семье...

Если бы это говорила мать, Ваня сейчас, наверное, расплакался бы от обиды: мачеха, злая мачеха, мачехи всегда не любят детей... Но это же говорил отец, а отец — он все знает!

— Нет, не смогу,— сказала мать.— И, пожалуйста, не убеждай меня...

Ваня приподнялся, сел в постели. Он замер весь в радостном ожидании чего-то, чего и сам не знал.

А мать продолжала:

— Понимаешь, он мне теперь дороже, чем если бы свой был...

— Я понимаю,— не сразу отозвался отец.— Это я понимаю... Ну давай так условимся: подождем, а время все прояснит.

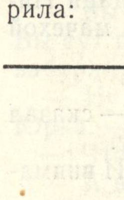
Ваня вдруг соскочил с кровати и бросился к двери, ведущей в комнату отца.

— Не надо ждать! — с порога крикнул он, распахивая дверь.— Не надо! — Он бросился к мачехе и уткнулся ей в колени.— Поезжай,— сказал он, поднимая заплаканное счастливое лицо.— Поезжай, да только поскорей возвращайся!.. Ты... ты самая хорошая!..

ФОНАРИК

З. МИРКИНА

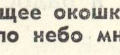
Я возьму фонарик гнома —
Прирученную звезду
И бродить по незнакомым
Темным комнатам пойду.

Темнота вокруг заплещет,—
Скрип дверей и тайный вздох...
Я врасплох застану вещи,
Я застигну тьму врасплох.

Блеск на раме, блик на стуле,
Блеск серебряной струи,—
Полночь! Взрослые уснули...
Вы не бойтесь: здесь свои!

Не глядите так сторожко —
Я иду по тишине,
И молчащее окошко
Протянуло небо мне.

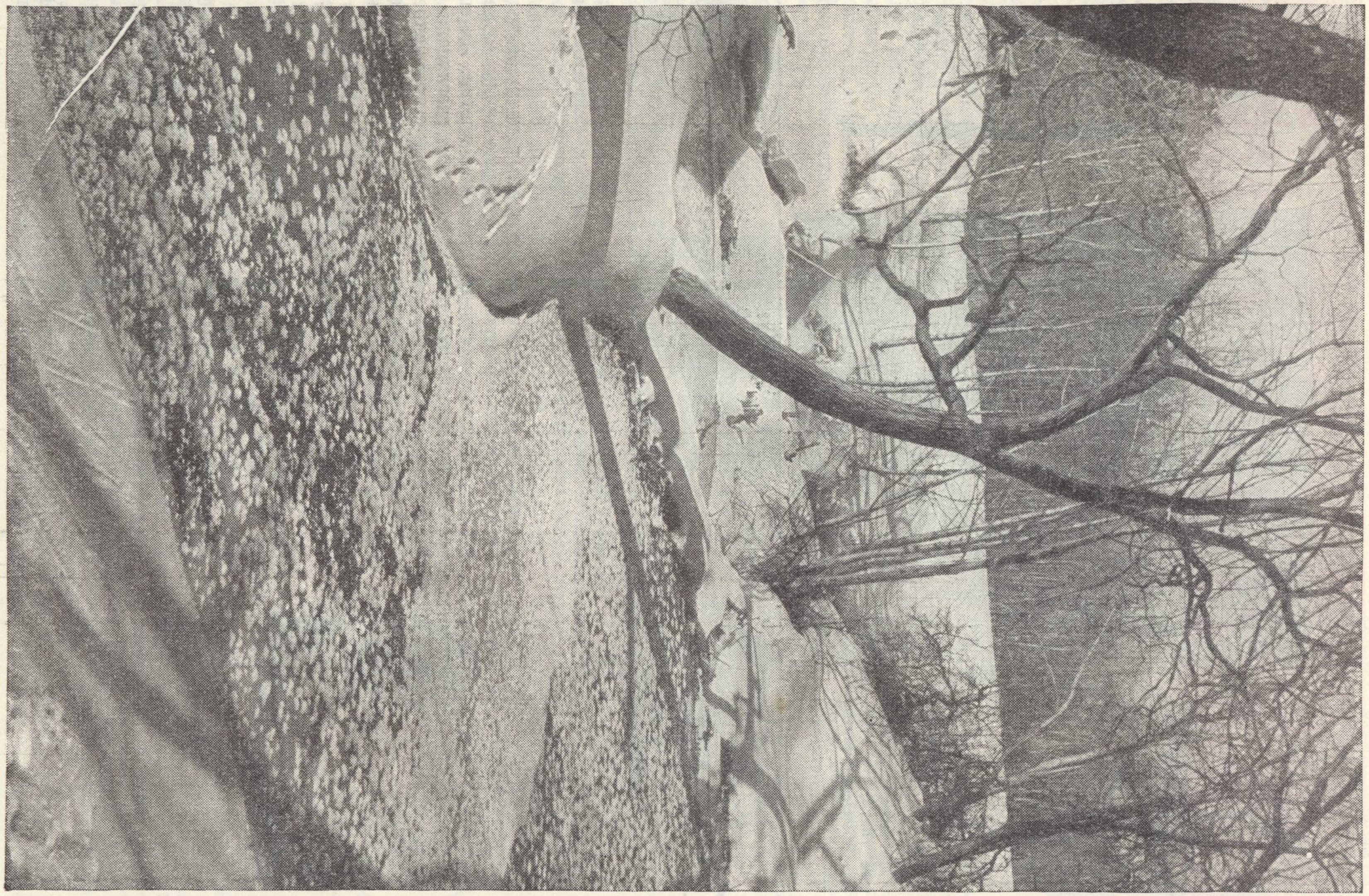
Тихо я пройду по дому,
Не оставивши следа.
У меня фонарик гнома —
Прирученная звезда.

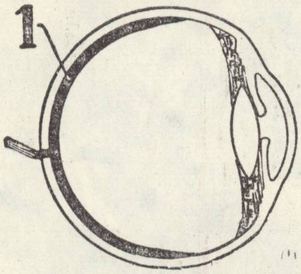
ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Еще в лесу от снега белым-бело, а они уже видны, эти долгожданные приметы.

Посмотрите на фото: замечаете ли вы их, ребята?

Тайны раскрытые и нераскрытые

Сетчатка расположена на дне глаза. На этой схеме она помечена черным цветом.

В НЕДРАХ ГЛАЗА

С незапамятных времен ученые пытаются проникнуть в тайны нашего зрения. Но только совсем недавно человек смог заглянуть в глубь клеток, увидеть, как они устроены. Эту поистине волшебную силу дал ученым электронный микроскоп.

Задолго до его появления ученые знали, что наше зрение — сложный процесс. В обычный световой микроскоп они разглядели строение сетчатки — той части глаза, которая улавливает свет. У человека и позвоночных животных сетчатка находится на дне глаза. Посмотрите на рисунок. Как видите, клетки сетчатки расположены слоями. Этих клеток в сетчатке много миллионов,

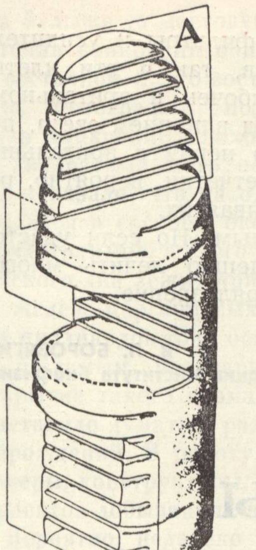

Примерно так выглядит сетчатка человека и позвоночных животных, если ее рассматривать в самый сильный световой микроскоп. Полосатые черно-белые участки — это и есть наружные части палочек и колбочек.

Свет, падающий на сетчатку, проходит через цепочку разных клеток и улавливается теми длинными отростками, которые видны на левом конце рисунка. Это и есть самые главные зрительные клетки. Их еще называют светочувствительными. В обычный микроскоп разглядели, что они неодинаковы по форме: одни более вытянутые, другие с утолщением в виде колбочки. Поэтому и назвали эти клетки «палочками» и «колбочками». Интересно, что палочки и колбочки у человека и позвоночных животных расположены так, что их наружные концы, улавливающие свет (на рисунке они полосатые), обращены не к центру глаза, не к свету, а в обратную сторону.

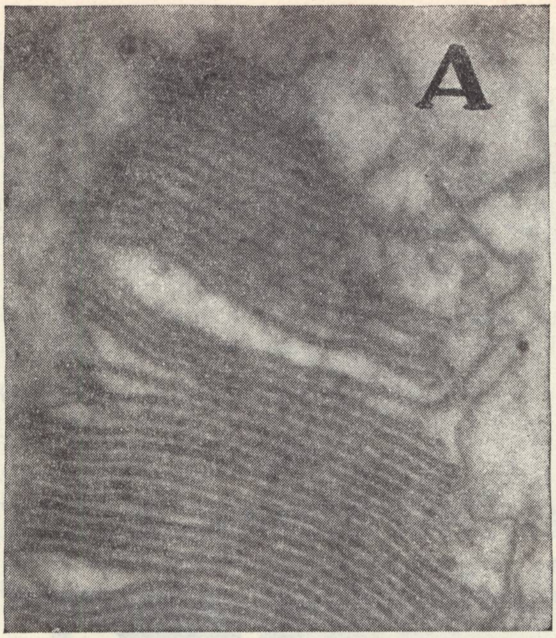
Палочки и колбочки работают дружно и слаженно. Колбочки «заведуют» дневным зрением, помогают нам видеть разные цвета и оттенки. А палочки начинают трудиться с наступлением сумерек, когда в глаз попадает мало света. Все это удалось выяснить, изучая работу глаз животных и человека. Обычный световой микроскоп много рассказал ученым о строении глаза, но все же не позволил им проникнуть глубоко в недра клетки. А как раз здесь-то и должны быть разгадки многих тайн нашего глаза. Раскрыть их помогают ученым электронный микроскоп и другие физические приборы. Теперь можно видеть клетку, увеличенную не в две-три тысячи, как раньше, а в десятки и сотни тысяч раз.

Представьте себе, что вам удалось посмотреть в электронный микроскоп на очень тонкий срез сетчатки. Такой тонкий, что простым глазом его

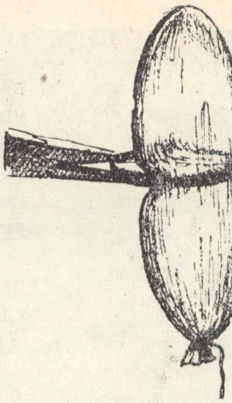

2

Вот так выглядит наружная часть колбочки. В разрезе сделана микрофотография, помещенная рядом.

В электронный микроскоп хорошо видны многочисленные складки-диски. Это микрофотография очень тонкого среза колбочки глаза лягушки (увеличение в 80 тысяч раз).

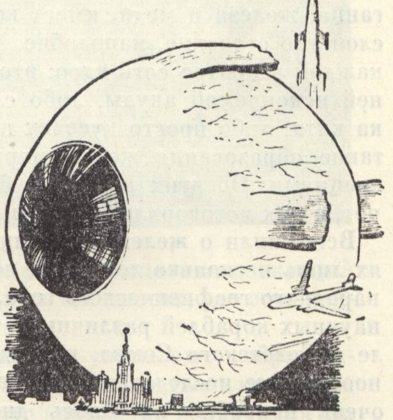

Такой опыт поможет вам представить устройство складок в оболочке зрительных клеток.

Если круглым фанерным диском давить сбоку на воздушный шарик, то в оболочке шарика образуется одна складка — диск. Примерно такие же складки-диски в оболочке палочек и колбочек, только там их несколько тысяч в каждой клетке.

не увидеть. Вы сразу узнаете уже знакомые вам по форме палочки и колбочки. При еще большем увеличении в электронном микроскопе можно увидеть, что они состоят из огромного числа складок! Посмотрите на рисунок слева. Это модель очень небольшого участка одной колбочки. А рядом с ним — микрофотография тонкого среза наружной части колбочки глаза лягушки (увеличено в 80 тысяч раз). И на модели и на фотографии хорошо видны складки.

Зачем же нужны эти складки? Ученые знали, что в наружных частях зрительных клеток находится очень важное и сложное вещество — зрительный пигмент. Это он улавливает свет. Оказалось, что расположен он как раз на этих складках. Почему же складок так много — тысячи? Тоже не случайно: чем больше поверхность, улавливающая свет, тем лучше видит глаз. Поэтому оболочка зрительных клеток и состоит из складок, столбиком уложенных друг на друга. Складки напоминают батарею из нескольких тысяч пластинок-фотоэлементов. Видимо, и работают эти части зрительных клеток почти так же, как фотоэлементы. Но это только предположения ученых. До сих пор неизвестно, как происходит превращение энергии света в биотоки, которые передаются через все слои клеток сетчатки в зрительный нерв, а оттуда по нерву в мозг. Чтобы раскрыть тайну этого процесса, должны объединиться ученые многих специальностей — биофизики, биохимики, физиологи, цитологи (цитология — наука о клетке).

Если бы клетки нашего глаза были такой величины, какими мы их видим в электронный микроскоп, то сам глаз принял бы фантастические размеры. Диаметр его был бы около трех километров. Наш глаз напоминал бы гору, уходящую вершиной в облака.

Раскрыты еще далеко не все тайны палочек и колбочек. А они составляют только один слой клеток сетчатки. Всего же слоев восемь.

Что же мы знаем о клетках других слоев?

Ученые предполагают, что подобно тому, как фильтры и усилители в радиоприемнике регулируют силу радиосигналов, так и эти клетки управляют движением биотоков от палочек и колбочек к зрительному нерву. Биотоки возникают в зрительных клетках под влиянием света, потом по цепочке других клеток они передаются по нерву в зрительные центры нашего мозга. Все остальные слои клеток сетчатки, вероятно, регулируют движение биотоков, то заглушая, то усиливая их.

В работе этих клеток еще многое неясно ученым. Но если удастся раскрыть их секреты, ученые и врачи смогут успешно лечить многие глазные заболевания и даже помогать тем, кто потерял зрение.

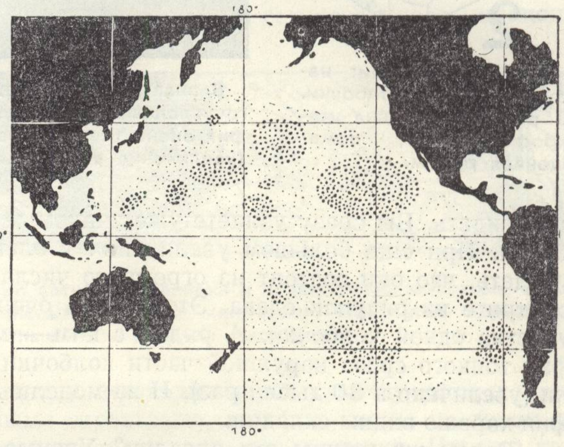
Наступление на тайны глаза продолжается!

В. Л. БОРОВЯГИН,
научный сотрудник Института биофизики

ПОДВОДНЫЕ КЛАДЫ

КАМЕННЫЕ КАРТОФЕЛИНЫ

В конце прошлого века английская экспедиция на корабле «Челленджер» обнаружила на дне восточной части Тихого океана на глубине свыше трех километров какие-то странные образования, напоминающие по внешнему виду черную мороженую картошку. Когда ученые исследовали эту «картошку», то оказалось, что она почти полностью состоит из окислов марганца, железа и меди, имеет концентрическое, слоистое строение, наподобие луковицы, и у каждой в центре есть ядро: это либо зуб древней ископаемой акулы, либо слуховая косточка кита, либо просто кусочек пемзы. Назвали такие образования железо-марганцевыми конкрециями. Об этих находках был написан отчет, о них поговорили, а потом забыли.

Это карта распространения «подводных кладов». Густые точки показывают, где конкреции лежат вплотную, как на верхнем снимке.

Вспомнили о железо-марганцевых конкрециях лишь несколько лет назад во время Международного геофизического года, когда десятки научных кораблей различных стран, в том числе и Советского Союза, проводили самые разнообразные исследования в океане. При этом очень подробно изучалось дно: его рельеф, грунты. И вот во многих местах Тихого океана снова были подняты из глубин дночерпателями и тралами эти удивительные и загадочные образования, конкреции. На этот раз они привлекли к себе всеобщее внимание. Конкреции вновь были подвергнуты химическому анализу, и выяснилось, что, кроме окислов марганца, железа и меди, в них содержится большое количество таких редких металлов, как никель, кобальт, ванадий, титан. А они очень нужны для промышленности. И ни в одном «сухопутном» месторождении нет руды, которая была бы так богата этими ценными металлами.

Да, но вести разработку на дне океана? Под водой?! Выгодно ли это? Велика ли будет добыча? Об этом шли споры...

ФОТОАППАРАТ ПОМОГАЕТ СЧИТАТЬ

В самое последнее время специальными глубоководными автоматическими фотоаппаратами сделано много фотографий океанского дна. Эти фотографии помогли разрешить спор.

Оказалось, что конкреции почти сплошь покрывают дно, а в некоторых местах они так плотно «уложены» одна к другой, что дно похо-

же на булыжную мостовую. Особенно большие скопления конкреций обнаружены в центральной, восточной и юго-восточной части Тихого океана. Фотографии позволили подсчитать, сколько конкреций приходится в среднем на один квадратный метр поверхности. Эти подсчеты показали, что на один квадратный метр приходится в среднем около восьми с половиной килограммов, а всего на поверхности тихоокеанского дна лежит примерно 90 миллиардов тонн железо-марганцевых конкреций. Девяносто миллиардов тонн богатейшей руды! И это лишь по самым предварительным подсчетам.

Открытие такого громадного количества руды заставило думать о разработке этих донных месторождений. В работу включились горные инженеры, конструкторы. Уже создано несколько проектов добывания конкреций со дна океана. Вероятно, недалеко то время, когда промысел в океане будут вести не только рыбаки, но и горняки.

ЗУБЫ ВСЕХ ВРЕМЕН

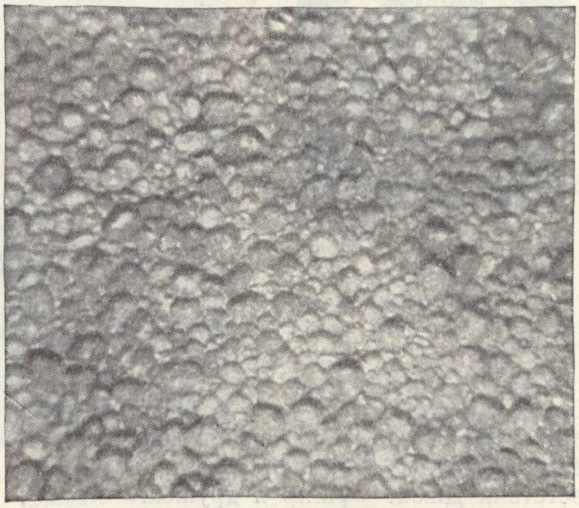
Конкреции интересны не только геологам и металлургам. Эти камешки вроде шоколадок с сюрпризом: разобьешь шоколадку, а внутри тебе подарочек. Оказались в конкрециях «подарочки» и для тех ученых, которые занимаются прошлым земных обитателей, историей развития жизни на Земле. Словом, для палеонтологов. Чуть не в каждой конкреции заключена какая-нибудь тайна о прежних обитателях древнего океана. Палеонтологи обнаруживают в конкрециях зубы животных, существовавших в самые различные времена и эпохи.

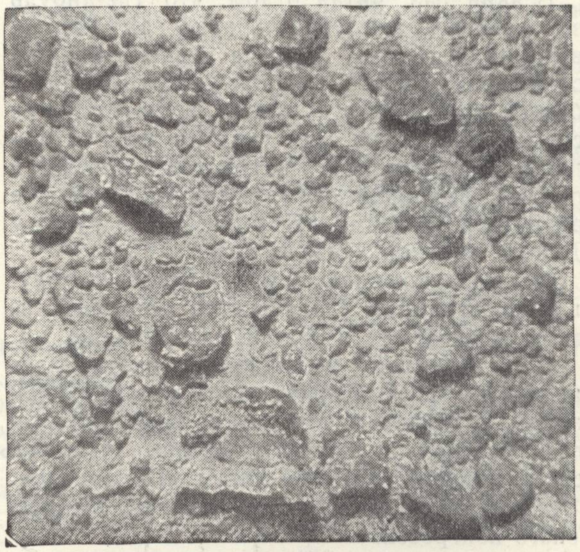
Словно в каменных сейфах, спрятаны в конкрециях остатки древней жизни. Сохранными и неповрежденными добывают их палеонтологи из-под слоистой рудной обертки. Да еще иной раз и с меткой: «Спрятано столько-то тысяч или миллионов лет назад». Такой меткой оказывается сама обертка. Стоит только измерить возраст конкреции по радиоактивным часам...

СНОВА ТАЙНА!

Выяснено, с какой скоростью вырастают марганцевые «картофелины». Слой толщиною в один миллиметр откладывается за тысячу лет. Такую скорость трудно и скоростью назвать!

И все же, быстро или медленно, а конкреции выросли. Как, откуда, почему они образуются? Это пока непонятно... Некоторые ученые считают, что их образование происходит за счет разложения вулканических пород. И действительно, особенно большие скопления конкреций встречаются как раз в тех местах, где есть подводные вулканы.

Другие исследователи связывают образование конкреций с деятельностью микробов. Третьи полагают, что конкреции образуются чисто химически, путем осаждения из морской воды растворенных в ней марганца, кобальта, меди и других металлов.

Многие ученые сейчас заняты поисками ответа, и, может быть, когда ответ будет найден, он поможет добывать металлы прямо из морской воды или ускорять образование конкреций.

Н. ЗЕНКЕВИЧ,
научный сотрудник Института океанологии АН СССР

Динг-донг-доллар!

Н. АГАЯНЦ

У меня в Шотландии есть хороший друг. Зовут его Джон Мак-Рэй. Я часто получаю открытки со штемпелем города Глазго. «Пис энд фрэндшип!» — пишет всегда в своем приветствии Джон. — «Мир и дружба!»

Всякий раз, читая о том, что где-нибудь за рубежом выступают борцы за мир, я вспоминаю Джона. А когда недавно пришло сообщение о новой мощной демонстрации на берегу шотландского залива Холи-Лох, я не сомневался: Джон был там. Он шел в колонне шотландских патриотов, протестуя против американских подводных лодок с атомными ракетами «Поларис». И в руках у Джона, конечно, была гитара...

Мы познакомились с ним в прошлом году, в день открытия Московского конгресса за мир, за всеобщее и полное разоружение.

Над столицей неожиданно разразилась июльская гроза. Спрятавшись под каменной аркой, я услышал, как рядом кто-то вполголоса напевал английскую песню. Разобрал слова припева: «Мы не хотим «Поларисов». Это и был Джон Мак-Рэй, делегат Московского конгресса.

Мы разговорились, а когда дождь перестал, вместе пошли на Красную площадь. Я узнал, что Джон родился в Глазго, в скромной семье учителя. Как и все ребята, увлекался спортом, запоем читал книги, особенно стихи. До чего ж он удивился и обрадовался, услыхав, что в нашей стране хорошо знают его любимого поэта Роберта Бернса!.. Сейчас Джон сам учит детей музыке и пению.

Спустя несколько дней мы сидели вечером у него в гостинице, и я спросил:

— Послушай, Джон, а как ты начал бороться против войны, против атомных бомб и ракет? Как родились ваши антивоенные песни?

И Джон стал рассказывать.

Глазго — крупнейший город Шотландии. Город потомственных моряков и кораблестроителей. Не счесть, сколько судов, больших и малых, сошло со стапелей знаменитых Клайдских верфей. Еще более великое множество кораблей из самых дальних уголков земного шара приходило в порт. Но вот в Холи-Лох, заливе в устье реки Клайд, появился огромный стальной хищник — плавучая база американских подводных лодок «Протей». На борту лодок стояли «Поларисы». Вместе с друзьями, парнями и девушками из порта, с рабочими, жителями города Джон пошел к заливу. Демонстранты несли плакаты с надписью: «Янки, убирайтесь

Жители города Глазго против атомных бомб.

На берегу шотландского залива Джон Мак-Рэй (слева с гитарой) и его друзья сочинили песню «Мы не хотим «Поларисов».

ДЖОН-ДЖЕК КЕННЕДИ

На мотив детской песенки «Би-Бо-Бэбити»

**Джон-Джек Кеннеди,
Восвояси уходи,
Флот подводный уведи —
И долой «Поларис»!**

**Джон, Джон или Джек,
Ты прощай, прощай навек
И с чужих морей и рек
Убери «Поларис»!**

**Джек, Джек или Джон,
Уходи скорее вон,
Джон, Джон, выйди вон —
И долой «Поларис»!**

**Нет, нет,— скажем нет.
Пентагону скажем: нет.
Джеку-Джону скажем: нет.
И к чертям «Поларис»!**

домой!». Там, на берегу залива, Джон и его товарищи и сочинили эту песню против заокеанских поджигателей войны — «Мы не хотим «Поларисов».

Она сразу стала популярной в городе и особенно среди молодежи. Вслед за первой песней появились другие, а через год набрался уже целый цикл сатирических антиамериканских песен под названием «Динг-донг-доллар!». Они зазвучали в клубах и на демонстрациях, в поездах и автобусах, на пирсах и вокзалах. Сегодня эти песни распевают все британские борцы за мир.

Кончив свой рассказ, Джон взял гитару.

Песни, гневные и насмешливые, жизнерадостные и чуточку грустные, сменяли одна другую. Джон пел, широко улыбаясь, но его глаза оставались серьезными. Ведь это были песни, с которыми там, в Шотландии, он шел с друзьями против американских ракет, против войск и полиции...

Пробило полночь. Пора было прощаться. На рассвете Джон улетал на родину. Он протянул мне пластинку и сборник песен.

— Вот, возьми на память. Знай, что мы будем бороться до тех пор, пока все оружие не свалят в море. Желаю успехов советским борцам за мир...

Две песни из этого сборника перед вами. Они переведены поэтом С. Я. Маршаком. Прочитайте их, ребята, и вспомните Джона, его звенящую гневом гитару. Такие песни сильнее атомных бомб и ракет! В них — голос миллионов людей, всего британского народа!

ДЖЕК-МИЛЛИОНЕР

**Зовет нас Джек-миллионер
(Какой он шустрый малый!),
Зовет нас в глубь небесных сфер
Иль в адские подвалы.**

**Но не желаем мы идти,
Куда желают нас вести
И Вашингтон,
И Пентагон,
И Джек-миллионер.**

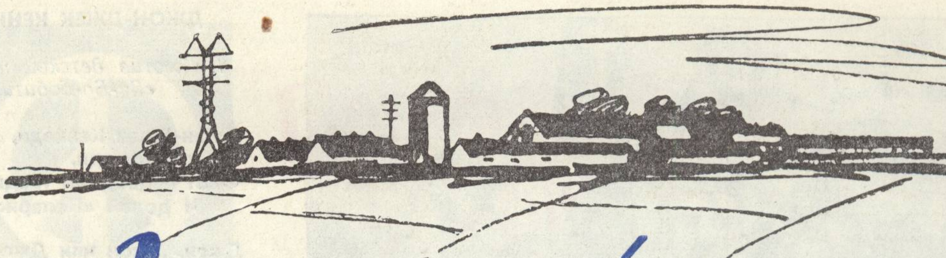
**Какой у янки хмурый вид!
Не оттого ли он сердит,
Что снизу вверх и сверху вниз
Летят его ракеты,
А русский, взявший первый приз,
Летал вокруг планеты!**

— Эту книжку мне подарил Джон. На ней написано: «Антиполарисные песни». И нарисован пляшущий австралиец с бумерангом в руке. Бумеранг означает: «Янки, убирайтесь туда, откуда вы пришли!» На убегающем кенгуру надпись: «Радиоактивные осадки».

Зелёный шум

Алексей МУСАТОВ

ПОВЕСТЬ.

Рисунки Н. Борисовой.

(Продолжение)

У РОДНИКА

С наступлением весны Митька Кузяев со своим дружком Ваней Вьюрковым развернули бурную деятельность.

Мальчишки обламывали в лесу ветки цветущей черемухи и, набив ею корзины, шли на станцию, а там продавали по рублю за ветку.

Потом они принялись таскать из лесу мешки с травой для коров и поросят, резали гибкие прутья для корзин и обдирали сочную кору с лозняка, с лип, с дубков и сушили ее на солнце. Кора подсыхала, сжималась, темнела, и густой, пряный запах прочно держался на улице.

— А мы что ж с тобой! — донимал Гошку Никитка.— Сидим, как калеки какие. Мамка говорит, что можно и корье драть, и черемуху ломать, и лечебные травы собирать для аптеки. Глядишь, и подзаработаем малость...

— «Подзаработаем», — передразнивал Никитку Гошка.— И ты туда же!..

— А что ж такого! — защищался Никитка.— Весной все черемухой торгуют. Уж так заведено. Видал, сколько с Митяем ребят в лес ходит!..

И верно, за Митяем тянулись почти все клинцовские мальчишки, драли корье, таскали охапками цветущую черемуху, и со стороны казалось, что им удалось поймать белоснежное облако и поделить его на части.

«А может, и в самом деле в этом нет ничего особенного! — раздумывал Гошка.— Черемухой густо заросли все овраги, цветет она каждую весну буйно и пышно, и никому ее не жалко. А мальчишкам от продажи черемухи все же небольшой приработок — кому на обновку, кому на билет в кино».

— Ладно, сходим и мы,— согласился Гошка.

Да и как было не сходить!

Всю зиму, с самой грибной осени, не заглядывали они в лес. Как-то там поживает белоствольная березовая роща, частый, непроходимый осинник, сумрачные, разлапистые ели, под которыми, как под палатками, можно переждать любой дождь, и, наконец, великаны-дубы — поднимайся по ним, как по лестнице многоэтажного дома, и осматривай всю округу!

Особенно радовался походу в лес Никитка. Никто лучше его не умел мастерить голосистые свистки, выслеживать птиц, находить съедобные травы и корни. «Со мной можно хоть месяц в лесу плутать,— хвастал обычно Никитка,— а все равно сыты будем. И даже не похудеем. Я все калорийные травы знаю...»

Сборы были недолги.

Гошка с Никиткой наточили ножи, взяли по мотку веревок, набили карманы хлебом, вареной картошкой, солеными огурцами — вот они и готовы.

В путь вышли рано утром.

Не успели мальчишки поравняться с домом Покатиловых, как из дверей выскочила Елька Карасева. За спиной у нее висел добротный брезентовый рюкзак с желтыми кожаными ремнями и множеством светлых металлических пряжек. В руках — лыжная палка, на шее болтался бинокль. И хотя он был скрыт черным кожаным футляром, но ребята почему-то сразу поверили, что бинокль всамделишный, командирский и в него можно увидеть чуть ли не самый край земли.

— Вы куда собрались! В поход! По какому маршруту! — быстро заговорила Елька, догнав мальчишек.— А почему без обуви, почему без снаряжения!

— Никакой это не поход,— недовольно сказал Гошка.— Просто мы в лес идем... за черемухой, за корьем. Кому что надо...

— И я с вами! — решительно заявила Елька, поправив на груди бинокль.— Будем изучать родную природу. Только надо побольше ребят созвать. Ну вот хотя бы все наше третье звено... Пошли по домам!

— Мы уже ходили,— сказал Гошка.— Только никого дома нет... все разбрелись куда-то.

— Тогда пошли втроем,— махнула рукой Елька.

Гошка неловко потоптался на месте. Елька — неплохая девчонка, смелая, честная, справедливая, с ней не заскучаешь, но сегодня она совсем некстати.

Толкнув в бок Никитку, Гошка вдруг запрыгал на одной ноге и выругался:

— Ах, черт! Ногу занозил... Колючка какая-то.— Он опустился на бревно и сделал вид, что вытаскивает из пятки занозу.

— Я ж говорила, что без обуви в поход нельзя,— встревожилась Елька.— Может, тебе ногу йодом смазать! У меня походная аптечка есть. Я в городе всегда санитаркой была...

— Ничего, обойдется,— буркнул Гошка и подмиг-

нул Никитке: — Раз санитарка говорит, значит, надо обуться. Пошли-ка по домам.— Он кивнул Ельке: — А ты нас здесь подождай.

Девочка присела на бревно, а мальчишки направились по домам.

Но как только они дошли до Гошкиной избы, так сразу юркнули в проулок и побежали к лесу.

— А как же Елька! — напомнил Никитка.

Гошка нахмурился.

— Ей сегодня лучше не ходить с нами... Мы черемуху ломать будем... А Елька городская... не поймет...

— Пожалуй,— согласился Никитка и вздохнул с завистью: — Вот только бинокль у нее что надо!..

— А зачем нам бинокль!.. Мы и так видим.

Вскоре Гошка с Никиткой вступили в лес. За последние дни он волшебно изменился. Совсем недавно кусты и деревья были в красноватых почках, в сережках, соцветиях, а сегодня все покрылось молодой, нежной листвой. Она просвечивала на солнце и переливалась десятками самых разнообразных зеленых оттенков и расцветок, каких, пожалуй, даже не изобразишь на бумаге.

Благодатные волны теплого пахучего воздуха обмывали каждое деревцо, затопляли весь лес, и он шумел радушно, приветливо, словно звал мальчишек поглубже забраться в зеленое царство.

— А ты знаешь, как это время называется, когда все вот так зеленеет! — неожиданно спросил Никитка, весь превратившись в слух и внимание.

— Кто же не знает!..— ответил Гошка.— Весна...

— А по-другому!.. Помнишь, мы в книжке читали: «Идет, гудет зеленый шум, зеленый шум, весенний шум...»

Радуясь солнцу и молодой зелени, мальчишки принялись прыгать, скакать, валяться на траве. Находили съедобные корешки, листочки, очищали от кожицы стебли дудок и лакомились ими до того, что языки стало пощипывать. Нарвали по охапке цветов и тут же разбросали их, потому что на других полянках цветы оказались еще лучше.

Потом затеяли игру в войну. Выслеживали друг друга, незаметно, как ужи, переползали по густой траве, маскировались в кустах; вооружившись рогатыми палками, разрушали «неприятельские крепости» — сбивали старые, трухлявые пни, раскидывали кучи валежника...

— Ой, Гошка! — спохватился Никитка.— А про черемуху-то мы и забыли...

Они побежали к оврагу, густо заросшему цветущей белокипенной черемухой. Здесь уже орудовали вовсю клинцовские мальчишки: Митька Кузяев, Ваня Вьюрков, Ваня Коняхин, Борька Медунов.

На земле лежали большие охапки веток, но мальчишки старались наломать еще и еще. Они по-кошачьи забирались на высокие деревца, отчаянно раскачивали их, пригибали к земле и с лихорадочной поспешностью обрывали ветки.

Наиболее сильные и гибкие деревца пружинисто выпрямлялись, другие, послабей, надломившись, так и оставались лежать на земле.

А мальчишки словно ошалели. Каждый старался забраться на деревцо повыше, раскачаться посильнее и приземлиться с победным, торжествующим криком.

Казалось, что по лесу прошел свирепый ветер-бурелом.

— Зачем они так!! — жалостливо сказал Никитка, потянув Гошку за руку.

Из кустов вылез Митька Кузяев.

— А-а, дружки закадычные! — ухмыльнулся он.— Тоже на промысел вышли!..

Митька вытащил из-за пояса маленький топорик и принялся подрубать высокую, стройную черемуху в руку толщиной.

Сжав кулаки, Гошка бросился к Митяю.

— Очумел ты! Зачем дерево губишь!

— Еще чего! — удивился Митька. Он не договорил и насторожился: — Слышь, ребята, а за нами вроде следят...

Все прислушались. И верно, через лесную чащу кто-то пробирался.

Митяй подал команду отходить.

«Черемушники», захватив охапки веток, побежали вдоль оврага. Гошка с Никиткой решили не отставать от них...

Сжав кулаки, Гошка бросился к Митяю.

Вскоре мальчишки выбрались к родничку на склоне оврага. Тихий, неприметный, он был обнесен невысоким срубом из замшелых, старых бревен.

Прозрачная студеная вода доверху наполняла сруб.

Мальчишки, как по команде, припали к роднику. Сначала они пили воду, перегнувшись через бревна, потом стали зачерпывать ее ладошками, потом потянули через тоненькие дудочки. Пили до того, что у всех заломило зубы и заболело в висках.

— Ну, браты черемуховые! — сказал Митька, вытирая мокрый подбородок.— На сегодня хватит. Расходись по одному!

— А ты все-таки зря, Митька!..— заговорил Гошка.— Зачем с топором по лесу ходишь? Ну, рвал бы себе ветки черемухи и рвал, а зачем деревья губить? Да еще ребят подбиваешь!..

— Тоже мне лесник-объездчик нашелся! — фыркнул Митяй.— Да ты что, садил черемуху, ухаживал за ней!.. Кому она нужна-то!

— А липы в лесу кто обдирает? А дубки! — наступал на него Гошка.— Тоже твоя работа!

— Ладно тебе, святая душа! Охолонись вот! — отмахнулся Митька и брызнул на Гошку водой.

Гошка в долгу не остался и ответил тем же.

Забыв обо всем на свете, мальчишки схватили палки и стали бить ими по воде родника.

Главное тут — занять боевую позицию и ударить по воде так, чтобы брызги разлетались широким веером и обдавали противника с головы до ног. Лучше всего это удавалось Гошке. Но и Митька ему не уступал. Так они и «обстреливали» друг друга до тех пор, пока вода в срубе не стала черной, будто в нее вылили черной туши.

И вдруг «черемушники» заметили девочку. С рюкзаком за плечами она стояла на обрывистом берегу оврага и рассматривала мальчишек в бинокль.

— Это Елька!..— испуганно вскрикнул Борька.— Как сова смотрит!..

Гошка с Митькой опустили палки.

— Так вот вы зачем в лес ходите!! Черемуху ломать да воду мутить! — сказала сверху Елька и, опустив бинокль, стала спускаться к роднику.

Не глядя друг на друга, мальчишки метнулись за кусты и бросились бежать. Бежали так, словно за ними кто-то гнался. Крапива обстрекала им руки и ноги, ветки царапали лица...

Опомнились только на залитой солнцем лесной поляне.

Всем было не по себе: так позорно, по-заячьи, убежать от девчонки!..

— И чего ей нужно, председателевой дочке! — с досадой сказал Борька.— Чего она ходит за нами!

— Видал, какой у нее бинокль! — вздохнул Саня Вьюрков.— Она теперь всем, всем расскажет...

Гошка нахмурился.

— Ладно,— сказал он,— я с ней поговорю... по-своему...

Он приказал мальчишкам ждать его на поляне, а сам направился обратно к оврагу. Должно быть, Елька еще где-нибудь там...

И верно, девочка была у родника. Но не одна. Рядом с ней стоял дед Афанасий. Сняв широкополую соломенную шляпу, он смотрел на взбаламученную черную воду родничка и яростно тряс лысой головой.

— Ах, басурмане! Ах, пакостники! Всю воду испоганили!.. Так ты говоришь, это мальчишки назловредничали!

Присев за кустом лозняка, Гошка прислушался.

— Да, мальчишки... Целая компания,— еле слышно ответила Елька.— Я только подошла сюда, а они — врассыпную!..

— А чьи мальчишки, откуда!.. Наши, клинцовские!..

— Нет, дедушка. Я бы клинцовских узнала... Какие-то чужие.

В зарослях лозняка было прохладно и даже сыро, но Гошке вдруг стало жарко.

— Эх, попадись они мне в руки!.. Я бы им, пакостникам, прописал ижицу!..— погрозил старик.— Ну, чем же я теперь трактористов поить буду!

— А вы, дедушка, подождите. Я сейчас канавку сделаю... Мутная вода стечет, а свежая наберется...— Елька схватила палку и принялась прокапывать от родника канавку.

— Э, милая! — махнул рукой старик.— Мне ждать некогда. День жаркий, парни пить хотят. И кухарке вода требуется. Придется, видно, на речку ехать.

Он отошел от родничка, сел на повозку и, тронув коня, поехал вдоль оврага.

— Дедушка, а я здесь побуду! — крикнула ему вслед Елька.— Как вода отстоится, я скажу вам...— Она присела на колени, и палка еще быстрее замелькала в ее руках.

«Да так ей копать не перекопать!» — подумал Гошка.

Осторожно выбравшись из лозняка, он вернулся на поляну, к ребятам. Митяя и Вани Вьюркова здесь уже не было.

— Ну, как!.. Поговорил!..— нетерпеливо спросил его Борька.

— Все в порядке,— кивнул головой Гошка.— Айда за мной!

Он привел мальчишек к родничку и, показав на Ельку, сказал:

— Трактористам чистая вода нужна. Будем копать канаву. Кто чем может...

В дело пошли карманные ножи, палки, острые камни.

Вытерев рукавом взмокшее лицо, Елька с удивлением посмотрела на неожиданных помощников. И, кажется, она все поняла.

КОМАНДА РЕТИВЫХ

Утром Гошку разбудило радио.

Черный диск репродуктора с серебряным глазком посредине висел на стене почти под самым потолком.

Сделала это мать не без умысла. Гошка очень любил, чтобы музыка гремела на весь дом и двор, а мать считала, что от такой музыки куры разбегаются со двора. После этого Гошка уж никак не мог дотянуться до регулировочного винтика репродуктора, разве только взгромоздившись на стул и поднявшись на цыпочки.

Сейчас говорил местный радиоузел. С тех пор, как Николай Иванович стал председателем колхоза, почти каждый день передавались колхозные новости.

Гошка узнал голос комсомольца Кости Перышкина — он был бессменным диктором местного радиоузла. Подражая голосу Левитана, Костя рассказал, как вчера работали тракторные бригады в поле, кто отстал, кто выдвинулся вперед, какие работы предстоят на сегодня. Похвалил доярок и птичниц.

Костя говорил так торжественно, что Гошке даже показалось, что сейчас будет объявлен салют и над колхозом загремят пушечные залпы.

Потом диктор перешел к объявлениям.

Он сообщил, на какой час назначено заседание правления колхоза и кто на него приглашается.

«К девяти часам утра,— услышал Гошка,— к председателю колхоза вызываются также школьники Гоша Шарапов, Никита Краюхин, Боря Покатилов, Митя Кузяев... Явка строго обязательна!»

Заметив, что мать, хлопотавшая у печки, навострила уши, Гошка накрылся одеялом. Так и есть: Елька все рассказала отцу. И про поломанную черемуху и про взбаламученную воду в родничке. Теперь пожалуйте к председателю. А что тут объяснишь!

Гошка притворился, что крепко спит, он даже начал посвистывать носом.

Но мать провести было нелегко. Она подошла к кровати и сдернула с Гошки одеяло.

— Так... Вызывают, значит. Ну, что ж, сынок, доложись... Чего сокрушили, чего поломали.

— Да нет... Ничего такого не было,— забормотал Гошка, поднимаясь с постели.

За окном мелькнули два вихра — Никиткин и Борькин. И тут же скрылись.

Гошка поспешно натянул штаны и выскочил на улицу.

Приятели сидели на завалинке и обсуждали, что-то их ждет в правлении. Наверное, Николай Иванович распушит их за вчерашнее, а потом диктор на весь колхоз объявит по радио, как мальчишки безобразничали у родника.

— И зачем ты с Митяем схлестнулся! — упрекнул Гошку Борька Покатилов.— Не брызгался бы, и все было бы ладно!

— Я еще и виноват! — возмутился Гошка.— А зачем он деревья губит!.. Да и ты тоже хорош! Связался с Митяем, а остановить его не можешь.

— Будет вам! Еще поцапаетесь,— вмешался Никитка и предложил ребятам не ходить в правление: они, мол, спали, радио не слышали и знать ничего не знают.

— Нет, так не пойдет,— помолчав, сказал Гошка.— Раз нашкодили — чего уж тут прятаться!

Подошло еще несколько мальчишек, и они всей компанией направились к правлению.

В дверях конторы мальчишек встретила Елька.

— Почему опаздываете! — строго спросила она, кивнув на стенные часы.— По радио как объявили!.. Ровно в девять.— И обратилась к отцу, который, стоя у шкафа, рылся в каких-то бумагах:— Папа, вот они... Явились с опозданием на десять минут.

В конторе Николай Иванович был не один. За широким столом сидели два члена правления, в углу о чем-то шепталась с дедом Афанасием Стеша Можаева.

«Вот оно как придумано,— поежился Гошка,— при всем честном народе отчитывать будут!»

Николай Иванович подошел к столу, оглядел ребят.

— Молодое колхозное пополнение явилось... А почему не все! Где Митя Кузяев, Ваня Вьюрков!

— Этих по радио не скличешь,— усмехнулся дед Афанасий.— Тут без нарочного не обойдешься.

— Садитесь,— пригласил председатель ребят.— Будем разговаривать.

Мальчишки осторожно присели на скамейку, подальше от стола.

— Давно бы пора их в контору вызвать,— недовольно сказал Савелий Покатилов, Борькин отец.— Житья от ребятишек не стало. Вчера на лошадях скачки затеяли, третьего дня стог сена развалили.

— Так это ж не мы!..— попытался пояснить Борька.— Это, верно, старшие...

— А бес вас разберет — старшие, младшие. Носитесь по всему колхозу как оглашенные. Я так считаю: надо за ребячьи проделки с родителей взыскивать.

— Обождите, Савелий Прохорыч,— остановил его председатель.— Тут другой разговор.— И он вновь обратился к ребятам: — Так это вы вчера о воде для трактористов позаботились! Канавку у родника прокопали!..

Гошка озадаченно пожал плечами: ловко же подбирается к ним новый председатель! Издалека, с подходцем...

— Да, да, мы все копали,— сказала Елька.

— Они, Николай Иваныч, они,— вмешался в разговор дед Афанасий.— Подъезжаю я вчера второй раз к родничку, а там полный порядок. Наши ребятишки вовсю орудуют. Канавку прокопали, ограду вокруг родничка поставили, черпачок из бересты смастерили. И даже надпись на срубе выжгли: «Родник для трактористов. Воду не мутить».

— Ну что ж, ребята,— заговорил Николай Иванович,— я так понимаю: болеете вы за свой колхоз, за порядком следите. Большое вам спасибо! — Он подошел к ребятам и первому протянул руку Гошке, сидевшему на краю скамейки.— И позвольте от имени правления поблагодарить вас.

Гошка покраснел и спрятал руку за спину.

— Дай ручку, Гошенька,— прыснула Елька,— папа же не кусается...

Покраснев еще больше, Гошка с мрачным видом сунул Николаю Ивановичу руку.

Сопящего, хмурого Никитку, который словно прирос к скамейке, Елька почти силой подтолкнула к отцу.

И только Борька Покатилов с довольной улыбкой поднялся навстречу Николаю Ивановичу и обменялся с ним долгим, крепким рукопожатием. При этом он не без лукавства покосился на отца, словно хотел сказать: «Пилишь, ругаешь, а мне вот благодарность от правления».

Пожал председатель руки и остальным мальчишкам.

— Не порядок это, Николай Иваныч,— покачал головой Покатилов-старший.— Тут срочные меры против озорников надо, а вы им ручки пожимаете...

— Порядок, порядок,— сказал председатель и вновь обратился к мальчишкам: — Значит, так... Будете охранять родничок и дальше. Но этого, я думаю, вам недостаточно. Энергии у вас хоть отбавляй... Можно и другими делами заняться. В лесу, в поле, на фермах — везде вам работа найдется. Глаза у вас острые, ноги быстрые, бегаете вы по всему колхозу — вот и примечайте, следите за всем. Где непорядок, руки приложите, поправьте или сигнал подайте.

— А кому сигнал? — спросил Гошка.

— Можно и мне, и бригадирам, и Косте Перышкину. Он ведь теперь у нас председатель ревизионной комиссии и редактор радиогазеты. Можно сказать, глаза и уши колхоза...

— А мы тоже будем глаза и уши!

— Это уж от вас зависит. Как будете действовать...

— Николай Иваныч, а вы про самое главное еще не сказали,— напомнила председателю Стеша,— про летний-то лагерь.

— Да, ребята,— заговорил Николай Иванович,— про лагерь, наверное, все слышали. Дело это новое, большое, сложное. Александре со Стешей нелегко будет. Так что они на вашу помощь рассчитывают. И чтоб не один, не двое им помогали, а вся ваша команда.

Гошка готов был задать председателю еще десяток вопросов, но выбрал самый главный.

— А это как все? Просто так помогать... или задание такое от колхоза?

Николай Иванович переглянулся с членами правления и, с трудом сдерживая улыбку, ответил:

— Непременно задание. Самое ответственное и очень важное. Утверждаем вас от имени правления шефами над летним лагерем. Вас это устраивает?

— А как нашу команду называть будут? — спросил Борька.

— Ну, шефами там или юными свинарями...— пояснил Николай Иванович.— Можно и молодыми животноводами.

— Да есть у них уже название,— подсказала Стеша.— Ребята еще на старой ферме его заработали — «команда ретивых».

— Подходяще,— согласился Николай Иванович.— Ну, что ж, ретивые, действуйте!

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Через неделю летний лагерь был достроен, и Николай Иванович распорядился перевозить поросят.

С утра «команда ретивых» была уже на ногах и собралась у дома Шараповых. Гошка пересчитал мальчишек и девчонок и обнаружил, что не хватает Никитки Краюхина.

Но вскоре Никитка прибежал, запыхавшийся и чем-то встревоженный.

— Чего ты такой... словно на тебе воду возили!..— спросил Гошка.

— Дела всякие дома. Мамке помогал... Нездоровится ей...— забормотал Никитка.

— Тогда иди... выручай мамку,— предложила Елька.— Мы и без тебя справимся.

— Нет, я с вами. Пошли скорее,— заторопил Никитка, то и дело поглядывая на свой дом.— Какая работа-то будет?

— Начинается великое переселение поросят,— торжественно объявила Елька.— Прощай, старые, тесные клетки! Да здравствует свобода, приволье и зеленая трава!

Ребята отправились к старому свинарнику.

Там уже стояло несколько подвод с пустыми ящиками и корзинами.

Стеша вытаскивала из полутемных станков визжащих поросят и грузила их на подводы.

Она объяснила ребятам, что надо делать. Мальчики пусть грузят поросят, а девочки собирают лопаты, вилы, ведра.

— В атаку! — скомандовал Гошка и первый ринулся в свинарник.

Мальчишки принялись ловить поросят, нацеливаясь на самых рослых и сильных. Поросята завизжали еще оглушительнее, забились в ребячьих руках, словно их тащили на убой, но мальчишки изо всех сил сжимали их в своих объятиях.

— Да вы потише, еще задушите! — рассердилась Елька.— Это вам не мешки с зерном, а живность...— И, кивнув девочкам, она тоже принялась ловить поросят.

— Дурачки! Лопоухие! Для вас же лучше делается. На воле будете гулять, на травке,— ласково говорила Елька, засовывая поросят в плетеные корзины.

Вскоре первая подвода была загружена. Стеша накрыла ящики и корзины брезентом, обвязала веревкой и велела Гошке с Никиткой везти поросят в летний лагерь.

Взгромоздившись на передок телеги, мальчишки тронули лошадь.

Ехать пришлось через всю деревню. На тряской, булыжной шоссейке успокоившиеся было поросята вновь зашевелились, беспокойно захрюкали, подняли визг. Визжали они на разные лады, и казалось, что на телеге едет какой-то шальной, несыгравшийся оркестр.

Вдруг Никитка осторожно потянул приятеля за рукав:

— Гош, а Гош! А вдруг поросята в лагере разбегутся! Чего тогда с тетей Шурой станет!

— Ладно тебе, закаркал,— огрызнулся Гошка.— У других же получается. А чем мамка хуже!

Но толком он ничего не мог объяснить. Мать за последние дни редко бывала дома: то наблюдала за стройкой летнего лагеря, то ездила с Николаем Ивановичем в город раздобывать корма. Гошке никак не удавалось поговорить с ней.

Но вчера вечером, словно угадывая тревоги сына, она попросила его прочесть вслух напечатанный в областной газете рассказ совхозной свинарки Семыкиной «Как я вырастила две тысячи поросят».

Статья была длинная, и Гошка заторопился было, зачастил, но мать сразу же остановила его:

— Чего, как палкой по забору трещишь! Ты мне с чувством читай, с расстановкой.

Гошка стал читать медленнее.

— Видишь, сынок, Анна же могла,— проговорила мать, когда статья была дочитана до конца.— А ведь она тоже не богатырь-женщина, не чудо какое. Обыкновенная... Так чем же я-то хуже! Только бы подспорье было да выручка.

Вскоре ребята добрались до летнего лагеря. Он раскинулся в березовом перелеске. Все здесь было очень просто.

На большом участке, обнесенном изгородью из жердей, стояли легкие навесы, защищающие поросят от дождя и солнца. Рядом разместились самокормушки и автопоилки. Вода по трубам поступала из озера, к которому примыкал лагерь. Справа от озера, за перелесками, тянулись выпасы, потом поля с посевами люцерны, клевера, кукурузы...

У лагерных ворот Гошку с Никиткой встретили Александра, Николай Иванович и дед Афанасий.

Ребята въехали в лагерь, развязали брезент и принялись вытаскивать поросят из корзин и ящиков.

— Ну, вот и первые переселенцы,— улыбнулся председатель.— Принимай, Александра Степановна! А сейчас и с других ферм повезут.

Вскоре в лагерь въехала трехтонка с крытым верхом. За рулем сидел шофер Пыжов, долговязый парень с тугими, румяными, как помидоры, щеками. Он открыл борт машины, и поросята посыпались на землю. На мгновение они замерли, пошевелили пятачками, а потом, словно по сигналу, бросились врассыпную и мгновенно затерялись среди кустов и деревьев.

— Резвись, орава, нагуливай сальце да мясо! — махнул им вслед рукой дед Афанасий. Он вызвался работать в лагере ночным сторожем.

— А впрямь, они здесь, как рыба в воде,— сказала Александра, проводив глазами поросят.

Минут через двадцать, вернувшись в Клинцы, Гошка с Никиткой загрузили подводу новой партией поросят и повезли их в лагерь.

Солнце уже поднялось высоко и припекало ребячьи затылки.

Никитка вел себя неспокойно: то и дело вздыхал, оглядывался по сторонам.

— Чего ты, будто на горячих углях сидишь! — не-

доумевая, покосился на него Гошка.— Если надо куда, лети воробышком.

— Нет-нет, поедем. Только побыстрее давай.— И, выхватив у Гошки вожжи, Никитка принялся погонять лошадь.

Когда выехали за околицу, Гошка неожиданно уловил подозрительный шорох. Он спрыгнул с подводы и осмотрел корзины и ящики. Из одной корзины, стоявшей в задней части телеги, высовывались влажные, розовые пятачки. Поросята с сердитым сопением перегрызали прутья, раздвигали их в стороны, высовывались наружу.

Гошка шлепнул ладонью по нахальным пятачкам и примостился на краю телеги.

— Ты правь, я сзади поеду,— сказал он Никитке, а сам прижался спиной к корзине.

— Чего там? — спросил Никитка.

— Да поросята нахальничают — следить надо.

Но поросята не унимались. Они толкали Гошку в спину, рвали его рубаху и перегрызали все новые и новые прутья корзины.

«А ведь вырвутся, черти!» — подумал Гошка и крикнул приятелю, чтобы тот быстрее погонял лошадь.

— Ой, Гошка! — вдруг приглушенно вскрикнул Никитка и, соскочив с телеги, стремглав бросился бежать в сторону от дороги.

«Что это с ним!» — удивился Гошка, выглянув из-за корзин с поросятами.

Между тем лошадь, почувствовав, что ею никто не управляет, зашагала ленивее и стала срывать губами придорожные травинки. А потом взяла да и проехала мимо поворота, хотя к летнему лагерю надо было круто повернуть налево.

— Никитка, вернись! — звал Гошка приятеля, но тот уже скрылся за кустами.

Гошку бросило в жар. Нельзя же оставить корзину, из которой поросята вот-вот вырвутся наружу! Он заорал, чтобы лошадь поворачивала налево, но та шла себе прямо и все дальше удалялась от развилки дороги. Что делать!

Гошка стащил с себя рубаху, наспех завязал прохудившийся бок корзины и, подбежав к лошади, повернул ее в сторону лагеря.

Все это заняло не больше минуты. Но когда он вернулся обратно, пятерка поросят, порвав Гошкину рубаху, один за другим выскочили из корзины и кубарем скатились с телеги. Гошка успел лишь схватить за ногу черно-белого боровка и сунул его под брезент в соседнюю, еще крепкую корзину. Потом бросился в погоню за остальными поросятами.

А те, ошалев от солнца и зеленого раздолья, как оглашенные, описывали по лугу широкие круги, рыли пятачками землю, жадно поедали сочную траву.

Гошка метался из стороны в сторону, забегал спереди и сбоку, подползал к поросятам по-пластунски. Он то увещевал их умильным голосом, то бранился и швырял в них палками и комьями земли.

На дороге показались еще две подводы с корзинами и ящиками.

Сопровождавшие их ребята из «команды ретивых», увидев Гошку, поняли, что случилось, и бросились ему на выручку.

Но поросята продолжали резвиться вовсю и не давались в руки.

— Ловить нам не переловить! — сказала Таня и, сбегав к телеге, принесла железное ведро.— Давайте поросят вроде как на обед позовем... как тетя Шура делает... Только вы не зевайте! — И она забарабанила палкой по ведру.

Поросята, навострив уши, стали сбегаться к девочке, а мальчишки, изловчившись, похватали их за ноги, подтащили к телегам и водворили обратно в корзины и ящики.

Переведя дыхание, Гошка надел живописно располосованную рубаху.

— Хорош, нечего сказать,— фыркнул Борька.— Эх ты, возчик!.. С первого же дня и ЧП... Поросят выпустил.

— Будет тут ЧП, когда среди нас дезертир объявился,— нахмурился Гошка и рассказал, как поросята продырявили корзину и как Никитка ни с того ни с сего убежал от подводы.

— Ну погоди, Краюха! — погрозил он.— Будет тебе!

— Ты не грозись,— заметила Елька.— Какой же он дезертир! Это его мамка заставила домой вернуться.

— Тетя Ульяна!!

— Ага! Мы сами видели, когда в лагерь ехали. Мать его через всю улицу, словно под стражей, вела. Вела и пилила: «Такой, сякой, бессовестный, больную бросил, дом без присмотра оставил».

Гошка с недоумением пожал плечами.

— Да какая же она больная, если вчера тележку с травой везла! Да еще какую тележку-то, целый возина!

— Вот, видно, и надорвалась. А Никитка вместо того, чтобы помочь матери, с тобой в лагерь поехал,— пояснила Елька и обратилась к ребятам: — Пока у него мать болеет, мы его никуда с собой звать не будем. Пусть он дома побудет. А может, нам ему еще и помочь придется.

— Еще чего скажешь,— недовольно заметил Гошка.

Так ни до чего и не договорившись, ребята поехали в летний лагерь.

Выпустили из корзин и ящиков поросят, и Елька доложила тете Шуре, что весь молодняк из Клинцовской фермы перевезен без потерь.

— Это как сказать,— усмехнулась Александра, покосившись на исполосованную рубаху сына.— Опять схватился с кем-нибудь?

— Что вы, тетя Шура,— замявшись, призналась Елька.— Просто приключение в дороге... поросята корзину разломали.

— А Гошка — грудью на амбразуру! — фыркнул Борька.— Вернее, спиной. Вот рубахе и досталось.

— Мамка, да она ж все равно старая! Чего ее жалеть! — взмолился Гошка.

— Видали, Николай Иваныч! — обратилась к председателю Александра.— С первого же дня и потери. А что же дальше будет?

— Ничего, ничего.— Николай Иванович подмигнул ребятам.— Придет время, будут и прибыли. А команда у тебя подобралась что надо. Ну-ка, ребята, покажите себя! Вон как раз и корма подвезли.

В лагерь въехала грузовая машина с травой, потом на подводе с комбикормом показалась Стеша.

Александра с ребятами принялась зачерпывать ведрами из телеги сыпучий комбикорм и разносить его по кормушкам. Траву разложили около поилок длинным толстым валиком.

Затем Александра постучала палкой о железное ведро, и поросята со всех сторон ринулись к кормушкам. Набегавшись на свежем воздухе, они ели с завидным аппетитом.

Ребята оглядели длинную шеренгу поросят и невольно переглянулись. Такого большого стада они еще никогда не видали. Попробовали подсчитать и

— Кому траву косишь? На какую ферму?

не смогли: поросята перебегали с места на место, толкались, мельтешили в глазах.

— Мам, сколько их здесь? — спросил Гошка.

— Сейчас восемьсот двадцать, а завтра еще сотни две привезут. Словом, будет более тысячи.

— А не одичают они, не разбегутся? У тебя поджилки не дрожат?

— Побаиваюсь, конечно,— призналась мать.— Не будем кормить поросят, они не только разбегутся, а и нас с тобой съедят. Они же, как псы, прожорливые.

А если кормов не хватит?

— Надо, чтоб хватило. Раз уж взялись, до конца тянуть будем.

Поев и напившись воды, поросята вновь разбрелись. Александра подозвала к себе ребят и сказала, что скоро в колхозе подрастет кукуруза, клевер, люцерна, а пока поросят придется подкармливать травой. И травы потребуется очень много.

— И вот вам задание на завтра. Проведите разведочку по округе, посмотрите, где можно траву косить. На остров загляните!

НА ОСТРОВЕ

На остров высадились в шесть ноль-ноль. Правда, часов ни у кого не было, но Елька, поглядев зачем-то на солнце в бинокль, сказала, что сейчас самое что ни на есть утро.

— Записать в вахтенный журнал время высадки! — распорядился Гошка, капитан катера «Победный», а точнее сказать, старой, щелястой лодки-плоскодонки с разболтанными уключинами.

Есть записать! — отозвалась Елька, хотя на «катере» не было никакого вахтенного журнала.

Гошка первым спрыгнул на топкий берег и, подтянув лодку, привязал ее к стволу искривленной ракиты.

Вслед за ним сошли на берег Борька, Елька, Таня и еще двое ребят. Не было только Никитки.

Гошка взял у Ельки бинокль и с видом заправского путешественника принялся оглядывать остров: заросли корявого лозняка, колючего терновника, дикой малины, высокого чертополоха и репейника...

Борька с завистью поглядывал на бинокль и наконец взмолился:

— Совесть надо иметь... Дай и мне глянуть!

— Стоп, ребята! Внимание! — торжественно объявил Гошка.— Остров необитаем.

— Это само собой,— охотно согласилась Елька.— Так и запишем: «Сего числа в шесть ноль-ноль Колумб номер два, Гошка Шарапов, и его команда открыли в безбрежных просторах Торбеева озера необитаемый остров. Первооткрыватели присвоили острову имя Шарапова».

— Тоже мне первооткрыватели! — фыркнул Борька.— Да это же Карасиный остров. Его все знают. Здесь рыбу ловят, траву рвут для коров, малину собирают кому не лень.

— Все равно необитаемый, раз здесь никто не живет,— возразил Гошка.— И знаете что у нас здесь будет? Боевой штаб разведки! Вышку для наблюдений сделаем, укрытия всякие... Сигналы будем передавать.

— Ладно тебе,— отмахнулась Таня.— Мы зачем приплыли сюда? За травой для поросят. Вот и давай дело делать.

— Верно,— согласился Борька.— В лагере, поди, кормов ждут, а мы тут прохлаждаемся.

Он наконец взял у Гошки бинокль, поднес к глазам и вскрикнул:

— Эге! А мы здесь не первые. На острове кто-то есть.

— Где? Кто? — Гошка выхватил у Борьки бинокль и с минуту осматривал остров.— Так, понятно... Мить-

ка-хват уже стрижет-бреет...— И, махнув рукой, он двинулся в просвет между кустами.

Митьку Кузяева ребята встретили на противоположном берегу острова. Он косил на широкой поляне густую росистую траву.

Митяй был не один. Его закадычный дружок Ваня Вьюрков сгребал скошенную траву и большими охапками таскал ее на плот, сколоченный из чьих-то калиток и половинок ворот.

Но больше всего удивило ребят то, что в одной компании с Митяем и Ваней оказался и Никитка Краюхин. Он принимал от Вани охапки травы и аккуратно раскладывал их на плоту.

Заметив «команду ретивых», Никитка смешался, покраснел и еще старательнее принялся утаптывать траву.

Гошка приблизился к Митяю.

— Кому траву косишь? На какую ферму?

Митяй сделал вид, что не расслышал вопроса, и продолжал размахивать косой. Светлая полоска стали вжи́кала, выписывала широкие полукружья, мелькала в траве, словно змейка, и с каждым взмахом все ближе подкрадывалась к Гошкиным ногам.

Ребята замерли.

— Ой, Гошка! Он же тебе ноги порежет! — вскрикнула Елька и потянула мальчика за рукав.

Гошка отмахнулся и продолжал стоять на месте. А Митяй косил себе и косил и только приговаривал: «Коси, коса, пока роса». У Гошки противно заныло под коленками и пересохло в горле.

Тут к Гошке подошла Таня, сунула ему в руки толстую рогатую палку и что-то шепнула на ухо.

Елька думала, что Гошка сейчас полезет с палкой на Митяя, но тот только упер палку в траву и навалился на нее грудью.

— А мы вот так...

Коса звякнула о палку и замерла.

— Хитер Шарап! — ухмыльнулся Митяй, вытирая пот со лба.— А не будь палки, плохи были бы твои дела...

Гошка вновь спросил, кому Митяй косит сено.

— Вот оно что! — осклабился Митяй.— А я и забыл, что вы теперь ревизоры-контролеры. За всем доглядываете.

— Ты не крути, отвечай.

— Вот привязался, кому да кому.— Митяй пожал плечами.— Не людям же, понятно... Коровам да поросятам.

— А чьим коровам, чьим поросятам? — допытывался Гошка.— С колхозных ферм или на сторону траву загонишь?

— Это неважно. Есть все хотят.

— А ты знаешь, травоядная твоя душа,— рассердилась Таня,— что этот остров к свиноферме приписан, к летнему лагерю! Трава нужна для поросят. И мы сюда не просто так, а по заданию тети Шуры приехали.

— Смех и умора,— фыркнул Митяй.— «Приписан»! «По заданию»! Скажете тоже. Да что у вас, бумага имеется? Мандат с печатью? — И он, ловко сплюнув через плечо, почесал большим пальцем правой ноги левое колено.

— Надо будет — и бумагу достанем,— сказала Елька.

Митяй подмигнул Ване:

— Видал законников!

— Ну, вот что, Митяй,— подступил вплотную к нему Гошка.— Ты нам зубы не заговаривай. Сгружай траву и отчаливай отсюда.

— Ничего себе, умненькие,— запротестовал Митяй.— Мы траву косили, мы грузили, а вы на готовенькое приехали.

— А никто вас чужое хапать не просил,— сказал Гошка, кивая на плот с травой.— Сгружай, тебе сказано. Иначе...

Что «иначе», он не договорил, но Митяй, оглядев свою и Гошкину компанию, понял, что если дело дойдет до схватки, то перевес, пожалуй, останется за «ретивыми». К тому же отец не раз предупреждал Митяя, чтобы он не лез на глаза «ретивым». Председатель колхоза верит каждому их слову, и Митяй ни за что ни про что может попасть в передачу по радио.

— Да что вы в самом деле!..— заныл Митяй.— Я ж эту траву не для себя косил... Для Краюхиных. Тетя Ульяна помочь просила... Сами ж знаете, хворает она.

— Для Краюхиных! — переспросила Елька и обернулась к Никитке.— Это правда?

— Ага... просила,— с трудом выдавил Никитка.

Елька посмотрела на ребят.

— Раз такое дело, надо отпустить.

Мальчишки переглянулись, пожали плечами, а Гошка, помолчав, махнул Митяю рукой.

— Уезжай с глаз долой. И больше нам не попадайся.

Тот не заставил себя ждать, прыгнул на сено, и плот медленно отошел от острова.

Гошка распорядился косить траву.

Мальчишки взяли из лодки ко́сы, пошаркали брусками по их лезвиям и, разбредясь по острову, принялись сенокосничать. Девочки сгребали траву и охапками таскали в лодку.

Один лишь Борька все еще стоял на берегу острова и следил за уплывающим плотом.

— Все любуешься, как нашу траву увозят,— окликнул его Гошка.— А я вот не верю Митяю. Опять он чего-нибудь спроворил.

— Наверное, спроворил,— согласился Борька.— А вот плот он ловко придумал. Смотри, сколько травы на него погрузить можно! Вот и нам бы такой построить... А то и побольше.

— Погоди, погоди, а это ж здорово! — обрадовался Гошка.— Да мы ж завалить поросят кормами можем. И подвод меньше потребуется. А только кто нам плот сколотит?

— Были бы доски да бревна. Это тебе не спутник построить.— И Борька принялся чертить прутиком на песке план будущего плота.

— Тогда вот что,— подумав, сказал Гошка.— От косьбы я тебя освобождаю. Плыви в лагерь и скажи матери насчет плота. И начинай разыскивать бревна, доски.

— Есть разыскивать! — Борька, не раздеваясь, бросился в озеро и поплыл к лагерю.

ПРОКАТИЛИСЬ С ВЕТЕРКОМ

Прошло еще несколько дней, а Никитка почти не показывался на улице. Не заглядывал он и в летний лагерь, не заходил и к Гошке на дом. Только изредка «команда ретивых» встречала Никитку вместе с Митькиной компанией, когда они таскали из лесу траву в мешках.

Ребята ничего не понимали. Еще совсем недавно они оберегали Никитку от Митькиных кулаков, а теперь мальчишки жили душа в душу и прекрасно ладили между собой.

— Я ж говорил, что Никитка дезертиром заделался,— убеждал Гошка Ельку.— Изменил, отступился от нас...

— Наговариваешь ты на него,— возражала девочка.— Совсем он не такой. Давай вот разведаем.

Однажды утром Гошка с Елькой направились к Краюхиным.

Дом их находился за прудом, недалеко от околицы деревни, и был обнесен крепкой изгородью. Войти на участок можно только через калитку с улицы. Запор у калитки с секретом, но Гошка хорошо знал этот секрет.

Он просунул руку сквозь частокол, нащупал тонкую проволочку, потянул ее, но калитка на этот раз почему-то не открылась. Гошка дернул проволочку еще несколько раз и с недоумением пожал плечами. Неужели запор с секретом испортился, или у Краюхиных никого нет дома!

Тогда Гошка вспомнил про тайный лаз, которым пользовался в тех случаях, когда нужно было срочно вызвать Никитку да так, чтобы не попасться на глаза его матери.

Вдвоем с Елькой они свернули в переулок, пробрались через заросли крапивы к изгороди и осторожно отвели в сторону два непрочно закрепленных горбыля...

Так они очутились на краюхинском огороде. Гошка огляделся и ахнул.

Он не был здесь с прошлого года. Тогда это был обычный огород, такой, как у многих колхозников: несколько грядок с капустой и морковью, делянка с картофелем, кусты смородины, малины. Большая же часть земли пустовала. А сейчас весь приусадебный участок был вскопан. До самого двора тянулись ровные, аккуратно разделанные грядки.

На них росли огурцы, помидоры, редиска, морковь, салат, но больше всего было посажено лука. Был тут лук на перо и лук на семена. Добрую треть грядок занимали посадки клубники. У изгороди, словно заледеневшие лужи, поблескивали застекленные парнички с рассадой.

Около двора, отгороженные от огорода проволочной сеткой, гуляли куры и утки.

Продвигаясь вдоль изгороди к дому, Гошка с Елькой принялись считать грядки и вскоре сбились со счета — так много их было.

— Ой, сколько же тут посажено всякого! — шепнула Елька.— И зачем на одну семью столько! А, Гоша!

— Да-а... это огородик! — удивленно протянул Гошка и смолк: за кустами смородины он заметил тетю Ульяну и Никитку. Они сидели на корточках около грядки с луком, обрывали зеленые перья и складывали в корзину.

— Ба, гости заявились... Не званы, не прошены.— Ульяна поднялась и, поморщившись, туже затянула на пояснице шерстяной платок.

— А мы за Никиткой,— поспешил сообщить Гошка.— У нас к нему дело есть...

Ульяна подозрительно оглядела Гошку и Ельку.

— Как вы попали сюда! Я ведь калитку на ключ закрыла.

— А мы... мы...,—начал было Гошка, но, заметив взгляд Никитки, понял, что про тайный лаз лучше помолчать.— Мы через верх перелезли.

Ульяна нахмурилась.

— Скажи на милость, какие ловкачи-перелазчики! Теперь к лету пойдет разбой: за ягодами мальчишки полезут, за огурцами... Слушай, Никитка! Там у нас в сарае проволока с колючками есть. Нынче же натяни поверх частокола.

Никитка что-то пробормотал, еще ниже нагнулся над грядкой и в замешательстве вырвал из земли вместе с зелеными перьями и луковицу.

— Ну, ну, ты поосторожней! — ударив сына по рукам, прикрикнула мать. Она отобрала у Никитки луковицу и, как пробку, воткнула ее в землю. Потом посмотрела на солнце и кивнула на соседнюю грядку:— Хватит лук собирать, за редиску теперь берись. Да поживее, а то мне скоро и в больницу пора.

— Тетя Ульяна, а можно Никитке в лагерь пойти! — осторожно заговорил Гошка.— Он ведь тоже в нашу команду записан.

— Ну вот что, ловкачи-перелазчики! — недовольно сказала Ульяна.— Школа теперь в роспуске, и вы Никитку мне не замайте. У нас своих дел по дому невпроворот. А я женщина хворая, работать мне трудно, и, пока не подлечусь, малый при мне должен быть...

— Мамка, так я же со всем управляюсь,— подал голос Никитка.— И тебе помогу и с ребятами побуду...

— И вы всякими там придумками Никитке не докучайте,— не слушая сына, продолжала Ульяна.— И к поросятам его не припутывайте. А сейчас... вот вам дорожка, вот вам калитка.

Она подошла к калитке и, отперев ключом замок, широко распахнула ее.

Гошка с Елькой, как настеганные крапивой, выскочили на улицу.

— Вот так Краюха! — со злостью выдохнул Гошка.— Не мог от матери отбиться. А говорил тоже: «Я всегда с вами... Только сигнал подайте».

— А ты пойми, каково ему сейчас,— посочувствовала Елька.— Тетя Ульяна и впрямь хворая, в больницу собирается. Заметил, как она за поясницу хваталась!

— Хворая-то хворая, да себе на уме. Видала, какой огородище развела! — И Гошка с досадой отшвырнул пальцем босой ноги рыжий комок глины. Тот описал дугу и шлепнулся в середину утиного выводка, что пасся на зеленой лужайке.

Желтые пушистые утята, неуклюже переваливаясь на коротких лапах в красной обувке, испуганно шарахнулись в сторону. Елька сделала протестующий жест.

— Очень даже глупо,— пожала она плечами.— Утята здесь ни при чем.— И, присев на корточки, она принялась ласковым голосом сзывать и успокаивать утят. Потом бросилась догонять Гошку, который направился вдоль улицы. С трудом приноровившись к его размашистому шагу, она заговорила о том, что раз у Никитки заболела мать, то они, пионеры, не могут оставить его в беде. Надо будет помочь Никитке и огород полоть, и утят кормить, и за тетей Ульяной ухаживать.

И тут же на ходу Елька принялась распределять обязанности.

— Ты будешь за лекарствами в аптеку бегать для тети Ульяны...

— Я! За лекарствами!!.— удивился Гошка.— Да Ульяна меня и на порог не пустит.

— Ну, тогда я — за лекарствами, а ты Никитке на огороде поможешь.

— На огороде! — фыркнул Гошка.— Да чтоб я, как Никитка, к этим грядкам прирос... Поли, поливай — и никакого продыха!

— А Никитке одному, думаешь, сладко! А если бы у тебя мамка заболела или у меня! Нет, мы обязательно всех ребят на выручку ему поднимем.

Гошка только пожал плечами — наверно, Елька права, но как-то не лежала у него душа к краюхинскому огороду.

— Да ты куда заворачиваешь! — вдруг насторожилась Елька, заметив, что Гошка повернул к колхозной кладовой.— Нам же в лагерь нужно!

— Я и хочу в лагерь,— сказал Гошка, кивая на грязно-зеленую трехтонку около кладовой.— Зачем пешком шлепать! Прокатимся с ветерком.

Елька знала, что Гошку хлебом не корми, только дай проехаться на грузовике или на тракторе. Но на всякий случай она заметила, что, может быть, эта машина в лагерь не пойдет.

— Ничего.. мы на повороте сойдем,— успокоил девочку Гошка.

Ребята забрались в кузов грузовика и присели на выгоревший от солнца брезент.

Вскоре из кладовки вышел шофер Пыжов. Не заглядывая в кузов, он бросил туда охапку пустых мешков и полез в кабину.

«В город собрался... за комбикормом для поросят»,— догадался Гошка.

Шофер завел мотор, машина тронулась и побежала вдоль улицы, подняв густую завесу пыли. Потом неожиданно свернула в переулок налево.

«Куда это? — удивился Гошка.— Ведь в город прямо надо. Так мы и в лагерь не попадем».

Вскоре трехтонка запрыгала по ухабистой дороге позади приусадебных участков, еще раз свернула налево и остановилась позади краюхинского огорода. В ту же минуту приоткрылась калитка, и из нее выглянула Ульяна.

— Один, что ли, едешь? Без попутчиков? — обратилась она к шоферу.

— Один, один...— успокоил ее Пыжов.— Уж я постарался для тебя. Грузи скорее, не задерживай! Ну, а мне за это что перепадет?

— В накладе не останешься, не обижу,— успокоила Ульяна.— Помоги-ка вот погрузиться.

Пыжов вылез из кабины и прошел вслед за Ульяной на огород.

Елька с недоумением посмотрела на Гошку.

— Чего это они грузить собрались? И тайно зачемто, с задней стороны огорода. Может, уйти нам? Еще помешаем.

За изгородью послышались голоса.

— Сиди знай... Уже поздно. А тут чего-то наклевывается. Давай последим...

— Да нас же прогонят сейчас.

— А мы под брезент спрячемся... Никто и не заметит.

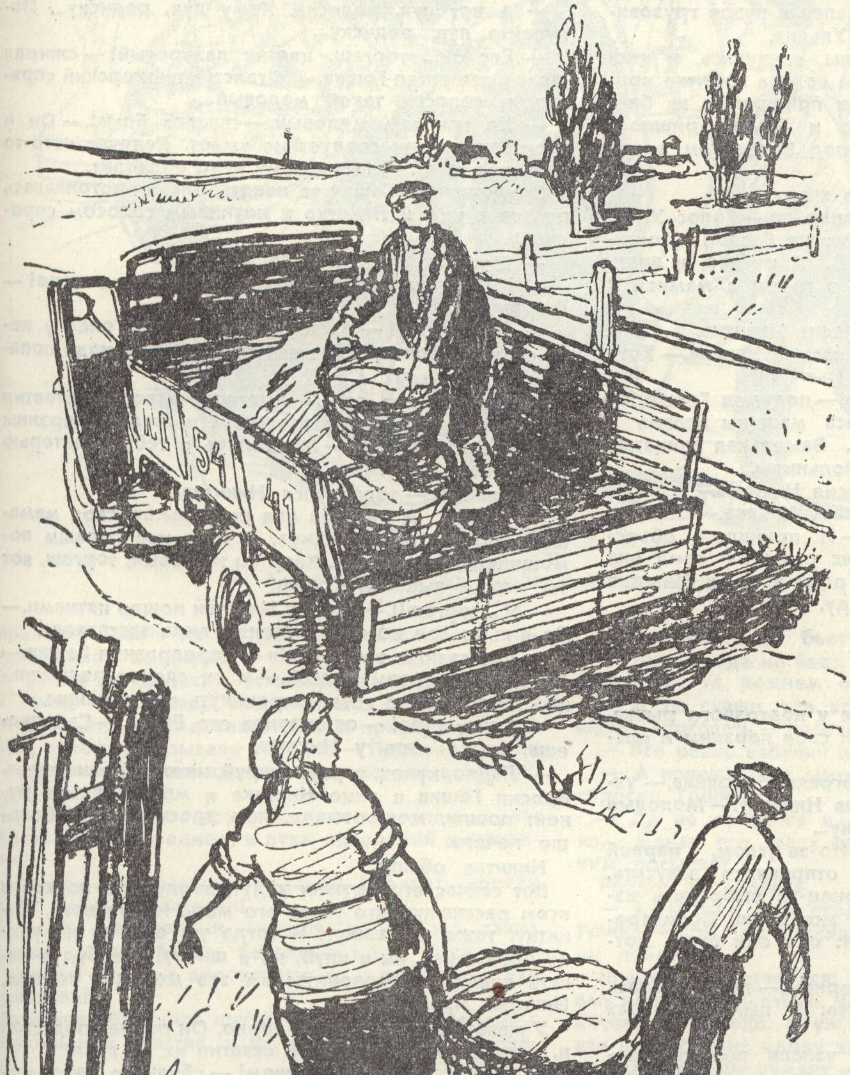
Гошка приподнял край жесткого, как кровельное железо, брезента, затолкал под него Ельку, потом спрятался сам. И как раз вовремя.

Пыжов вынес из калитки большую плетеную корзину, завязанную сверху рядном, и поставил ее на дно грузовика. Потом взял из рук Ульяны и Никитки еще две корзины. В корзинах что-то завозилось, зашипело, закрякало.

«Утки,— догадался Гошка.— Куда это их!» — Он прижался глазом к дырке в борту кузова.

Никитка с матерью выносили из огорода все новые и новые корзины, теперь уж с луком и редиской, а шофер, озираясь по сторонам, быстро грузил их в кузов машины.

— Ну вот и управились,—

Никитка с матерью выносили из огорода все новые и новые корзины.

сказала наконец Ульяна.— Поехали! — И она подтолкнула к кузову сына.— Садись скорее, чего прохлаждаешься!

— Мам,— взмолился Никитка.— А мне-то зачем ехать!! Я ж не умею ничего: ни торговать, ни деньги считать.

— Деньги, положим, я и сама сочту... А кто за добром следить будет!! Вон его сколько — девять корзин. Еще разворуют ненароком. Тут глаз да глаз нужен.

Никитка захныкал:

— А ребята узнают, что я на базаре торгую... Частник, скажут... спекулянт...

— Еще чего! Не чужое, свое на базар везем, законное,— рассердилась Ульяна.— Садись, говорю, и не нюнь! Тоже мне цветок лазоревый!

Сопя и отдуваясь, Никитка залез в кузов грузовика, вслед за ним забралась Ульяна.

Машина тронулась. Корзины качнулись, и утки всполошенно закрякали. Ульяна велела Никитке придерживать корзины с утками и придвинула их ближе к переднему борту. Гошке и Ельке пришлось поджать ноги и скорчиться под брезентом в три погибели.

Никитка все еще продолжал хныкать.

— Дурачок, хватит тебе хлюпать-то.— Голос Ульяны подобрел.— Наторгуем денег на базаре — гостинец куплю. Чего хошь требуй... А ребята и знать ничего не будут. Ездил, мол, в город с мамкой в больницу...

— А к тятьке зайдем! — спросил Никитка.

— Можно будет,— согласилась Ульяна.— Хотя ему, поди, недосуг...

«Так вот она какая больная»,— подумал Гошка.

Вот наконец и город. Колеса машины плавно и мягко побежали по асфальту. Замелькал дощатый крашеный забор городской больницы.

— Тебе сюда, мама! — спросил Никитка.

— Потом, потом,— отмахнулась Ульяна.— Сначала на базар. И так опаздываем.— И принялась объяснять, как сегодня пойдет у них торговля: сама она будет продавать в птичьем ряду уток, а Никитка займет место в овощном ряду.

ТОРГАШИ ПОНЕВОЛЕ

Вскоре грузовик остановился у колхозного рынка. Ульяна выгрузила из трехтонки свои корзины и расплатилась с шофером.

— Счастливой тебе расторговли, хозяйка,— ухмыльнулся Пыжов и кивнул на Никитку.— Молодые кадры, значит, готовишь... Ну-ну...

И он повел машину дальше. Но за углом, у первой же чайной, затормозил ее и отправился закусить.

И тут Гошка с Елькой наконец-то выбрались из-под брезента и спрыгнули на мостовую. Посмотрели друг на друга и фыркнули: оба они были потные, красные, запыленные.

— Вот так прокатились с ветерком,— пожаловалась Елька.— Я чуть не задохнулась. И пыль на зубах скрипит.

— Все равно не зря ехали: узнали кое-что,— заметил Гошка.— А ты еще говорила: хворая Ульяна, лекарства ей надо носить, грядки полоть... А она вон какая...

— Где же она справку-то о болезни достала! — растерянно спросила Елька.— Ей же тогда в правлении поверили все.

— Такая достанет... Из земли выроет, если надо.

— Что ж теперь с Никиткой-то станет! Так он и будет по базарам с матерью таскаться! Лук продавать, редиску. Потом клубника пойдет, малина... Как это шофер тетке Ульяне-то сказал: «Молодые кадры готовишь»...

— Она подготовит,— нахмурился Гошка.— А знаешь... пошли-ка на базар. Скажем этому «кадру» что надо.

Никитку Гошка с Елькой отыскали в овощном ряду. Длинные дощатые столы были заставлены корзинами с ранними овощами, ящиками с томатной и цветочной рассадой.

Продавцы наперебой расхваливали свой товар, совали покупателям в руки пучки зеленого лука и бело-розовой, чисто вымытой редиски.

Зажатый справа и слева двумя дородными молодухами в белых фартуках, Никитка стоял за высоким столом и еле слышным голосом лепетал:

— А вот лук, редиска. Кому лук, редиску... Покупайте лук, редиску...

— Вот он... торгаш, цветик лазоревый! — сжимая кулаки, зашептал Гошка.— И галстук пионерский спрятал, и голосок такой медовый...

— Да где там медовый,— сказала Елька.— Он и торговать-то как следует не умеет. Лепечет чего-то себе под нос... Никто к нему и не подходит.

Придерживая Гошку за локоть, Елька протолкалась вместе с ним к Никитке и невинным голосом спросила:

— Мальчик, почем редиска!

— Ну, купец-делец... какие доходы за утро! — фыркнул Гошка.

— Ой, ребята! — растерялся Никитка. Голос у него совсем пропал.— Это вы! Откуда! Как сюда попали!

— Да уж вот так...— многозначительно ответил Гошка, окидывая презрительным взглядом корзины с луком и редиской.— Мы теперь о тебе с матерью все знаем... насквозь.

— Знаете! — задохнулся Никитка.

— Да, да... И никакая она не больная, твоя мамаша, а просто притворщица. А ты у нее первым помощником заделался... Кадр ты торговый, торгаш, вот ты кто!..— выпалил Гошка.

— Я... торгаш!!.— Лицо у Никитки пошло пятнами.— Да я ж не сам по себе... Меня мамка заставила...

— «Заставила, заставила!» — передразнил Гошка.— Да я бы на твоем месте!..— И он сделал решительный жест, словно хотел опрокинуть все корзины.

— Будет тебе! — остановила его Елька.— Сам знаешь, какая мать у Никитки.

— Ладно, купец, торгуй-шуруй, наживай денежку,— бросил Гошка в лицо Никитке и махнул Ельке рукой: пошли, мол, отсюда, нам здесь делать больше нечего.

Никитка обмер.

Вот сейчас его дружки уйдут, вернутся в колхоз и всем расскажут, кто такая его мать. И про него, Никитку, тоже расскажут. И тогда уж ему ни на улицу показаться, ни в клуб, ни в школу. Все будут тыкать пальцем и говорить: «А это молодой торгаш, Никитка Краюхин».

У мальчика перехватило горло. Он подлез под стол и, догнав Гошку с Елькой, схватил их за руки.

— Ребята, куда вы!.. Зачем! — сбивчиво забормотал он.— Ну, хотите, я чего-нибудь такое сделаю! Хотите!

Гошка с Елькой обернулись.

— Что ты сделаешь! — спросила девочка.

— Ну вот... всю редиску разбросаю. И лук тоже... Или за так раздам... Без денег.— И Никитка вдруг сипло выкрикнул:— А вот редиска, лук!.. Всем бесплатно! — Он выхватил из корзины несколько пучков

— А вот дешевые лук, редиска! Двадцать копеек пучок!..

и принялся совать их в руки прохожих.— Бери, налетай! Денег не надо.

Зачем же за так! — усмехнулась Елька. — Просто пусти свой товар подешевле...

— Вот, вот,— обрадовался Гошка, прислушиваясь к ценам, которые называли соседки.— Продавай пучок не по рублю, как эти выжиги, а по двадцать копеек. И дело с концом.

Через минуту трое друзей стояли за столом и, размахивая пучками редиски и лука, наперебой выкрикивали:

— А вот дешевые лук, редиска! Двадцать копеек пучок! Двадцать копеек!

Торговки за столами зароптали: как это такие малявки смеют сбивать базарную цену! Видно, дело нечисто — уж не ворованные ли у ребятишек лук и редиска?..

Но Елька объясняла покупателям, что эта зелень с пришкольного участка, и те охотно вставали в очередь.

Через какой-нибудь час все корзины были пусты.

— Что ж ты теперь матери скажешь? — спросила Елька у Никитки, когда тот завернул вырученные деньги в газету и сунул за пазуху.— Она, поди, наказывала, чтоб ты подороже все продал.

— Наказывала...

— А что ж теперь будет?

— Взбучка, наверное,— признался Никитка.— Как уж полагается.

— Так она тебя бьет?

— Бить вроде не бьет, а выдачи бывают. То за ухо прихватит, то ремнем опошает.

— А ты скажи, что это мы тебя научили по дешевке торговать,— посоветовала Елька.— Я и Гошка. Все равно взбучки не миновать...

— А почему ты с Митяем так сошелся? — ревниво спросил Гошка.

— Да не сходился я,— вздохнув, пояснил Никитка.— Мамка его траву нанимает таскать... И меня с ним посылает.

Ребята задумались.

— А ты бы к отцу сходил,— помолчав, предложил Гошка.— Про мать рассказал бы, про все... Дядя Вася, он поймет...

Никитка встрепенулся: в самом деле, почему бы ему не навестить отца?.. Человек он сознательный, работает на заводе, и уж, конечно, сумеет защитить его и пристыдит мамку за ее торговые дела. А если мамка и дальше думает мучить его огородом и брать с собой на базар, Никитка даже может остаться жить у отца. Возьмет да и переедет к нему на городскую квартиру.

— А ты знаешь, где твой отец работает? — спросил Гошка.

— А как же, на заводе. «Красный металлист» называется. Только я не помню, на какой это улице.

— Это на Кузнецкой,— подсказала Елька. — Пойдемте, покажу.

ПИВО И РАКИ

Елька привела ребят в проходную «Красного металлиста» и спросила вахтера, где можно найти дядю Васю Краюхина.

— Эва, чего захотела! — ухмыльнулся вахтер, высокий, сухощавый старик в защитной гимнастерке.— Надо цех знать да пропуск иметь. Какая у него профессия-то, у вашего дяди Васи?

— А он машины делает... жатки, косилки,— сказал Никитка.

— А у нас, малый, пуговками или там пряжками-застежками не занимаются. Все машины делают,— ответил вахтер и покачал головой.— А детишкам сюда вообще хода нет. Шли бы вы по домам.

Тогда Елька посоветовала ребятам посидеть у проходной, дождаться конца смены и встретить дядю Васю при выходе.

— До конца смены еще два часа осталось,— пожалел ребят вахтер.— Истомитесь вы тут. Сходите хоть в закусочную пока.

Гошка вспомнил, что он здорово голоден, и порылся в карманах. Но там было пусто. Не обнаружила у себя денег и Елька.

— Ладно, пойдемте,— позвал их Никитка.— Поедим чего-нибудь, денег хватит.

Закусочная находилась недалеко от завода, в конце шумной улицы. Около нее стояло много подвод и грузовых машин. Ребята пробрались мимо жарких лошадиных морд и несмело переступили порог чайной.

Здесь было душно, шумно, накурено, и все столики оказались занятыми.

Официантки разносили на подносах пузатые кружки с пивом и красных ошпаренных раков.

Елька потянула ребят обратно.

— Пойдемте отсюда... Здесь одно пиво.

Но Гошка с Никиткой уже встали в очередь к буфетной стойке.

— Мы сейчас,— сказал Гошка.— Только бубликов с маком купим. И ситра еще.

Над буфетом кружились мухи. За стойкой натужно чавкал пивной насос.

— Пошевеливайся, хозяин, не задерживай! — раздавались нетерпеливые голоса.— Не в гости к теще приехали.

— Да у него техника барахлит!..

Люди у стойки волновались, шумели, переругивались с теми, кто пытался получить пиво без очереди.

Гошка с Никиткой были уже совсем близко от буфетчика, когда их неожиданно притиснул к стойке какой-то высокий человек, протянув буфетчику две пустые пивные кружки.

— Дядя, вы ж без очереди! — пискнул Никитка.

— Еще чего! — сказал «дяденька».— А вы тоже за пивом? Нельзя детишкам, нельзя!

— Нам только бубликов...— начал было Никитка и вдруг осекся: перед ним стоял Кузяев.

— Дядя Ефим! — вскрикнул Гошка.

Кузяев развел руками и рассмеялся:

— Скажи на милость, земляки-односельчане объявились. А ну, шагайте за мной.— Он провел мальчишек и Ельку в угол закусочной и кивнул на сидящего за столиком Никиткиного отца.— А этого «дяденьку» узнаете?

— Тятька!! Ты! — побледнев, вскрикнул Никитка.

Дядя Вася вскинул голову и уставился на сына, Гошку и Ельку.

— Что такое? Откуда вы? Зачем?..

— У буфетной стойки встретил,— фыркнул Кузяев.— На пиво нацеливались... Видать, по всем статьям ретивые...

— Да нет, мы за бубликами! — покраснев, объяснил Никитка.

Кузяев взял со стула фуражку, напялил на голову.

— Ладно, Егорыч, я пошел! Вечерком опять загляну. А ты подумай о работенке для меня...

— Подумаю,— кивнул дядя Вася.— Но по торговой части ничего обещать не могу.

Кузяев ушел. Случайно встретив на улице Василия Краюхина, он для того и зазвал его в чайную, чтобы поговорить о работе, попросить земляка помочь устроиться.

Дядя Вася направился к буфетной стойке и вскоре принес ребятам связку бубликов, тарелку с колбасой и три бутылки фруктовой воды.

— Вот, заправляйтесь... А может, вам горячего чего заказать?

— Спасибо... Мы сытые,— переглянувшись с Гошкой и Елькой, сухо отказался Никитка.

— Так как же вы в город-то попали? — спросил дядя Вася, подозрительно оглядывая ребят.

Ребята, уперев глаза в стол, молчали.

— Да вы что, в молчанку собрались играть? Зачем приехали-то, спрашиваю?

— Мы... мы с Гошкой просто так... на грузовике прокатились,— наконец призналась Елька.

Дядя Вася поднял за подбородок опущенную Никиткину голову.

— А ты зачем? С матерью что-нибудь случилось? Уж не в больницу ли отправили?

— Да нет, с мамкой ничего... она вроде здоровая, — с трудом выговорил Никитка и заметил на себе упорные взгляды Гошки и Ельки.

— Чего уж там, говори до конца,— шепнул Гошка.

И Никитка, покраснев, как ошпаренный рак, рассказал обо всем: об огороде, о том, как мать отказалась работать на свиноферме, как она сегодня затеяла выезд на базар и как заставила его заниматься торговлей.

— Вот и мы поневоле торгашами заделались,— призналась Елька.— С Никиткой лук и редиску вместе продавали. Только не по базарной цене.

Никитка достал пачку денег и сунул отцу.

— Возьми вот... отдай мамке. А то она ругаться будет, что мы продешевили.

— Вот они какие дела на белом свете! — вздохнул дядя Вася.— Дорвалась-таки наша мать до своего хозяйства. И на базар дорожку облюбовала. Теперь уж закрутит ее, понесет...

— Дядя Вася! — сказал вдруг Гошка.— А почему вам на заводе домой не попроситься? Теперь многих в колхозы отпускают. Или вы незаменимый такой... не отпустят вас?

— Ну, это как сказать...— Дядя Вася невесело усмехнулся и задумался. В трудный позапрошлый год, когда в колхозе не было почти никаких заработков, он не поладил с колхозным начальством и, послушавшись совета Ульяны, ушел в город, поступил на завод слесарем-ремонтником. А чтобы мальчишки на улице не очень-то попрекали Никитку беглым отцом, мать сказала сыну, что отец работает на заводе на самом важном участке по сборке машин. И он, Василий, знал об этом и поддерживал обман. А вот теперь дома началось такое, что Василию, пожалуй, нельзя больше отсиживаться в городе и жить вдали от семьи.

Никитка все еще продолжал всхлипывать.

— Это вы хорошо сделали, — обратился дядя Вася к ребятам,— что про Ульяну мне сообщили, про базар.— И он кивнул сыну:— Ладно тебе, утрись. Пойдем-ка к матери сейчас, поговорим как следует. Думаю, что торгашом ты не будешь.

— Этого еще не хватало! — буркнула Ульяна.

ДОМА

В этот же день, вернувшись в Клинцы и забежав в правление колхоза, Елька с Гошкой рассказали Николаю Ивановичу о своем необычном путешествии в город.

— Ну и хитра Краюхина! — покачал головой председатель.— Разжалобила всех... Что ж, разведку вы провели неплохо, ваши сведения нам пригодятся.

А еще Елька с Гошкой рассказали о разговоре с дядей Васей.

— Правильно поговорили,—похвалил Николай Иванович.— Он теперь задумается, что делать... Завтра буду в городе, обязательно к нему зайду.

На другой день, вернувшись из города, Николай Иванович сообщил Никитке, чтобы в субботу он ждал отца домой.

Суббота наступила через три дня, и Никитка с Гошкой по обыкновению встретили дядю Васю за околицей. Доехали с ним на попутном грузовике до правления колхоза и помогли выгрузить вещи. Вещей на этот раз было больше, чем обычно: рюкзак, рыжий чемодан, плетеная сумка и объемистый узел с одеялом, подушкой и одеждой.

— Тятька,— спросил Никитка.— А зачем одеяло с подушкой! И одежда!

— Так уж вот получилось...— помолчав, ответил дядя Вася.— Распрощался я с городом. Уговорил все же Николай Иваныч. Давненько он осаждал меня. Да я и сам вижу: большие дела в Клинцах начинаются, у людей вера в колхоз пробудилась. Теперь даже горожане в деревню едут — слесаря, механики, инженеры.

Подошли к дому Краюхиных. Дядя Вася пригласил Гошку зайти: он привез для него и Никитки кое-какие подарки.

Гошка замялся.

— Да мне вроде нельзя к вам... Тетя Ульяна от ворот поворот показала.

— Понимаю,— кивнул дядя Вася.— Значит, не сошлись кое в чем!

Он развязал сумку, достал связку бубликов с маком, кулечек конфет, несколько коробочек карандашей, книжки в цветных обложках и все это протянул растерявшемуся Гошке.

— Бери, бери! Мишку с Клавой угостишь... А с тобой мы еще встретимся.

Прижимая к груди подарки, Гошка медленно побрел к дому. В груди у него что-то тоскливо заныло. А все же хорошо это, когда отец возвращается домой. Вот если бы и у них так!..

Оставив вещи в сенях, дядя Вася и Никитка вошли в избу.

— Вот и кстати, что приехал,— обрадовалась Ульяна, увидев мужа, и принялась разводить самовар.

Потом она спросила, получил ли Василий отпуск на работе. Время сейчас летнее, горячее, забот по хозяйству полно, к тому же приближается сенокосная пора, и Василию придется крепко потрудиться.

— Все будет... И сенокос, и жатва, и пахота. Времени на все хватит,— переглянувшись с Никиткой, успокоил жену Василий.

— Чего это вы переглядываетесь, как заговорщики! — насторожилась Ульяна.— И при чем здесь пахота, жатва!

— Потерпи малость. Будет еще у нас с тобой разговор. Напои-ка чаем сначала.

В это время заговорило радио. Диктор Костя Перышкин начал передавать колхозные новости. Он сообщил, как работали за последнюю неделю доярки, свинарки, трактористы, кто как старался, кто допустил какую оплошность. Василий узнал, что плотники достраивают новый коровник, что в колхоз уже завезли доильные аппараты и что на кукурузном поле из-за поломки трактора до сих пор не закончили междурядную обработку.

— А теперь послушайте рассказ о похождениях бывшей свинарки Ульяны Краюхиной,— раздался голос диктора.

— Этого еще не хватало! — буркнула Ульяна и потянулась к розетке, чтобы вытащить шнур громкоговорителя.

— Нет, зачем же! — остановил ее дядя Вася.— Про похождения я люблю.

Прослушав рассказ диктора о мнимой болезни жены, об огороде на полсотни грядок, о торговле овощами и утками, он рассмеялся.

— И глазастый же народ стал у вас! Все замечает. Ульяна разразилась бранью. И кто же мог все это

выследить! Неужели бессовестный Семка Пыжов! А уж она ли ему не заплатила по-божески!

Потом мать подозрительно покосилась на сына.

— Погоди, погоди. А не ты ли кому рассказал об этом! Очень уж точно все расписано.

Никитка сделал невинное лицо.

— Что ты, мамка! Как же я про себя-то могу! Я ведь тоже торгашом заделался!

— Какой уж из тебя торгаш! Чистое разорение. Учить да учить надо,— с досадой сказала Ульяна и с надеждой посмотрела на мужа.— Давай, Вася, так договоримся. Я на себя все торговые дела возьму, а вы с Никиткой огород мне полоть да поливать будете. А потом сенокосом займетесь. Я уж и делянку в казенном лесу присмотрела и с лесником все обговорила. Косите себе и косите, чтоб сена нашей корове на зиму с лихвой хватило.

— А это уж как председатель колхоза скажет,— помолчав, ответил Василий.— Поступаю, так сказать, в полное его распоряжение.

— Чего! — не поняла Ульяна.— Ты же в отпуск приехал, на сенокос!

Отец еще раз переглянулся с Никиткой и признался, что он уволился насовсем и теперь будет жить и работать в колхозе.

— Тятька все вещи привез. И одеяло с подушкой,— поспешил сообщить Никитка.

— Та-ак! Возвращенец, значит.— Ульяна, уперев руки в бедра, насмешливо оглядела Василия.— В Клинцы уверовал, в колхоз наш дырявый! Новый председатель пальчиком поманил, а ты уж и готов, примчался! — Она заметила насторожившегося сына и прикрикнула: — Чего уши навострил!! Иди гуляй!

Никитка посмотрел на отца: может, ему все же остаться!

— Иди, сынок,— кивнул отец.— Нам поговорить надо.

Никитка вышел на улицу и побрел вдоль переулка.

Во дворе, за стенкой, готовясь ко сну, шумно вздыхала корова, лениво покрякивали утки. На огороде, охраняя грядки, чернели силуэты чучел.

«И зачем нам столько добра!» — подумал Никитка. Он измучился от грядок с овощами, от ведер с водой, от прожорливых уток. У него ноют руки и плечи, некогда побыть вместе с ребятами, сбегать с ними в лес, на речку, сыграть в футбол и лапту...

А матери все мало. Она купила еще трех коз, собирается приобрести второго поросенка. Она, как оглашенная, мечется по округе, где только можно, жнет серпом траву, таскает ее в мешках скотине. А травы требуется все больше и больше.

Злая стала мамка, раздражительная, смотрит на всех с недоверием, во всем видит подвох и обман и устает так, как никогда не уставала на колхозной работе. И никто в деревне за такое усердие ее не уважает и не ценит, говорят, что Ульяна осатанела от жадности, зовут ее бюллетенщицей, торговкой, Ульяной-луковичной.

А вот теперь вернулся домой тятька. Неужели и он будет заодно с матерью!

Никитка постоял у сарая, послушал, как кричат в лугах коростели, посмотрел на звездные россыпи на небе и вернулся к дому.

Из окон доносились невнятные голоса родителей. Отец говорил, не повышая голоса, а мать то и дело переходила на крик.

— Лопух ты! Сума переметная! Своей выгоды не понимаешь! — услышал Никитка. Потом в избе что-то загремело — видимо, мать швырнула на пол сковородку.

Вскоре отец показался на крыльце. В руках он держал узел с одеялом и подушкой.

Заметив Никитку, он сконфуженно пожал плечами и пожаловался:

— Ну, сынок, совсем нашу мамку в сторону занесло. Придется, видно, повоевать с ней.

И он позвал Никитку спать в сарай, на сено.

СЕНОКОС

Начался сенокос. На заречные луга вышли колхозные косари, выехали конные и тракторные сенокосилки, и толстые валки скошенной травы устлали землю.

Потом колхозницы ворошили траву граблями и вилами, сушили на солнышке, пока она не становилась душистым, шумящим сеном. Сено сгребали в высокие, островерхие копны, грузили на машины и подводы, отвозили к фермам.

А у Краюхиных шла война. После возвращения дяди Васи в колхоз у них частенько возникали ссоры и перебранки. Дядя Вася настаивал, чтобы жена не позорила семью, отказалась от поездок на базар, пошла бы работать в колхоз. Но Ульяна продолжала держаться за свое хозяйство.

— Да ты хоть на сенокос выйди,— уговаривал ее Василий.— Сейчас на лугу каждый человек дорог.

— А корову я чем буду зимой кормить! Откуда сена достану! —отбивалась Ульяна.

— В этом году сено на трудодни должны выдать. Так правление решило.

— Такие посулы и раньше были. А только Буренку ими не накормишь.

— Ну и упряма ты, мать. Тягачом не сдвинешь! — разводил руками Василий.

Сам он с первого же дня сенокоса работал на лугу, налаживал сенокосилки, водил трактор.

Вместе с ним уходил из дому и Никитка. Вместе с ребятами он ворошил сено, работал на конных граблях, потом мальчишки вызвались быть «топтунами».

Дело это было нехитрое и веселое. Двое мальчишек забирались в кузов грузовика, куда колхозники подавали огромные навильники душистого сена, и старательно его утаптывали. Они приплясывали, прыгали, кувыркались, подминали сено под себя. Воз разрастался вширь и в высоту, становился похожим на огромную лохматую шапку на колесах. Потом сено увязывали веревкой. А потом шофер вел нагруженный грузовик в колхоз, где сено укладывали в высокие, как башни, стога. И опять мальчишки утаптывали его.

Никитка работал в паре с Гошкой. Сегодня им пришлось возить сено с шофером Пыжовым.

Дорога с луга шла через лес. Пыжов гнал машину на большой скорости. Ветви деревьев, густо обступивших дорогу, как грабли, зацепляли за воз и стаскивали на землю охапки сена. Падало сено и с других грузовиков, которые двигались следом.

— Смотри, сколько сена теряется,— заметил Гошка приятелю.— Чего Пыжов так машину гонит!

Когда доехали до колхозной фермы, Гошка сказал шоферу о потерянном сене.

— Не пропадет оно, подберут потом,— отмахнулся Пыжов.— А мне нужно побольше ездок сделать.

Поехали в обратный рейс. И тут Гошка с Никиткой заметили, что сена на лесной дороге уже не было. Это показалось им загадочным.

Кто же мог его подобрать!

То же самое повторилось и после второго рейса, и третьего, и четвертого. Не выдержав, ребята выпрыгнули из грузовика и углубились в лес. На сучьях деревьев висели клочья сена.

Сено сгребали в высокие, островерхие копны, грузили на машины.

— Ага, вот и следы нашлись,— догадался Гошка.— Значит, сено кто-то в лес таскает.

Мальчишки прошли еще с сотню шагов и сквозь кусты увидели под разлапистой елью большую копну сена.

— Ловко сработали,— присвистнул Гошка.— Не косили, не сушили, а сенцо заготовили. Кто бы это! — Он вдруг нагнулся и достал из-под куста завязанные в пестрый платок остатки еды и бутылку с недопитым молоком.— Смотри. Узелок с едой оставили. Значит, опять придут сено подбирать. Интересно, чей это узелок!

Никитка выхватил из рук Гошки узелок, осмотрел его.

— Мамкин платок. И еда наша,— признался он и, дрожа от негодования, зашептал:— Ну, зачем она так, зачем! Чужое сено подбирает. Я вот скажу ей сейчас.— Не выпуская узелка из рук, он готов был броситься домой.

— Так она тебя и послушает,— удержал его Гошка.— Давай уж лучше Николаю Иванычу расскажем или дяде Васе.

— Лучше тятьке,— согласился Никитка.

Мальчишки побежали на луг, отыскали дядю Васю.

— Ну и мамаша у нас,— поскреб тот в затылке.— Любого делягу перещеголяет. Что же нам делать-то с ней!

— А пусть о тете Ульяне опять по радио объявят,— посоветовал Гошка.

— Можно, конечно, и по радио. А если еще так попробовать! Вот послушайте-ка, чего я придумал.

В сумерки дядя Вася, Никитка и Гошка подъехали на подводе к разлапистой елке в лесу, под которой была сложена аккуратно причесанная копна сена.

— А сенцо-то не иначе как про запас заготовлено, на зиму,— усмехнулся дядя Вася.— Ну, мы его сейчас на законное место доставим.

С помощью ребят он навьючил сено на телегу и отвез его к колхозной ферме, к стогам.

В этот же вечер, когда Краюхины сели ужинать, по колхозному радиоузлу выступил Николай Иванович. Он рассказал, как проходит сенокос, и еще раз подтвердил, что в этом году на трудодни, кроме денег и хлеба, будет выдано и сено.

Потом он назвал имена колхозников, особенно отличившихся на уборке сена, и поблагодарил их от имени правления.

— Правление выносит также благодарность,— продолжал председатель,— Ульяне Краюхиной, которая, заботясь об артельном добре, подобрала на лесной дороге потерянное шоферами сено и доставила его на колхозную ферму.

— Что такое! — беспокойно заерзала на лавке Ульяна.— Какое сено!

— Как! — деланно удивился дядя Вася.— А копна в лесу! Разве не ты ее собрала! Вот тебе и спасибо от правления.

— Так зачем же ее... на ферму?

— А куда же еще? Сенцо-то, по всем приметам, колхозное.

Ухмыльнувшись Никитке, дядя Вася пояснил жене, что копну сена в лесу обнаружили ребятишки, а он помог им доставить сено на ферму.

— Да вы что! — взорвалась Ульяна.— Белены объелись! Я это брошенное сено целый день собирала. Все платье о сучья изодрала.

— Ай-ай-ай! — пожалел дядя Вася.— Сколько сил потратила, и все без толку. Уж лучше бы ты на колхозный сенокос вышла.

Он переглянулся с Никиткой и уже строже сказал:

— Попомни, Ульяна. Ребята у нас глазастые, все примечают, все видят. И они тебе на колхозное добро польститься не дадут. Да и я тебе такого не позволю.

— Так брошенное же сено, потерянное,— забормотала Ульяна.— Все равно его бы колесами замяли.

— Вот это другой разговор. Надо будет шоферам сказать, чтобы они ездили потише.

Утром, перед выходом на сенокос, «команда ретивых» зашла в правление колхоза, чтобы доложить Николаю Ивановичу о событиях за прошедший день.

Около стола председателя толпились бригадиры, члены правления. Здесь же находился и шофер Пыжов. Размахивая руками, он что-то торопливо объяснял Николаю Ивановичу. Щеки его рдели, как переспевшие помидоры.

Ребята решили, что они пришли не вовремя, и подались обратно к двери.

— Садитесь, слушайте,— пригласил их Николай Иванович и попросил Пыжова продолжать.

Шофер с досадой покосился на рассевшихся на скамейке мальчишек и девчонок.

— Зачем же при ребятах-то? Я вам после объясню.

— Нет, нет, говори,— потребовал Николай Иванович.— Ребятам тоже интересно. Это ведь по их сигналу мы тебя в правление вызвали.

Пыжов пожал плечами.

— А что ж говорить? Вы и так все знаете. Темпы гоним, поскорее сено хотим убрать. Ну, вот и порастрясли малость. Словом, беда не велика, подберем.

— Может, на этот раз и не велика,— задумчиво заговорил Николай Иванович.— Но понимаешь, Семен, зачем я тебя вызвал. Вчера ты сено порастряс, позавчера удобрения из худого грузовика по дороге рассыпал, третьего дня ездил в город и три часа налево калымил. Так одно к одному и подбирается. Халтуришь ты, парень, совсем без совести работаешь.

— Как это без совести?

— А так! На машине ты сам себе хозяин, работаешь один, никто тебя в дороге проверить не может, и единственный контролер над тобой — твоя же совесть. А ты про нее забываешь частенько. Вот представь себе: в поле, скажем, тракторист кукурузу как следует не обрабатывает — он ведь один на сотню гектаров работает. Кто его проверит? На ферме доярка корову не накормит как следует — к ней ведь тоже контролера не приставишь. Что бы тогда с колхозом-то было?

— Да что с ним, с леваком, толковать,— подал голос один из членов правления.— Снять Пыжова с грузовика. Пусть стога метает вместе с другими. Там люди за ним присмотрят.

Вскочив со скамейки, Пыжов принялся упрашивать не лишать его машины.

— Слово даю, соломинки не потеряю. Вот увидите. Можете любого контролера ко мне приставить.— Он покосился на ребят.— Пусть хоть вся «команда ретивых» за мной по следам ходит.

— Ладно, поверим тебе! — поднимаясь, сказал Николай Иванович.— Ребята, конечно, присмотрят... Но главное — сознание имей, про совесть помни.

Не успел Пыжов уйти, как Елька с Таней ввели в правление Митьку Кузяева.

Заметив ребят, тот остановился у порога и настороженно обратился к председателю:

— Звали, Николай Иванович?

— Еще как. Третий раз нарочных посылаю! Занятый ты, видать, человек.

— Работенки хватает.

— Так вот, Митя. Есть для тебя важное задание от правления колхоза. Надо выявить все пустующие участки земли. Подсчитать их, нанести на карту. Мы их выкосим, потом запашем.

— А пусть «ретивые» выявляют,— буркнул Митяй.

— Говорят, что ты лучше всех знаешь колхозные поля. Тебе и карты в руки. Вот и будь у ребят за проводника, походи с ними денек-другой. За работу тебе, конечно, трудодни начислим.

— А когда выходить? — спросил Митька.

— Да вот хоть сегодня же. Ну как, договорились?

— Договорились,— кивнул Митька и строго посмотрел на помрачневших мальчишек.— Только, чур, едой запасайтесь. На целый день в поле уйдем.

(Окончание в следующем номере).

Оттуда, издалека

Сергей ВОЛЬФ
Рисунок Ф. Лемкуля.

Я тихо открыл дверь в класс и пошел по темному классу к своей парте. Потом я попробовал в темноте крышку у парты: как она, не скрипит? И это была совсем не моя парта, я свою знаю. Я быстро нашел свою, сел, а свет не зажег и стал смотреть в окно, на фонари в темноте и думать про то место, откуда я приехал к тетке.

Я люблю приходить первым в школу, самым первым, и сидеть в темноте, и смотреть в окно, на фонари, а потом вдруг услышать далеко-далеко шаги и голоса и слушать, как они приближаются, а потом в класс вбегают ребята и девчонки. Я всегда так делал, там, где я жил раньше, и теперь так делаю, потому что люблю и еще потому, что думаю про то место. Только здесь светает раньше, и я прихожу в школу совсем рано.

Меня иногда спрашивают:

— Ты откуда приехал?

А я, может быть, не хочу никому об этом рассказывать. Не хочу, и все, и я всегда говорю:

— Оттуда, издалека.

А кому этого мало, те говорят:

— Откуда «оттуда»?

А я говорю:

— От верблюда. Все. Ясно? Понял?

Кому какое дело? Может, им еще про это расскажи да про то? Никого это не касается.

Я сидел в темноте и смотрел в окно, на фонари, и думал, что там сейчас снег и двор возле школы весь белый.

Весь белый, думал я, весь белый, белый-белый... И вдруг услышал, как далеко-далеко, в самом конце коридора, идет кто-то, и звенит ведро, и ключи брякают.

Он шел долго, медленно, я совсем извелся, а он все-таки отворил дверь в наш класс, и я увидел, что это нянечка. Она громко ударила ведром об пол, и я вдруг жутко напугался, что она зажжет свет и еще что я ее напугаю, и я громко сказал:

— Не надо свет!

— Ой! — сказала она.— Ой, здесь кто?!

— Я.— сказал я.

— Кто ты?
— Я. Ну... мальчик, ученик.
— Ох! — сказала она и села на парту вдалеке от меня, а свет не зажгла.— Я напугалась. Так нельзя.
— Что нельзя? — спросил я. — Все можно.
— Пугать так нельзя. Я вся обомлела.
— Извините,— сказал я.— Трусиха.
— Трусиха,— согласилась она. — Я трусиха. В два раза тебя старше, а такая трусиха!..
— Тебе скоро двадцать четыре? — спросил я.
— Уже двадцать семь.
— Стыдно,— сказал я.
— И нисколечки,— сказала она и добавила:— Так и будешь сидеть без света?
— Тебе же нужно? — сказал я.
— Не нужно. Я вчера все убрала и чернила налила. А потом я написала на доске «Митя» и не стерла, забыла. Пришла стереть.
— Ну, зажги,— сказал я.
— Я могу и так, и в темноте.
— Ты все видишь? — спросил я.
— Все. Я привыкла.
Из окна в темный класс падал свет фонарей, и я видел, как она сидит на парте, маленько согнувшись, и смотрит на темную доску, и не спрашивает, почему я здесь сижу в темноте, и я сказал:
— Смотри, как здорово в окне.
Она повернула голову и сказала:
— Ага.
— А еще лучше, когда снег,— сказал я.— У нас на Севере сейчас снег.
— И ты там был? — спросила она.
— Был.
— Долго?
— Всю жизнь,— сказал я.
— Всю жизнь,— повторила она.— Ну... еще...
— Что «еще»?
— Как там? Расскажи. Если хочешь...
Она сказала «если хочешь».
— Я не люблю,— сказал я,— об этом.
— Почему?.. Ну, не надо...
Но я уже говорил.
Я говорил:
— Видишь ли... Там... Там у меня папы не стало. Он погиб. Он геолог был. Я у тетки здесь живу. Я не люблю рассказывать. Я много про те места знаю. Про собак, про охоту, про самолеты, про снег — про все. Я не хочу никому про это рассказывать. Кому какое дело?.. Это никого не касается.

Она встала с парты, подошла к доске и вытерла ее тряпкой. Потом она подошла ко мне, села рядом, и мы долго молчали.
— Я не люблю ни с кем про это говорить,— сказал я.
— Не надо так, слышишь? — сказала она.— Расскажи ребятам про собак, про охоту, про самолеты, про все, и про снег, слышишь?
— Не надо,— сказал я.— Я могу тебе. Приходи завтра утром и потом еще, пока не надоест, я долго могу рассказывать.
— У меня есть жених,— сказала она.— Митя. Он летчик. Он работает на Севере, там, далеко, и я скоро к нему еду. Послезавтра.
— Это хорошо,— сказал я,— значит, я к тебе не успею привыкнуть. А ты зачем нянечкой работаешь?
— Я не люблю без дела сидеть, целый месяц надо было ждать, пока он мне письмо пришлет, чтобы я ехала.
— Он не разобьется, ты не бойся,— сказал я.— Он где?
— Он в Якутии.
— Они там не бьются,— сказал я.— Что верно, то верно. Уж там-то они точно не бьются.
— Они бьются везде,— сказала она.— Может, и не часто, но везде. Так бывает. Такая работа. Ее нужно делать.
— Но уж он-то будет летать, не завалится,— сказал я.— Я знаю. Это точно. Ты только не бойся.
— Спасибо... Слышишь, ребята идут...
— Да,— сказал я. — Уже светает.
— Я пойду.
Она встала.
— Да-да,— сказал я. — Тебе ведь еще собираться надо.
— Да. А ты не прячься от них,— сказала она.
— От кого? — спросил я.
Но она уже уходила, а в класс вбегали ребята и девчонки. Все орали и пели, а потом скоро зазвенел звонок, и пришла наша Евгения Марковна. Она улыбнулась, и стало тихо. Было тихо-тихо в классе и светло, и я вдруг почувствовал, что нос у меня задергался, а внутри, в горле и в груди, что-то защемило, заныло, что ли, и сейчас я засмеюсь и заплачу...
— Дома вы сами должны были прочитать про Северный Ледовитый океан,—сказала Евгения Марковна.— Кто хочет отвечать?
— Я,— сказал я.— Я расскажу...

От станции «Детство» до города «Взрослость»

В наши дни слово «спутник» приобрело особый смысл. Это слово окрыляет людей, поднимает их сердца к звездам и заставляет верить в самые дерзкие мечты. От позывных спутника будущее становится ближе и видней и жить интересней.

Когда я вновь перечитываю стихи замечательного советского поэта Сергея Михалкова, мне на память приходит слово «спутник».

Я захожу в детский сад и слышу:

— Мы гуляли по Неглинной,
Заходили на бульвар,
Нам купили синий-синий,
Презеленый красный шар.

Эти стихи ребята читают хором. Они звучат так, словно малыши сами сочинили их или просто заговорили стихами. А эти стихи написал С. Михалков.

Я захожу на пионерский сбор. В торжественной тишине взволнованный ребячий голос читает стихи:

«Клянемся так на свете жить,
Как вождь великий жил,
И так же Родине служить,
Как Ленин ей служил!

С волнением слушаешь эти строки. Юный ленинец произносит клятву. А ведь эти строки тоже принадлежат перу С. Михалкова.

Я иду по густому лесу. Между ветвей пробиваются лучи солнца. Пересвистываются птицы. Дятел передает важное сообщение по азбуке Морзе. Трещат под ногой ветки. И вдруг где-то вдалеке, как птичья песня, рождается песня ребячья. Я прислушиваюсь, и до меня долетают слова:

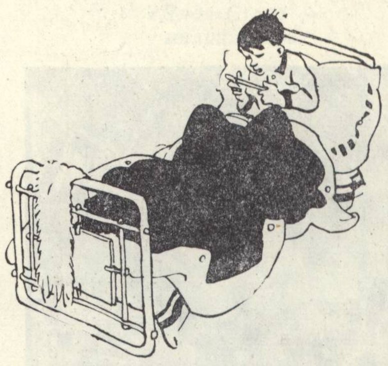
Мы едем, едем, едем
В далекие края,
Хорошие соседи,
Счастливые друзья.

«Всадник».

Сергей Владимирович Михалков.

«Тридцать шесть и пять».

«Зайка-зазнайка».

На этих страницах вы видите иллюстрации к произведениям Сергея Михалкова.

Нам весело живется,
Мы песенку поем,
И в песенке поется
О том, как мы живем.

Снова встреча с Михалковым! С малышами — Михалков, с пионерами — Михалков, в лесу — Михалков. Вот уж действительно поэт-спутник. Куда ребята — туда и он. Совсем, как в его стихах:

Мы такие с ним друзья —
Куда он,
Туда и я!

В этом году мы отмечаем пятидесятилетие Сергея Владимировича Михалкова. Пятьдесят лет на языке спутников — пятьдесят витков. Как же вышел поэт-спутник на свою звонкую орбиту? Кто был его ракетой-носителем? И когда произошел запуск этого необычного спутника?

В 1935 году в редакцию журнала «Пионер» пришел длинный, худощавый молодой человек и сказал:

— Я принес стихи.

Молодой человек очень волновался.

— Показывайте ваши стихи,— сказал редактор журнала Веньямин Абрамович Ивантер.

Юноша протянул ему несколько листков. На них столбиком от руки были написаны стихи. Редактор положил их на стол и стал читать:

В доме восемь дробь один
У заставы Ильича
Жил высокий гражданин,
По прозванью «Каланча»,

По фамилии Степанов
И по имени Степан...

Редактор оторвался от листка и посмотрел на автора. Перед ним стоял высокий гражданин, которого вполне можно было назвать «Каланчой». Редактор решил, что человек написал стихи про самого себя. Он полюбопытствовал:

— Ваша фамилия Степанов?

Молодой автор покраснел и сказал:

— Нет, моя фамилия Михалков, Сережа...

Редактор продолжал читать:

Уважали дядю Степу
За такую высоту.
Шел с работы дядя Степа —
Видно было за версту.

«Фома».

«Три поросенка».

«А что у вас?»

«Кораблики».

Лихо мерили шаги
Две огромные ноги:
Сорок пятого размера
Покупал он сапоги...

Больше редактор уже не отрывался от листков, исписанных мелким почерком. На автора он посмотрел только тогда, когда прочел стихи до конца.

Молодой автор по фамилии Михалков стоял и терпеливо ждал, пока редактор дочитает его стихи до конца. Потом он спросил:

— Ну, как?

— Отлично. Вот как! Будем печатать. В очередном номере. Боюсь только, что художник не успеет сделать иллюстрации.

Редактор задумался. И вдруг он улыбнулся:

— А нам и не надо художника. Нам нужен фотограф. Мы сделаем фотоиллюстрации. Снимать будем вас. Вы — вылитый дядя Степа, товарищ Сережа Михалков!

И вскоре в журнале появились замечательные, веселые стихи про дядю Степу. На фотографиях был изображен Сергей Михалков. Недаром с тех пор считают, что дядя Степа и Михалков — это одно лицо.

Дядя Степа сразу полюбился ребятам. Этот могучий, добрый великан, который все может, вывел на орбиту своего автора.

Верный спутник проводил много поколений ребят от станции «Детство» до станции «Юность», от станции «Юность» — до города «Взрослость». Но и в этом городе он не расстался со своими читателями. Он стал писать для своих повзрослевших читателей стихи, басни, песни, пьесы.

Поэт-спутник всегда рядом с нами. Мы слышим его позывные по радио, со сцены, с экрана кино и с полосы сегодняшней газеты. Он рядом. Он на орбите. Он несет свою замечательную службу. И сегодня все ребята страны поздравляют его с юбилеем, желают ему сделать еще много-много витков, написать много стихов, песен, пьес.

За большой, благородный труд поэт награжден двумя орденами Ленина.

Сегодня миллионы советских и зарубежных ребят аплодируют своему любимому поэту-спутнику Сергею Владимировичу Михалкову, а когда ударяют в ладоши миллионы ребят, то это уже не аплодисменты, а самый настоящий салют.

Юрий ЯКОВЛЕВ

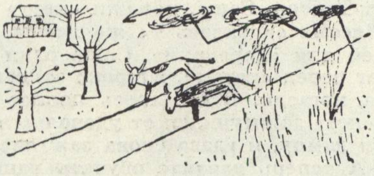

«Дядя Степа — милиционер».

«Дядя Степа».

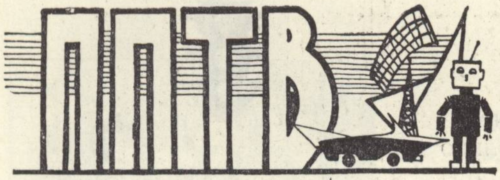
Фотография из журнала «Пионер» 1935 года.

«Рисунок».

«Бараны».

ЗАЛ КИБЕРНЕТИКИ

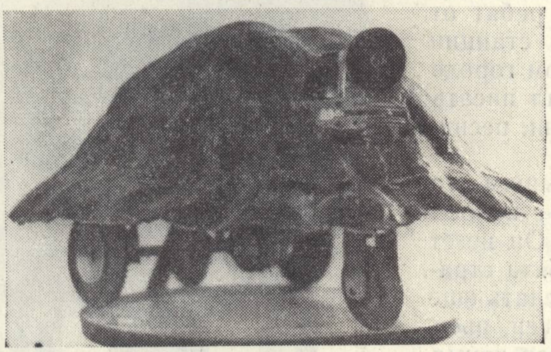
Кот, игрок и черепаха

Кибернетика. Многие скажут, что даже самые азы этой науки доступны только взрослым, что семиклассникам да шестиклассникам сюда лучше не соваться. Так думал и я, пока не попал в «Клуб любознательных» пятой школы-интерната в городе Саратове.

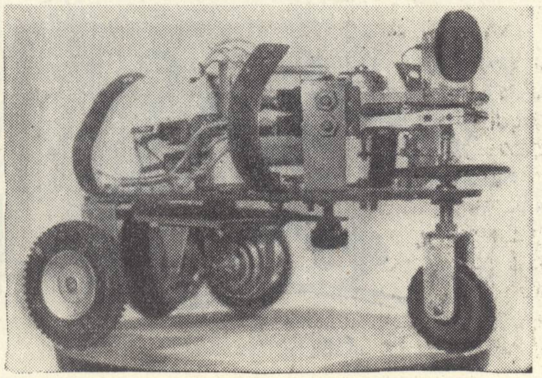
С незапамятных времен любители техники строят модели различных машин. С развитием кибернетики появилась новая область моделирования: модели, воспроизводящие определенные свойства живых организмов. Этим делом и увлекаются некоторые члены «Клуба любознательных». Об их моделях я вам расскажу.

«ЧЕРЕПАХА» ИЩЕТ ПИЩУ

Преподаватель физики Павел Алексеевич Турлов поставил предо мной на стол «черепаху», которую смастерил Володя Игнатьев. Панцирь

у нее был сделан из папье-маше и действительно походил на черепаший, в остальном она сильно отличалась по виду от настоящих черепах. Вместо ног у нее были три колесика — одно спереди, два сзади. Над передним колесиком возвышалась «голова», представлявшая собой фотосопротивление в пластмассовой оправе. Из-под брюха тянулся электрический шнур.

— Всем известно,— сказал Павел Алексеевич,— что каждое животное старается найти пищу и стремится добраться до нее. Для нашей «черепахи» пищей служит источник света. Володя, включай!

Один из мальчиков взял в руки электрическую лампу на длинном шнуре и включил ее, держа сбоку от «черепахи». Одновременно включил «черепаху» Павел Алексеевич. Внутри «черепахи» зажужжал маленький моторчик, «голова» ее стала медленно поворачиваться, а с ней стало поворачиваться и переднее, рулевое колесико.

Как только свет упал на фотосопротивление, включился другой моторчик, заработали задние колеса, и «черепаха» двинулась на горящую лампу. Володя перенес лампу влево — свернула влево и «черепаха». Володя стал медленно обносить лампу вокруг стола — «черепаха» тоже пошла по кругу.

УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС У НАРИСОВАННОГО КОТА

Что такое условный рефлекс, вы, наверное, знаете, но я все-таки вам напомню.

Например, если мы дадим животному пищу, у него сработает безусловный рефлекс: в желудке начнет усиленно выделяться желудочный сок, во рту — слюна.

Попробуем несколько раз подряд сопровождать кормежку каким-нибудь сигналом, например, звонком, а потом позвоним, не давая животному пищу. И животное среагирует на звонок точно так, словно перед ним поставили еду. Это и есть условный рефлекс.

Кота, изображенного на снимке, сделал Саша Баранович. Как видите, кот нарисован на листе картона. Глаза у него сделаны прозрачными, зелеными, а за ними установлены лампочки от карманного фонаря.

По просьбе Павла Алексеевича Саша включил свою модель в сеть, и глаза у «кота» зажглись. Павел Алексеевич дал мне в руки подключенный к «коту» микрофон и предложил:

— Скажите: «Мясо!»

— Мясо! — сказал я.

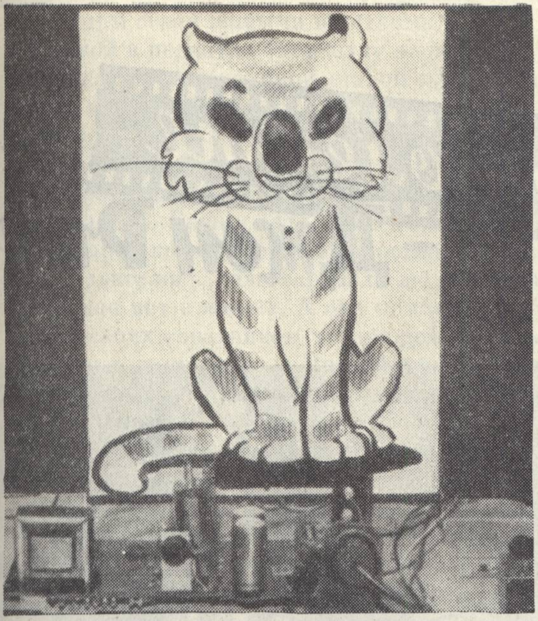
«Кот» никак не реагировал.

— Видите? Он еще не понимает ваших слов, точнее, у него еще не выработался условный рефлекс. Теперь, Саша, покажи «коту» мясо.

«Мясом» оказалась та же лампа, что служила пищей для «черепахи». Саша взял ее в руки и зажег перед «котом». Широко открытые кошачьи глаза погасли, и создалось полное впечатление, что «кот» зажмурился от удовольствия. Саша погасил лампу, и глаза снова зажглись.

— А теперь давайте обучать нашего «кота»,— сказал Павел Алексеевич.

Саша принялся то включать, то выключать лампу, а я, когда лампа загоралась, повторял:

— Мясо! Мясо! Мясо!

— Саша, стоп! — скомандовал Павел Алексеевич и обратился ко мне: — А вы продолжайте! Я сказал: «Мясо!» — и глаза у «кота» погасли, хотя лампа не была включена.

«Кот» устроен сложнее «черепахи». Он тоже снабжен фотосопротивлением. «Мозг» его представляет собой довольно сложный усилитель на электронных лампах. Очень важная часть «мозга» — запоминающее устройство. Роль его выполняет тепловое реле. Когда мы освещаем «кота», одновременно говоря в микрофон, по особой пластинке этого реле проходит ток, постепенно нагревая ее. Нагревшись как следует, пластинка изгибается, замыкает контакт, и «кот» после этого начинает реагировать не только на свет, но и на звук.

КАК МАШИНА МЕНЯ ОБЫГРАЛА

А потом ребята принесли и поставили на стол довольно большой фанерный ящик. На передней стенке его было расположено тринадцать ламп. Каждая лампа имела свой выключатель.

— Это машина играет с человеком в игру, похожую на игру в камушки,— сказал Павел Алексеевич.— Все лампы зажигаются, человек делает первый ход. Каждый из игроков имеет право за один ход выключить от одной до трех ламп. Проигрывает тот, кто должен будет выключить последнюю лампу. Начинайте!

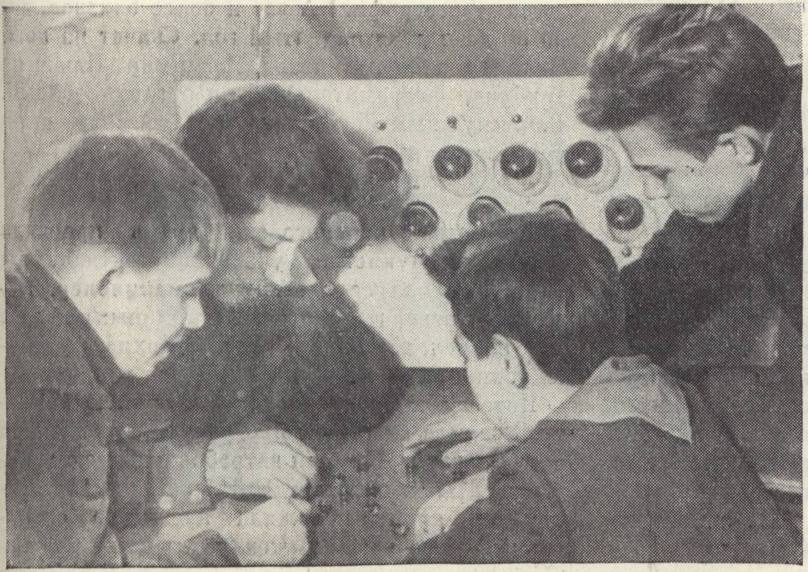
Машину включили. Все тринадцать ламп зажглись. Я выключил сразу три лампы. В машине что-то тихо загудело, и через секунду еще одна лампа погасла сама собой. Тогда я выключил еще две лампы. Машина выключила тоже две. Я выключил одну лампу, в ответ на это машина погасила три. Осталась зажженной всего одна лампа. Я проиграл.

Снова включили лампы, снова мы с машиной начали играть. На этот раз я выключил одну лампу, машина — три... Короче говоря, я опять проиграл. Проиграл я и в третий, и в четвертый, и в пятый раз.

Смастерили этого электрического игрока Толя Буряков и Вася Евстратов. Я думал, что такая умная машина должна быть куда сложнее «кота» и «черепахи», а она оказалась всех проще. За передней стеной с лампами находится электромотор, приводящий в движение диск. На диск наклеены три изогнутые контактные пластинки, по которым скользят металлические щетки. Выключая лампы, вы одновременно включаете мотор и заставляете поворачиваться диск. Сколько бы ламп вы ни выключили — одну, две или три,— диск провернется ровно настолько, чтобы сумма всех выключенных за один ход ламп равнялась четырем. После третьего хода машины всегда оказываются выключенными двенадцать ламп. Тринадцатая остается зажженной. Человек проигрывает.

Все эти модели сделали ученики шестых и седьмых классов. Они, как вы знаете, еще электричества по физике не проходили.

Ю. СОТНИК

Видно сразу, что машину трудно обыграть: вон сколько болельщиков у ее партнера!

На киноленте — Джон Рид

КРАСНОГОРСКИЕ СОКРОВИЩА

Под Москвой, около Красногорска, на невысоком холме стоит красивый дом с колоннами, похожий на дворец. Перед домом — обширный бассейн с шестью трубками фонтана. Но это не санаторий и не музей старинного искусства. В комнатах дома-дворца пахнет химическими реактивами. По коридорам ходят люди в белых и синих халатах. Они спускаются куда-то вниз по особым скатам — пандусам. Вносят и выносят круглые металлические коробки.

В доме — огромные подвалы. И там таких коробок полным-полно. Они уложены в высокие штабеля и тянутся длинными-длинными рядами. Это красногорские сокровища. Ради них в подземных помещениях круглый год строго поддерживается одна и та же температура: +13°. Ради них и построен дом-дворец. Называется он — Центральный государственный архив кинофонофотодокументов.

Видите, какое слово длинное! Богатую коллекцию пленок, хранящихся в металлических коробках, время от времени приезжают осматривать историки, кинорежиссеры, художники, писатели. Все осмотреть невозможно. Начальник архива, невысокий человек с живыми, веселыми глазами, сообщил нам, что если соединить воедино все собранные тут куски кинолент, то получилась бы лента, которой можно опоясать весь земной шар. А если б кто пожелал прослушать все звукозаписи, какими архив располагает, то ему пришлось бы затратить на это... четыре года!

Почему же пленки, хранящиеся в подземельях красногорского дворца, называют сокровищами? Да потому, что это редкие, драгоценные куски истории. Достаточно какую-нибудь пленку прокрутить на киноаппарате, и оживают замечательные люди и события, обстановка давно ушедших от нас дней. Удивительные бывают при этом находки и открытия!

В маленьком просмотровом зале архива часто жужжит киноаппарат. Чего там только не

Джон Рид — делегат II Конгресса Коминтерна. Кинокадр.

увидишь на экране! Мне, например, довелось смотреть киноленту 1896 года. Смешные человечки, забавно дрыгая ногами, бежали по экрану навстречу движущемуся поезду. Шестьдесят семь лет назад людям это казалось чудом: живая фотография! А вот и более близкое, дорогое нам: девятнадцатый год. Скачет на коне Чапаев с шашкой наголо. Владимир Ильич на трибуне, стремительный и вдохновенный. Взмахнул кепкой, говорит речь... А вот — стойте! Кто же это?

ЗДРАВСТВУЙ, ДЖОН!

Однажды в красногорский архив приехала старая коммунистка, участница октябрьских боев. У входа ее остановил милиционер. Попросил проверить портфель, карманы: нет ли в них спичек, зажигалок? Ведь в архиве хранятся тонны легко воспламеняющейся пленки.

Потом гостью провели в монтажную комнату. Усадили за стол с прозрачной, освещенной снизу доской. Вынесли затребованные ею кинодокументы первых лет Октября. Научная сотрудница архива положила пленку на специальный диск, нажала кнопку, и пленка полз-

ла через монтажный стол. Освещенные снизу, кинокадры стали живыми и четкими. Гостья левой рукой в перчатке (перчатку надевают, чтоб не прикасаться к хрупкой старой пленке пальцами) придерживала ползущую ленту и пристально вглядывалась в кадры.

Перед ней воскресали эпизоды героической эпохи революции. Красный Петроград, Смольный дворец... Башни седого Кремля... И горько было старой коммунистке и радостно! На доске-экране двигались, разговаривали люди, которых уже давно нет в живых. А она помнила их. Находила своих соратников, товарищей по борьбе. Вдруг она вздрогнула. Правой рукой быстро вернула кадры обратно. Остановила движение ленты. Всмотрелась.

С кинокадра на нее глянуло молодое, обаятельно улыбающееся лицо... Слезы затуманили глаза революционерки. Она узнала человека, который своим пером на весь мир прославил первые дни нашей великой революции.

— Это Джон Рид! — воскликнула она.— Здравствуй, Джон!

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ЕГО?

Жизнь Джона Рида была необыкновенна. Он родился в маленьком городке на дальнем западе США, объездил весь мир и похоронен в Москве у Кремлевской стены.

Джон Рид был выходцем из богатой семьи. Но он порвал со своим классом и пошел сражаться за рабочее дело. Он был всюду, где разгоралось пламя народной борьбы: в рядах мексиканских повстанцев, среди американских рабочих-забастовщиков, а потом в России — верным защитником Октября. Джон Рид великолепно писал. У него были вдохновение романтика, острый глаз наблюдательного человека, горячее сердце борца.

Поэтому корреспонденции Джона Рида, его записки, заметки и, наконец, книги, созданные в пылу борьбы, под выстрелами и канонадой сражений, согреты таким сильным чувством. И читаются они так, будто написаны сегодня.

Подобный человек, конечно, не мог жить в ладу с капиталистической Америкой. Он и порвал с нею, чем вызвал бешеную ненависть богачей. «Человек, о котором плачет виселица!» — вот какую подпись дала одна буржуазная газета под портретом Джона Рида. «Человек безграничной смелости мысли и действия»,— отзывались о нем революционеры всех стран.

Джон Рид оставил нам яркие зарисовки народных героев. Вот он в Мексике, в рядах бедняков-повстанцев, с которыми сражается плечом к плечу. Повстанцами руководит бывший пастух Вилья. Джон Рид рассказал, как Вилья, сдвинув на затылок обтрепанную широкополую шляпу, обратился с краткой речью к иностранцам, спешившим удрать из восставшей страны:

— Сообщу вам последние новости, прошу вас передать их у себя на родине. В Мексике больше не будет дворцов! Лепешки бедняков лучше хлеба богачей! Все. Поезжайте!

Революция в Мексике была подавлена. Но она вспыхнула в огромной стране — России. И Джон Рид с опасностью для жизни, обманув полицейских, пробрался в Петроград. Какое это было для него откровение: революция мил-

У стен Кремля. Крайний справа — Джон Рид. Кинокадр.

лионов, возглавляемая могучим русским пролетариатом, гением Ленина! Греясь у костров рабочих патрулей перед Смольным, где заседали большевики, он невольно вспоминал забастовщиков Запада, Вилью, «лепешки бедняков».

Обо всем, что он увидел в России в 1917 году, Джон Рид написал бессмертную книгу «Десять дней, которые потрясли мир».

«Эту книгу,— сказал о ней Владимир Ильич,— я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки...»

Джон Рид писал свою книгу дома, в Нью-Йорке. Он выступал там с речами на грандиозных митингах, рассказывая о Советской России. Полицейские шесть раз выкрадывали у Рида его материалы, записки, блокноты. Им не удалось помешать его замыслу! Американская книга о героях нашего Октября родилась и никогда не умрет. Несколько раз пробирался Джон Рид в Советскую Россию — то под видом кочегара норвежского парохода, то в трюме финского судна. За ним следили, его арестовывали, допрашивали, избивали в финской охранке — ничто не могло удержать бесстрашного Джона. Он рвался туда, где строился новый мир. Он участвовал в Конгрессе Коминтерна. Он видел Ленина. Дышал воздухом революции, ради которой хотел жить и писать.

Долгие годы считалось, что Рида не успели заснять на кинопленку. И вот Елизавета Яковлевна Драбкина, просматривая недавно куски кинолент в красногорском дворце-архиве, сделала открытие! Под безличной записью в монтажном листе: «За столом одного из делегатов II Конгресса Коминтерна (1920)» — скрывалась драгоценная находка: на ленте был Джон Рид! Наш Джон!

Живой Рид появился на голубых экранах телевизоров. А потом ленинградская киностудия из обрывков найденных Елизаветой Яковлевной лент создала новый фильм «Дело того стоило, Джон!».

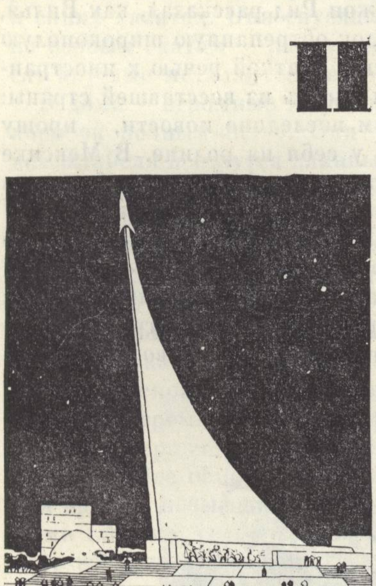
Р. КАНДЕЛАКИ

ПИОНЕРАМ

В Москве, на площади перед главным входом на Выставку достижений народного хозяйства развернулась стройка. Приезжие экскурсанты и жители окрестных кварталов здесь часто останавливаются. Интересная стройка! Она не похожа на обычную: не какой-нибудь дом или павильон, а грандиозный памятник-обелиск растет на широкой площади перед выставкой.

Он посвящен создателям первого искусственного спутника Земли. Тем, кто проложил человечеству дорогу в космос.

Красивые произведения архитекторов, скульпторов, художников увековечат подвиг пионеров Вселенной. На основании из полированного гранита встанет обелиск из нержа-

Так будет выглядеть обелиск в честь запуска первого искусственного спутника Земли.

На рисунке справа: «кабина космического корабля»

На следующей странице: один из залов музея истории завоевания космоса.

НА АЭРОДРОМЕ

И. ХОЛИН

АВИАКАРТА

Авиакарта
Лазурного цвета
Разбита
На клетки,
Как плитки
Паркета.
В квадрате 16 —
Излучина речки.
В квадрате 102 —
Небольшое
Местечко.
А дальше
Ложбина,
Завод
И плотина.
А дальше
Болото —
Осока
И тина.
Левее болота
Дорога,
Как леска.
Левее — карьеры
И два
Перелеска.
За ними
Ворота аэродрома.
Любому
Пилоту
Все это
Знакомо.

ВОЗДУШНАЯ ЛИНИЯ

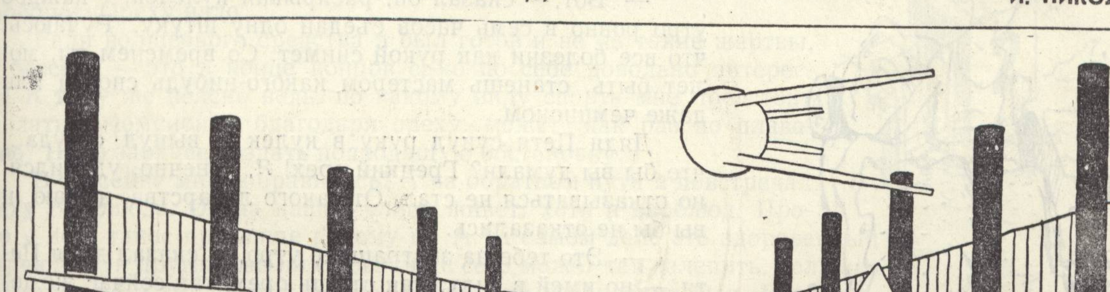
Ночью в небе
Вдоль реки
Проплывают
Огоньки.
Вот они
Все ближе,
Ближе.
— Вы откуда!
Из Парижа!
— Нет, из Дели,
Нет, из Чили,
Мы туда
Врачей
Возили.
А теперь
Летим в столицу.
Пассажирам
Не сидится,
Смотрят в окна
Пассажиры —
Люди дружбы,
Люди мира.
Принимай,
Москва,
Скорей
Замечательных друзей!
Подмигнул
Маяк зеленый:
Путь открыт
авиационный!

ВСЕЛЕННОЙ

веющей стали. Его высота — 90 метров. Стрелу обелиска, устремленную в небо, увенчает изображение улетающей в космос ракеты. Барельефы на боковых стенах пьедестала расскажут о ее творцах — советских ученых, конструкторах, рабочих. А внутри огромного подножия-пьедестала разместится музей истории завоевания космоса. Там посетители увидят модели искусственных спутников и межпланетных ракет, разные космические приборы, аппараты, вещи. Один из залов будет представлять собой кабину межпланетного корабля. В ней с помощью кино, световых и звуковых эффектов зрители будут совершать «путешествия» на Луну, Марс или Венеру.

Через всю площадь, на которой будет сооружен обелиск, протянется торжественная аллея. По обе ее стороны будут установлены скульптурные портреты ученых, конструкторов космических кораблей. А начнется аллея героев монументальной гранитной фигурой К. Э. Циолковского — основоположника астронавтики.

И. НИКОЛАЕВ

Волшебный орех

Спорт

Из рассказов о докторе для здоровых

А. СВЕТОВ

Рисунки Е. Мигунова

Я уже говорил, что к нам в квартиру переехал новый жилец, дядя Петя, и что он оказался доктором для здоровых и что мы с ним подружились. Однажды он сказал:

— Вид у тебя, Гена, совсем не богатырский. Бледный ты какой-то, худой, мускулы, как кисель... Это потому, что ты не занимаешься спортом. Даже, если не ошибаюсь, уроки физкультуры пропускаешь.

— Я освобожденный, — говорю, — у меня справка. Мне состояние здоровья не позволяет. Не верите?

— Нет, почему же! А хочешь, я тебя вылечу от всех болезней? У меня есть такое волшебное средство.

— Волшебное? — заинтересовался я.

— Погоди минуточку, — сказал дядя Петя, ушел в свою комнату и вернулся с каким-то серым кулечком.

— Вот, — сказал он, раскрывая кулечек, — каждое утро ровно в семь часов съедай одну штуку. Ручаюсь, что все болезни как рукой снимет. Со временем ты, может быть, станешь мастером какого-нибудь спорта или даже чемпионом.

Дядя Петя сунул руку в кулек и вынул оттуда... что бы вы думали? Грецкий орех! Я, конечно, удивился, но отказываться не стал. От такого лекарства, думаю, и вы бы не отказались.

— Это тебе на завтрашнее утро, — сказал дядя Петя, — но имей в виду: как съешь орех, так сейчас же делай зарядку, чтобы орех начал действовать. Он только во время зарядки начинает действовать.

Вечером я завел будильник, орех положил под подушку, и с этой минуты жизнь у меня пошла кувырком. Посудите сами: еще вчера я мог валяться в постели сколько душе угодно, а теперь будильник поднял меня

ни свет ни заря. Дрррррррррр! Я спросонок сунул было его под подушку, но тут рука моя наткнулась на что-то твердое и круглое. «Ах, да! Орех... Может, съесть его лежа и досмотреть сон?» Но тут я вспомнил про зарядку, которая нужна ореху, и спустил ноги с кровати. Потом оказалось, что орех просто так не раздавишь.

Пока я искал молоток в папином ящике с инструментами, у меня немного сон разогнало. Ну, съел я орех. Он хоть и волшебный, а вкус ничего, как у настоящего. А тут в дверь тихонько так: тук-тук... Оказалось, это дядя Петя. Зовет вместе делать зарядку. Ну что ж, вместе так вместе! За компанию даже веселее. Я было к нему в комнату направился, а он говорит:

— Давай лучше во двор, на воздух. Вон какая осень теплая, одно удовольствие.

А дело-то происходило в сентябре, и погода на самом деле была хоть куда. В общем, сделали мы зарядку, пришли домой, и я уж собирался опять в постель, согреться, а может, и подремать еще. Но дядя Петя остановил меня.

— Стоп! Куда это ты? Сейчас будешь делать водную процедуру.

— Это еще для чего?

— Для ореха. Ему, видишь ли, нужна вода.

— Так я лучше выпью стакан — и дело с концом...

— Э, нет, — покачал головой дядя Петя. — Надо не внутрь, а снаружи. Правило такое. Тут уж ничего не поделаешь.

Ну, раз правило, тут уж действительно ничего не поделаешь. Не стоило из-за какой-то там процедуры, у которой даже название обидное, на дуру похоже, — не стоило, говорю, из-за нее портить эксперимент с этим самым орехом! В общем, пошел я на кухню, потому что ванная была занята другим соседом, дядей Костей, и сделал мочалкой обтирание. Правда, не холодное, а тепловатое. Дядя Петя сказал, что для начала годится.

Так и пошло день за днем. Ровно в семь верещал, словно взбесившись, будильник, я вскакивал и съедал орех, потом бежал во двор на зарядку, потом делал эту самую процедуру, и к тому времени, как я кончал всю волынку, уже, конечно, было некогда спать. Да мне и не хотелось. И мама звала завтракать.

Через неделю дядя Петя спросил:

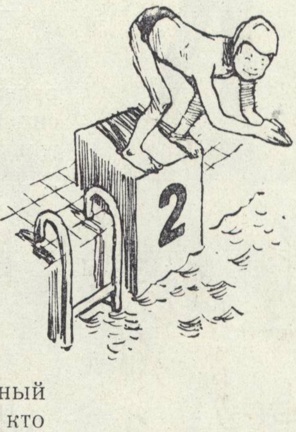
— Как? Помогает?

— Кажется, немножко помогает, — говорю я.

— В таком случае приходи сегодня после уроков в бассейн.

— Это зачем же?

— Надо, — сказал дядя Петя. — Во-первых, чтобы проверить, помогает ли орех, а во-вторых, это вообще не помешает, и даже наоборот. Ореху надо.

Ради волшебного средства я был готов и не на такие жертвы. А бассейн — это в конце концов само по себе довольно интересно. К тому же неясно ведь, по какому виду спорта мне предстоит сделаться чемпионом благодаря ореху: может, как раз по плаванию? Надо заранее создать подходящую обстановку.

В бассейне мне понравилось. А на обратном пути я повстречал Леху Верблюда. Он на нашей улице живет, хотя и верблюд. Просто у него такое прозвище почему-то. А на самом деле это здоровенный парнюга. Он другой раз ни с того ни с сего может так залепить, если кто помладше! Но тут ничего; видно в хорошем настроении был. Идет вперевалочку, папиросой дымит, сплевывает.

— Жив-здоров, малявка! На, затянись!.. (Это он мне!)

За малявку я обиделся. И курить я не курю, по правде сказать. Но как-то неудобно было отказываться. Поднимет на смех или леща даст. Очень надо перед таким типом унижаться!

— Ладно, — говорю, — закурим, — говорю, — по одной.

Я взял папиросу. Он мне свою подставил, прикурить. Потянул, а мне горло ка-ак перехватит! Ка-ак начнет меня кашель душить! А Верблюд заржал, как лошадь, — и в подъезд. А из-за угла — дядя Петя. А я кашляю, как не знаю кто, и не могу остановиться.

Дядя Петя только глянул и спрашивает:

— Курил?

Я молчу. Что тут скажешь? А дядя Петя:

— Ну, все. Нечего, — говорит, — мне с тобой возиться!

А сам поворачивается, чтобы уходить. Тут я собрался с духом и говорю:

— Дядя Петя, подождите! Неужели все погибло? Неужели никак нельзя это дело исправить? Ведь жаль — столько волшебных орехов зря пропало!

— Орехов, действительно, жаль, — говорит сердито дядя Петя. — Так ведь тебе, дураку, никакие даже самые разволшебные не помогут! Слыханное ли дело: курить вздумал!

— Дядя Петя, я больше не буду, я же нечаянно, это Верблюд виноват.

— Ну так вот. Дай слово, что никогда не станешь курить, хоть бы тут целое стадо верблюдов и весь зоопарк вдобавок...

— Честное пионерское!

— Итак, решено: грецкий орех плюс зарядка, плюс закалка, плюс бассейн, минус курение...

К зимним каникулам я попросил у отца купить мне лыжи. Дядя Петя открыл для меня уже третий по счету серый шершавый кулек с волшебными орехами. Запасливый человек! Откуда он их только набрал?

Орехи здорово действовали. Теперь стоило мне согнуть для пробы руку, и под кожей напружинивались мячиком мускулы, которые называются бицепсами. Все ребята и учитель физкультуры в придачу удивлялись, как здорово у меня получаются всякие упражнения и прыжки. Я скоро стал бегать и прыгать лучше всех в классе, а весной на пионерской спартакиаде нашей школы стал чемпионом дружины в беге на шестьдесят метров.

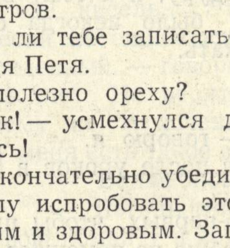
— Не пора ли тебе записаться в гимнастическую секцию? — спросил на днях дядя Петя.

— А это полезно ореху?

— Еще как! — усмехнулся дядя Петя.

— Запишусь!

Я теперь окончательно убедился в волшебной силе ореха и советую, ребята, каждому испробовать это удивительное средство, чтобы стать сильным, ловким и здоровым. Запомните: ровно в семь утра — орех, затем зарядка плюс закалка, плюс плавание, плюс лыжи, плюс... и так далее!

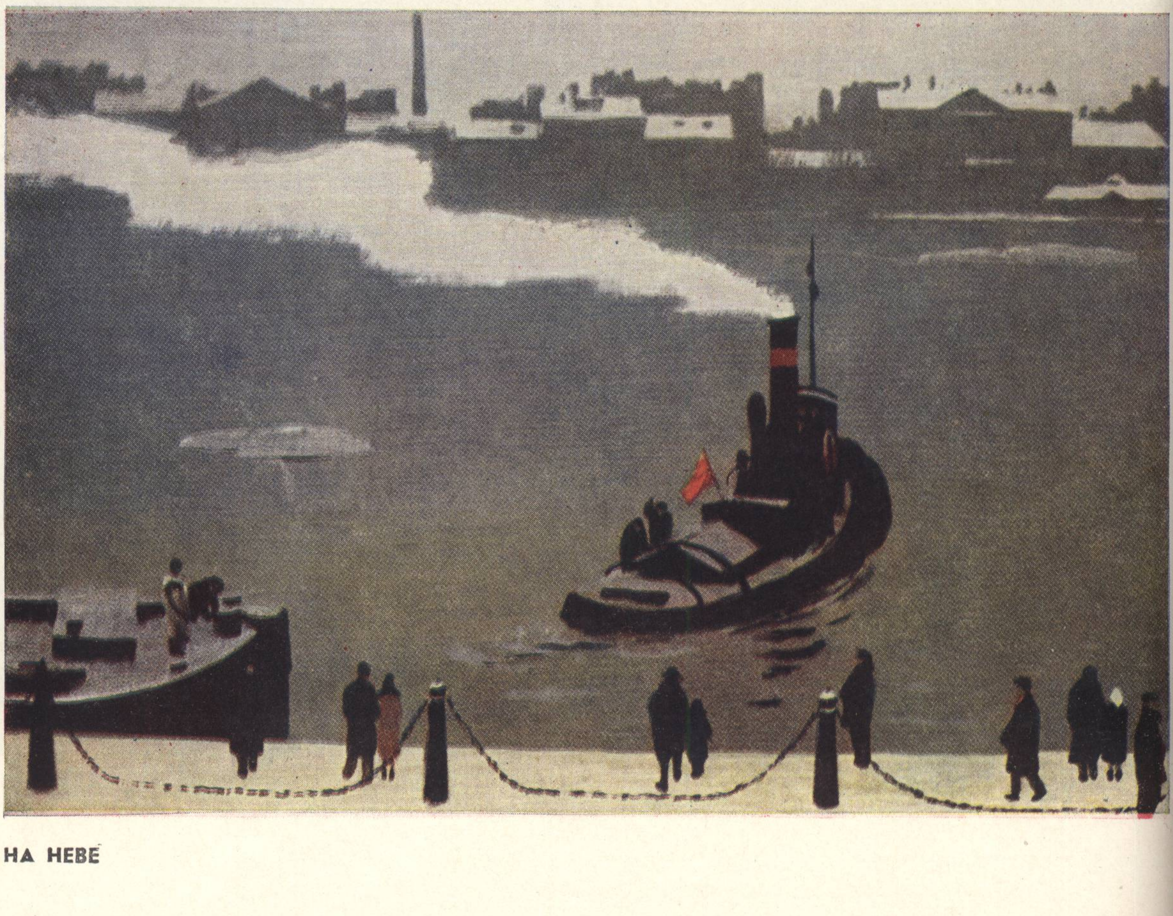

КАТЮША Л. Тимошенко

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ

НА НЕВЕ

НОВЫЕ РАБОТЫ О. ВЕРЕЙСКОГО

Вы, конечно, хорошо знаете рисунки художника Ореста Верейского. Вы встречали их в нашем журнале и во многих книгах. Помните его иллюстрации к стихам С. Я. Маршака и Джанни Родари, к «Василию Теркину» Твардовского? Помните его книгу о Египте — «Древнее и молодое»?

Сегодня мы хотим познакомить вас с новыми работами художника.

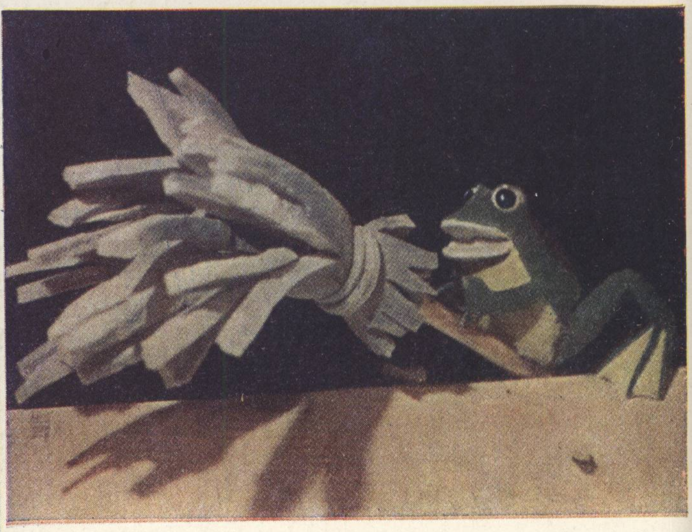
СТИРКА БЕЛЬЯ

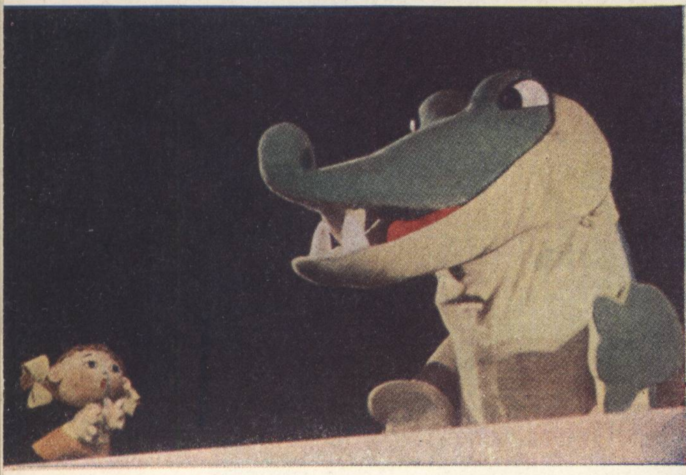

СНЕГУРОЧКА

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ

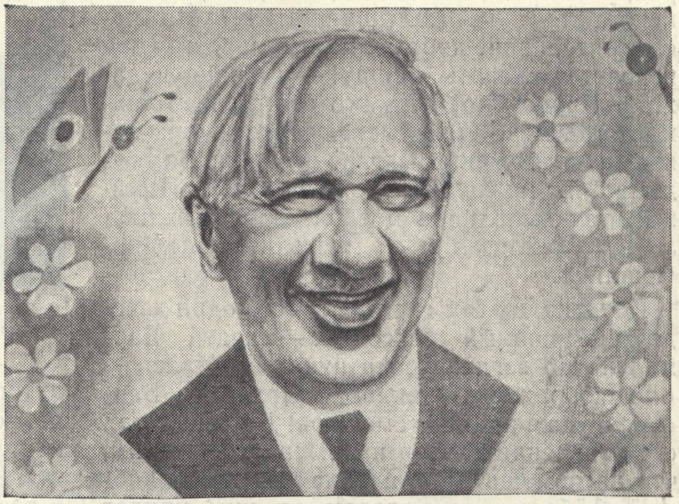

Заново со старыми друзьями

Легко разбегается полупрозрачный розовый занавес, похожий на оконную занавеску. На зрителей смотрит лицо Чуковского. Корней Иванович, как радушный хозяин, улыбается ребятам: сегодня они у него в гостях.

«В гостях у Чуковского» называется новый спектакль Центрального театра кукол С. В. Образцова.

Конечно, ребята в гостях у писателя только по-театральному, «понарошку»... На самом деле они собрались не на квартире у Чуковского, а в зрительном зале. И Корнея Ивановича здесь нет. Есть лишь его портрет, тот самый, который вы видите на этой странице. И голос.

— Здравствуйте, ребята! — приветливо звучит голос.— Все ли вы собрались?.. Ведь я не вижу вас. Я говорю с вами по радио.

И Корней Иванович рассказывает, что он у себя дома. За окном — снег, по снегу прыгает сорока... На столе сидит кот.

— Поздоровайся с ребятами, Котауси!— говорит коту Корней Иванович.

Котауси мяукает. И так как он смешной, веселый кот, кот сказочника Чуковского, его мяуканье напоминает человеческие слова. Сказка началась...

Сказка появляется в трех окнах: одно из них, большое, посредине, два, поменьше, по бокам. Окна заменяют сцену.

В широких рамах движутся, говорят, поют наши старые друзья: Слон с телефоном, знаменитый Мойдодыр, легкомысленные Ваня с Таней, убежавшие в Африку... Все они такие, какими мы их представляем, какими видели на картинках... И оттого, что они такие — да к тому же еще заключены в прямоугольную раму,— кажется, что это ожили иллюстрации к книжкам Чуковского.

Именно так задумали спектакль постановщики и художники. Так они его «решили»... Да, да, решили! Работники театра, так же, как вы, ребята, решают задачи. И проверяют решение по ответу... По ответу зрителей.

В этом спектакле зритель — даже совсем маленький — принимает самое живое, самое непосредственное участие.

— Как начинается сказка «Тараканище»? — спрашивает голос Чуковского.

— Ехали медведи!.. Ехали медведи на велосипеде! — тоненько звенят голоса.

И, как только раздаются эти слова, в большом окне появляются медведи-велосипедисты, бараны бьют в барабаны, жаба скачет на метле... Все эти куклы управляются, как обычно, искусными руками актеров. Ну, а такая громадина, как Слон, снятый на фотографии?.. Ведь он же больше человеческого роста!.. Слона приводят в движение с помощью механизмов.

Огромный Крокодил и Гиппопотам — это куклы-маски, надетые на актеров. Впрочем, масками их можно назвать только условно: голова актера находится ниже головы куклы, актер говорит из кукольной шеи.

Зачем понадобились куклы таких огромных размеров?

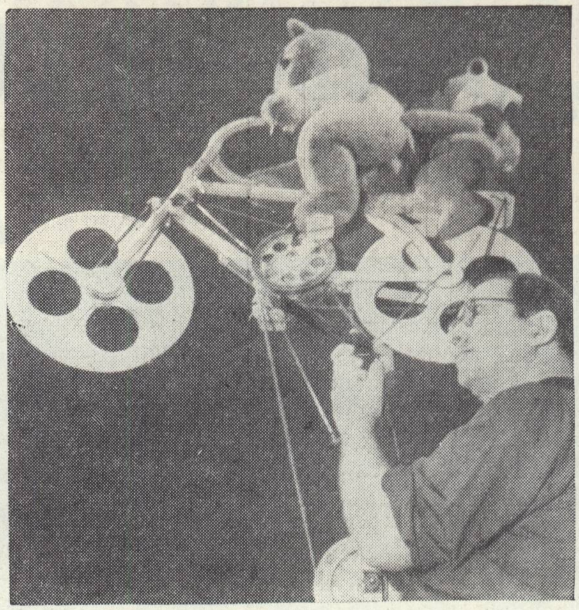
Все началось с Тараканища. Кукла-Тара-

канище гораздо больше настоящего таракана: таракан в натуральную величину не будет виден даже из первого ряда, не то, что из конца зала... А уж если увеличен Таракан, то других зверей надо было делать вовсе огромными. Иначе пропал бы весь смысл сказки: она ведь и смешна и поучительна как раз тем, что могучие, сильные звери испугались ничтожно малого усача...

Выпуская на сцену таких больших зверей, постановщики немного беспокоились: не испугаются ли малыши-зрители? Но посмотрите, какие добрые, милые морды — так и хочется сказать «лица»! — у Слона и даже у Крокодила! Нет, это совсем нестрашные куклы! Обтянутые материей, они напоминают большие, мягкие игрушки. Так задумал их рижский художник Пауль Шенхоф, так выполнила московская художница Лилия Майорова и ее многочисленные помощники.

Конечно, в этом спектакле есть один заведомо страшный персонаж — злодей Бармалей. Но взгляните на куклу-Бармалея — она изображена на вкладке. Право же, Бармалей тоже немного смешной! Да еще перед его появлением автор напоминает зрителям, что на помощь Ване и Тане уже летит добрый Айболит, что следом за ним придет справедливый Крокодил, и все кончится хорошо... И вообще ведь это не взаправду, это — представление, театр...

О том, что действие происходит в театре, что все события только разыгрываются,

Вот как медведи едут на велосипеде!

автор не раз напоминает зрителям, обращаясь со всякими указаниями то к зверям-исполнителям, то к музыкантам...

Но — странное дело! — эти напоминания о театральной технике никак не ослабляют впечатления. Конечно, ребята знают, что перед ними куклы. Многие уже не раз видели, как беспомощно повисают они в руках актеров, когда те выходят в конце представления... Даже малыши понимают, что смотрят спектакль. И все же они, да и другие ребята, постарше, волнуются, вскрикивают, хлопают в ладоши — словом, горячо переживают то, что видят в трех окнах.

Вот вам и ответ зрителя!

Значит, Сергей Владимирович Образцов и другие режиссеры спектакля — Семен Соломонович Самодур и Николай Павлович Гжельский, значит, все актеры, художники, музыканты спектакля решили свою задачу правильно.

Они решили ее талантливо.

Ю. НОВИКОВА

Видите, сколько людей работали в мастерской театра, чтобы на сцене появился этот огромный добрый слон...

НАША ПОЧТА

Кто прав, я или папа?

Здравствуй, Сима!

У меня есть подруги Валя Федорова и Люба Малинина. Как-то обе они не сделали задачи по арифметике. Люба перед уроком встала и сказала учительнице, что она не приготовила урок. Учительница взяла у нее дневник и записала замечание. А Валя промолчала. На перемене Люба подошла к учительнице и сказала, что Валя тоже не выполнила задание.

Папа утверждает, что Люба поступила правильно, когда она сказала про подругу.

А я считаю, что нет. По-моему, Люба сказала это от злости: вот, мол, мне записали замечание, а ей нет.

Я считаю, что нужно было поговорить с Валей и потребовать, чтобы она сама призналась. В крайнем случае выступить на собрании.

Сима, ответь, пожалуйста, кто прав: я или папа?

С пионерским приветом

Людмила Звягинцева,
г. Винница.

Помните, ребята, это письмо Люды Звягинцевой? Оно было напечатано в «Пионере» № 11 в прошлом году.

Отвечаем Люде Звягинцевой

Люба—ябеда! Валя—трус!

Люба наябедничала на свою подругу. Она должна была убедить Валю сознаться в своем поступке или выступить на собрании и поговорить с Валей при всех.

А Валя — трусиха. Она побоялась признаться, что не выполнила задания. Нет, пионер должен быть честным.

Наташа Герасименко,
г. Геническ,
Херсонская область.

Похожие поступки

У нас в классе был такой случай. Ева не решила задачи по геометрии и написала записку Толе: «Толя, дай списать задачу».

После урока Галя нашла эту записку и показала ее классному руководителю.

А все дело в том, что Галя и Ева были в ссоре.

Ева хотела списать — это плохо. Но Галя поступила хуже.

Люба Малинина поступила, по-моему, почти как Галя, хотя она и не была в ссоре с подругой.

Валя Мокан,
г. Единцы, МССР

Неправа учительница

А по-моему, учительница тоже поступила неверно, записав замечание Любе Малининой. Ведь Люба созналась!

Как же быть честной, если не доверяешь учительнице?

И все же Люба виновата.

Вы, наверное, смотрели кинофильм «Мишка, Серега и я». Там ребята не назвали директору своего товарища, который подсказывал, а потребовали, чтобы он сам признался.

Таня Яковлева,
г. Кострома.

Люба поступила правильно!

Может быть, потому, что со мной случилась история, похожая на эту, письмо Люды заставило меня призадуматься.

Однажды ученик нашего класса (я не буду называть его имени) зажег дымовую ракету и сорвал урок.

Когда стали искать виноватого, мы решили: «Пусть этот человек сам сознается». Но он ничего не сказал.

Созвали родительское собрание, но и при родителях он не сознался.

Нам надоело это, и я решила все рассказать. А теперь в нашем классе одни говорят, что я поступила правильно, другие осуждают.

Но я постараюсь ответить Люде. По-моему, Люба поступила правильно, хотя нужно было сказать правду о Вале при всех ребятах, а не на перемене.

Ведь Валя обманывала прежде всего себя. Когда не сделаешь домашнего задания, лучше честно признаться, чем дрожать весь урок. Люба помогла Вале понять ее ошибку.

Света Калинченко,
г. Дзержинск,
Горьковская область.

Хороший друг

Однажды у нас в школе разбили стекло в 5-м «Б» классе. Стали искать виноватого и решили, что окно разбил Саша Скотников из 6-го класса. Саша оправдывался, а ему не верили.

Но через пять дней выяснилось, что окно разбил не Саша, а Коля Ягунов. Коля сам в этом признался.

Потом мы узнали, что признаться в своей вине уговорил Колю его самый лучший друг. Хороший друг!

Светлана Скотникова,
с. Нестерово,
Ярославская область.

Ответ вожатого Симы Соловьева

Сколько писем, столько и мнений...

Кто же все-таки прав — Люда Звягинцева или ее папа? Люба, которая сказала учительнице про то, что подруга не выучила урока, или Люда, осуждающая ее за этот поступок?

«Товарища не выдавай!» — это правило знают все настоящие ребята. «Пионер должен быть честным» — это тоже правило всех ребят. Так, может, между ними противоречие? Может, надо выбирать одно из этих двух правил — писаного и неписаного?

Нет, ребята, противоречия никакого нет. Просто надо каждый раз как следует подумать, прежде чем что-то сделать. Иногда бывает важным не столько сам поступок, сколько причина, которая побудила тебя поступить так, а не иначе.

Ева передала найденную записку учительнице, потому что была в ссоре с подругой и хотела ей досадить,—по-моему, она поступила плохо. Света Калинченко встала и сказала, кто зажег дымовую ракету, потому что ей противно было видеть, что у мальчишек не хватает смелости, что они трусы. По-моему, Света поступила правильно.

Человек может набедокурить, не выполнить домашнего задания — с кем такого не случается! Но самое главное в человеке — его совесть, его гордость, его человеческое достоинство. Если ты не сделал урока,— получишь двойку. Беда, но исправимая. Если ты просидел, продрожал целый урок, боясь поднять глаза на учительницу, ты поступился своей гордостью,— а это беда куда большая, чем двойка. Раз промолчишь, другой струсишь, третий схитришь — глядишь, из тебя вырос нечестный, увертливый человек, который легко идет на сделки с совестью. А ведь именно это и произошло с Валей: подруга ее встала и призналась, а она промолчала: струсила. Но и Люба поступила не лучше: ведь ею руководила досада, а не желание помочь подруге. Правильно пишет Светлана Скотникова: хороший друг убедил бы товарища признаться, помог бы ему победить свою трусость, стать лучше. Так что, по-моему, ни Люба, ни Валя не правы.

А в споре Людмилы Звягинцевой с ее папой права Люда.

ВЕСЕЛЫЙ БАРАБАНЩИК

КРУТИ СНЕЖНЫЕ ВЕРТЯ

— Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные вертя...—

орал я на весь дом.

Я отложил книжку в сторону и с выражением прочел:

— Кроя мглою бурю кроет,
Крути снежные вертя...

Что-то не то. Я опять начал снова:

— Буря мглою...

Я забыл вдруг, что буря кроет. Я стал думать и вскоре вспомнил. Я так обрадовался, что начал снова:

Буря кроет небо мглоет...

МГЛОЕТ? Что это такое? Такого, по-моему, не было. Я поглядел в книжку. Ну так и есть! МГЛОЕТА нету.

Я стал читать, глядя в книжку: все получалось, как в книжке. Но как только я закрыл книжку, я вдруг прочел:

Утро воет небо могилою...

Это было совсем не то. Я это сразу понял. Я всегда вижу, когда не то. Но в чем тут дело в конце концов? Почему я никак не запомню?

— Не нужно зубрить,— сказал старший брат,— разберись, в чем там дело.

Я стал разбираться. Значит, буря покрывает небо своей мглою и в то же время крутит что есть силы снежные вихри.

Я закрыл книжку и четко прочел:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...

Больше я не ошибался.

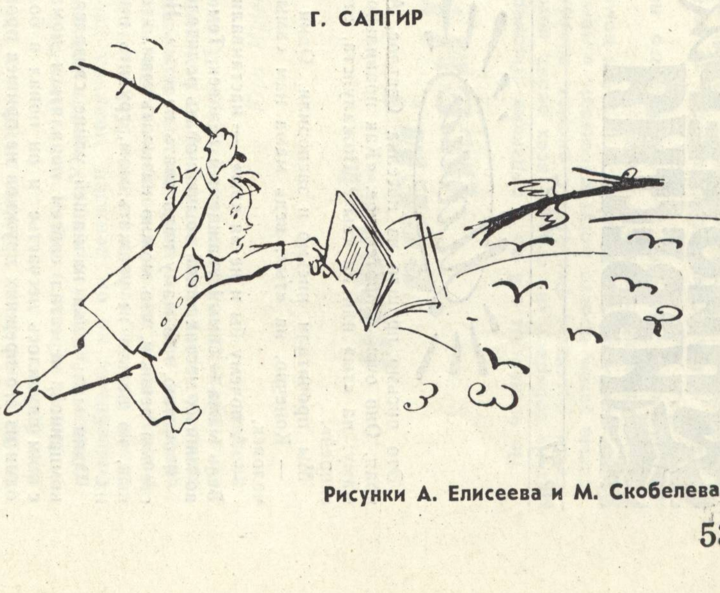
Виктор ГОЛЯВКИН

ПТИЦЫ В ТЕТРАДИ

— Погляди-ка
На страницы:
У меня в тетради
Птицы!
Это птички-
Невелички:
Где ошибка,
Там и птички.
Видишь, я писал
КАРОВА.
Рядом — птичка.
— Птичка снова!
— Это я писал
САБАКА.
— Вот еще одна!
Однако...
Возле слова
ЕЛЛИКТРИЧКИ
Сразу три
Лиловых
Птички.
— А внизу
Большая птица!

— Злая цапля!
Единица!
— Что же делать?
— Со страниц
Прогони скорее птиц.

Г. САПГИР

Рисунки А. Елисеева и М. Скобелева.

ПИОНЕРСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

№ 27 МАРТ 1963 г.

Мама

Это письмо пришло из поселка Светлое, Алтайского края. Оно очень коротенькое. «Как правильно называть маму: на «ты» или на «вы»? Пожалуйста, ответьте поскорей».

Мы прочитали письмо и заспорили. Одни говорили:

— Конечно, на «ты», ведь мама нам самый близкий человек.

— А почему бы и не на «вы»? — настаивали другие.— Ведь мама — самый уважаемый человек. Тем более, что во многих местах такой обычай: звать родителей на «вы».

Я считаю, что маму надо звать на «ты». Но все вместе мы решили, что можно называть мам, кто как привык, но нельзя не уважать мам, грубить им, огорчать их.

Один мальчишка на нашей улице связался с плохой компанией, перестал совсем появляться дома, а когда с ним случилось несчастье и он попал в больницу, ни один из его прежних дружков не пришел проведать его. Только мама сидела у его постели и несколько раз давала свою кровь, чтобы спасти глупого мальчишку от смерти.

Мама для нас самый дорогой, самый близкий человек. Она всегда учит нас хорошему, дает полезные советы в трудную минуту, помогает выбрать правильный путь в жизни.

Даже самым сильным, мужественным людям бывает очень тяжело без мамы — самого любимого человека.

Андрей Коровин, юнкор,
г. Москва.

ГОРДИМСЯ НАШИМИ ДЕВОЧКАМИ

ВОТ ОНА КАКАЯ

Пришло недавно в школу письмо. В нем Анна Петровна Немцова, мать маленьких Оли и Володи, рассказывала всем такой случай. Однажды она полоскала на речке белье и не заметила, как четырехлетняя Оля упала в воду. Володя хотел вытащить сестренку на берег, но он не умел плавать и тоже стал тонуть.

Не окажись поблизости Светланы Тюхавиной, могло бы случиться несчастье. Она спасла ребят...

А в школе Светлана никому ничего не рассказала.

И только получив письмо Анны Петровны, ребята узнали о подвиге Светланы.

К. Хромова, учительница,
г. Котлас.

* * *

Две Тани, Мазитова и Калимова, Валя Колжанова, Нина Чернокозова и Галя Аханаева, ученицы 6-го класса, но они уже настоящие библиотекари.

В заводском клубе создана общественная библиотека. Руководит ею заслуженный библиотекарь Казахской ССР Анна Николаевна Кожухова. Сейчас она пенсионерка. А девочки — ее помощницы. Работать приходится серьезно. Ведь в библиотеке 4 тысячи книг. Надо помочь читателям выбрать интересную книгу, надо быстро заполнить формуляр, а какие-то книги нужно «подлечить». Для этого в 13-й школе, где учатся девочки, пионеры создали небольшой переплетный цех.

Кишинский.
г. Актюбинск.

Валя Колжанова «лечит» книгу.

маленькая ХОЗЯЙКА

Дорогая редакция!

Очень прошу вас напечатать этот снимок. Это Светлана Буеракова. Она отлично учится и хорошо помогает маме. Хотя Света только второклассница, она уже многое умеет делать по хозяйству.

Маленькую хозяйку я сфотографировал, когда она закончила свои домашние дела.

С пионерским приветом

Сергей Ветров, ученик 7-го класса.
с. Смоленское, Алтайский край.

Победа за дружными

И СНОВА МЫ ВСЕ ЗАОДНО

Наш отряд дружный. В прошлом году мы заняли в дружинном соревновании второе место, и нас премировали поездкой в Краснодон.

А в этом году мы стараемся занять первое место.

Есть у нас тимуровский отряд. Несколько ребят и я с ними дежурим по воскресеньям в Доме культуры, потому что, когда идет кино, некоторые ребята шумят, перебегают с места на место, щелкают семечки.

Мы дружим с бригадой коммунистического труда паровозного депо и соревнуемся с рабочими, чтобы у нас было меньше двоек, а у рабочих меньше брака.

Попал к нам в отряд один мальчик. Он учился раньше в другой школе. Учителя говорили, что он способный, но он ленился, получал двойки, баловался больше всех в школе. Мы сначала покритиковали его в газете, а когда увидели, что это подействовало, взяли и выбрали его звеньевым второго звена. А теперь вы, наверное, не поверите, он у нас стал председателем совета отряда. И снова мы все заодно.

Юра Ищенко, юнкор,
г. Славянск.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

По четвергам с 4 до 7 редакция «Пионерских известий» собирает «на огонек» всех ребят, которые пишут стихи, рассказы, фельетоны, рисуют, придумывают веселые затеи, просто могут рассказать о чем-нибудь интересном — словом, всех тех, кто хочет помочь сделать нашу газету интереснее и веселее.

Наш адрес: Москва, 1-я ул. Ямского поля, д. 28, ком. 9.

Ехать к нам лучше всего на метро до остановки «Белорусская», а на троллейбусе (1, 12, 20) до остановки «2-й часовой завод».

«Пионерский огонек»

«Пионерский огонек» — так назвали свою еженедельную радиогазету юнкоры Кривого Рога. Эта газета выходит в Доме пионеров имени Вали Котика. Ребята рассказывают в ней о лучших пионерских отрядах своего города, о самых интересных делах пионеров. А после этого — небольшой концерт по просьбе лучших пионерских отрядов.

Корпост Криворожского Дома пионеров имени Вали Котика

Лыскино горе

Я пишу вам о своих друзьях. Это Лыска — собака и Васька — котенок. Я узнал, что это неправда, что собаки и кошки — враги. Лыска и Васька вместе играли, спали. Но вот Васька умер. Мы зарыли его в огороде. А ночью, когда все спали, я слышал протяжный, жалобный и тоскливый вой Лыски.

Олег Павлов, 3-й класс,
село Писаней,
Свердловская область.

Лыска. Рисовал мой брат.

Стыдно, товарищи!

У нас в классе есть тимуровские пятерки. Мы договорились помочь пенсионерке. Все собрались, но я не пришла — заболела. И все не пошли, а старушка ждала. Правы ли они?

Зина Захарова, звеньевая, 5-й класс,
ст. Ново-Павловская, Ставропольский край.

* * *

Наш отряд — «Спутник семилетки». Мы сделали много хороших дел: шефствуем над детским садом, участвуем в создании библиотеки коммунистического пользования. Но не все дела у нас идут хорошо. Самое главное то, что у нас разногласия между мальчиками и девочками.

Однажды после уроков к нам зашла вожатая, чтобы договориться с нами об экскурсии. Мы стали думать, куда пойти.

Девочки хотели идти на птицеферму, а мальчики — на животноводческую ферму. Спорили, спорили, а на экскурсию так и не пошли.

Неля Пальченко, 7-й класс,
с. Фрунзе, Херсонская обл.

Договорились

В конце второго урока Толе передали записку. В ней было сказано: «Толя, давай дружить? Наташа».

«Давай, только я тебя буду бить!» — ответил Толя.

— Почему? — спросила Наташа.

— Чтоб никто не заметил, что мы дружим,— ответил Толя.

— Ладно,— согласилась Наташа,— только бей не очень больно.

Галя Кухтенкова, юнкор,
г. Москва.

Володя Кузьмин

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

Валентин УРИН

Рисунки А. Лурье.

Недалеко от Тарусы на живописном берегу Оки расположена усадьба известного русского художника В. Д. Поленова. В усадьбе перед домом-музеем стоит обелиск с надписью: «Вечная слава героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины». Это братская могила, суровая память о грозных днях осени 1941 года, когда немцы были на Оке. Одним из первых на обелиске высечено имя пионера Володи Кузьмина.

После прорыва Брянского фронта немецкие бронетанковые части вышли в верховья Оки.

Осень в этом году была ранней и холодной. Перемежаясь снегом, шли проливные дожди, и только в середине октября установилась наконец ясная погода.

Безветрие стояло полное, и среди этого безветрия и сияющей тишины на утренней заре, а то и днем слышался на западе дробный, мягкий перестук. Он появлялся внезапно, стоял недолго, удивлял своей необычностью и так же быстро пропадал.

В притихших и обезлюдевших селах, пользуясь погожими днями, бабы и ребятишки убирали картошку, все еще остававшуюся в поле. Занимались этим и в Поленове.

Володя в это утро встал поздно: в школе вот уже третий день как отменили занятия. Он разбудил Тольку, покормил его, потом тепло одел брата и, взяв на руки, отнес на огород к матери.

Мать, старуха Матвеева со своей смешливой внучкой Зиной да еще какие-то две незнакомые женщины убирали поленовскую картошку.

Увидев сына, Прасковья, как всегда, тут же нашла ему дело: сходить в Митино, в сельпо, за синькой: после копки картошки она затевала стирку.

Володя забежал домой за деньгами и верхней дорогой отправился в Митино.

Утро было тихое, туманное. Пегое стадо медленно брело по стерне, спускаясь к Оке. Тягучие переливы пастушьей свирели стояли в воздухе.

Володя уже миновал Деляновский лес, когда его нагнали двое военных верхами. Старший, сухой, горбоносый, в кавалерийской шинели и кубанке, придержал взмыленного коня и спросил, как ближе проехать на станцию. Володя показал дорогу, и военные, охаживая коней плетьми, поскакали к лесу и вскоре скрылись из глаз.

Неожиданная встреча встревожила. Военные, несомненно, имели какое-то отношение к событиям, слухи о которых вот уже несколь-

ко дней упорно держались в Поленове. Говорили, что где-то, не то под Калугой, не то под Малоярославцем, прорвались немецкие танки и Красная Армия после упорного боя опять отступила.

В Митино Володя пришел как раз к открытию сельпо. Продавец Гаврюшов, еще не совсем проснувшийся, опухший, долго искал гири, словно Володе нужен был пуд синьки, потом, не найдя гири, подал два пакетика.

Сунув пакетики в карман, Володя вышел на крыльцо.

Неподалеку от магазина на поляне играли в «чижика» ребятишки, все мелкота, ни одного товарища. На бревнышке под дубом нянчила куклу Варька Ревякина.

Володя спросил, дома ли ее брат Кешка, и девочка, покачивая куклу, сердито ответила:

— Нету его дома!

Личико у девочки было скорбное, словно у нее болели зубы.

— Ты чего? Захворала, что ль? — спросил Володя.

— Не-е! — ответила Варька и, закатив глаза и глубоко вздохнув, с сердцем встряхнула куклу. — Вот наказанье мое, мученье! Не спит! По всей ночи с ней маюсь! И вчера и нынче ночью глазоньки не сомкнула...

Володя покачал головой, не зная, что ответить на такую глубокую игру, потом поддал ногой большой лопух и побежал вниз по откосу.

Утро было такое радостное, что тревога рассеялась. На всем лежал яркий солнечный свет, небо было безоблачно, сине, и только Ока, будто остывая, все еще курилась туманом. Впереди был целый день, и Володя решил завернуть в Бехово, навестить своего дружка одноклассника Сашуню Каблукова и кстати взять у него книжку «Как самому сделать модель самолета».

Уже при входе в село Володю удивило необычное оживление на улицах. Между избами сновали бабы, ребятишки, народ собирался кучками и что-то горячо обсуждал.

Новость оказалась поразительной: пока Володя бегал в Митино, в Поленове побывали немцы.

Толком, что̀ произошло в усадьбе, не знал никто. Как всегда, слухи были противоречивы, и Володя заторопился домой. Он бежал задыхаясь, дрожа. Слово «немцы» было страшно. Он то и дело поглядывал в сторону Поленова — не бушует ли там пожар; останавливался, прислушивался — не кричат ли, но все было тихо — ни пожара, ни криков.

Мать он застал дома живой, невредимой; она стирала.

Володя забросал ее вопросами, но мать почти ничего не знала.

— Копали картошку, сынок, — сказала она. — Прибежала Марфуша, лица нет: «Немцы!» Мы и попрятались в теплице да там и просидели все время. Их по усадьбе дед Андрей водил.

У конюшни толпился народ. Володя протиснулся вперед.

Дед Андрей, старый солдат, бывший в плену у немцев в первую войну, рассказывал:

— Ну, стало быть, двое побегли прямо на усадьбу, а один — ко мне. «Хенде хох!» — кричит. Значит, поднимай руки вверх, не то «пук, пук» и тычет в живот автоматом. Ну, поднял я руки вверх, гляжу, а уж с моста их целая партия идет. Впереди — офицер, длиннющий такой, усы нашлепкой, как у Гитлера. Офицер подошел ко мне, по-русски немного говорит, и опять такая же обращенья: веди, все показывай, не то фершиссен, значит, расстрел. Ну, мне податься некуда: неволя. Взял с собой офицера, двух автоматчиков, пошли в дом. Марья Антоновна что-то в библиотеке прибирала. Увидала меня с немцами, так и обмерла. Я ей: иди, мол, за мной, не бойся. Поднялись на второй этаж. Картины, для упаковки приготовленные, стоят вдоль стены. Ткнул офицер ногой в одну, в другую. «Гут», — говорит, значит, хорошо, и пошел дальше. Тут я и вспомнил, чта Марья Антоновна по-немецки балакает. Скажи, говорю, ему, чей это дом, чьи это картины, может, возьмет в соображенье. Она так и сделала, сказала, чей это дом, чьи это картины. «Пале-

кофф? Не знай», — ответил офицер, потом оглядел комнату, рукой на все показал: «Трогай нельзя! Ферботен!» — что значит «запрещено». Это, мол, теперь все немецкое, возьмешь что или пропадет — отвечай, и опять фершиссен, расстрел, значит. Ну, так вот осмотрели весь дом и на двор вышли. Сказал что-то офицер одному из них, толстомордому с лычкой на рукаве, видно, фельдфебелю, тот — ко мне. «Мьёд», говорит, «мьёд», а сам причмокивает. Пришлось вести. Подошли к пасеке. Хотел было я вперед пройти. «Злая собака», говорю, «гав-гав», говорю, а толстомордый меня толкнул, из кобуры револьвер вынул и шасть первым в калитку. Зоркий ему на грудь кинулся, но он его упредил: убил в упор, наповал...

Дед Андрей замолчал, руки у него затряслись, он ушел в конюшню, потом вернулся и сказал:

— Меду два больших жбана взяли, велели запрячь буланого в новую рессорную бричку и уехали.

— А почему они дом не зажгли? — спросил Володя, все еще ничего не понимая.

— А чего ж им его жечь? — удивился дед. — Враг жгет, когда уходит. Видно, штаб будет стоять или офицеры будут жить. Расспрашивали, есть ли запасные койки, сколько, где кухня, прачечная...

— Что ж, они еще придут?

— А чего ж им не прийти? Теперь одни мы. Оборонить нас некому...

До самого вечера бродил Володя в сосновом бору по берегу Оки. Еще октябренком, а потом и в школе и в пионерском отряде слышал он слова, которые звучали как клятва: посмеют фашисты напасть на Советский Союз, Красная Армия тройным ударом ответит на удар, — но сегодня впервые Володя не знал, что думать.

Уже в сумерках Володя прошел на пасеку. Зоркий с оскаленной пастью, с остекленевшими глазами лежал у калитки. Володя взял в сторожке лопату и, всхлипывая (Зоркого он щенком принес из Страхова), закопал собаку на пчельнике, насыпав на могиле холмик земли.

Так начались тесные, тусклые дни. Все как будто пригнулось, ходило на цыпочках, оглядывалось.

Тоска — чувство, которому Володя еще не знал названия, — владела им, и он не находил себе места.

Он снова побывал в Бехове, но там было еще тоскливее, чем в Поленове. Веселая, раскинувшаяся по горам деревня казалась вымершей. дружки - одноклассники Котька Воронин и Сашуня Каблуков слонялись растерянные, без пионерских галстуков. Володя накричал на них: ходить в такое время без пионерских галстуков, по его мнению, было равносильно измене, и дружки тотчас же надели их... В Тарусе были немцы, под Тулой уже давно шли бои, а теперь и от Серпухова доносились широкие раскаты артиллерийской канонады. Небо в той стороне непрестанно дымилось, клокотало. Бурую пелену его часто пронизывали ослепительные молнии, иногда оно будто распарывалось сверху донизу, и из клубящейся мглы, как опаленные огнем птицы, вырывались самолеты.

Воздушные бои были яростны, скоротечны, с неизменным исходом: побежденный падал на землю, и сердце сжималось от боли: неужели сбитый самолет был советским?

Однажды вечером Володя вышел за околицу.

Глубокая, полная тревоги тишина лежала над пустынной рекой. По дороге кто-то бежал навстречу Володе, мелькая между кустов.

Володя всмотрелся и узнал Лешку Мазикова, беховского

парнишку (он один из всех бегал так смешно, наддавая правым плечом), и удивился резвости бегуна. Куда это он? Зачем?

Бегун вскоре поравнялся с Володей и, не останавливаясь, размахивая руками, выпалил:

— Красная Армия идет! — И прибавил ходу.

Красная Армия?! Володя сначала не поверил этому, потом сорвал с головы кепку, закричал от радости и бросился навстречу походной заставе, что уже втягивалась на поленовскую дорогу.

Через минуту он шел рядом с начальником заставы, пожилым усатым человеком с треугольничками в петлицах, с автоматом и кирзовой полевой сумкой через плечо, и, заглядывая ему в глаза, все еще не веря себе, задыхаясь, спрашивал:

— Товарищ командир! Немцы у нас тут были... Разведка... Вы насовсем к нам или опять уйдете?

Начальник заставы ерошил волосы на голове Володи и, улыбаясь, отвечал:

— Насовсем, насовсем, сынок! Как звать-то тебя? Ты чей?

★

С того дня, как батальон капитана Климковича расквартировался в Поленове, для Володи началась новая жизнь. Мать почти и не видела его дома: дневал и ночевал у красноармейцев.

Старшина первой роты подарил мальчику старую пилотку, стрелок Нефедов ушил ее, и Володя, прицепив к ней звездочку, щеголял теперь в воинском уборе. Печатая шаг, вытягивался в струнку, лихо, как и молодые лейтенанты, отдавал приветствие — только у самого виска сразу выпускал сжатые в кулак пальцы.

— Есть, товарищ начальник! Будет исполнено, товарищ начальник! — И со всех ног бросался выполнять любое поручение.

И бойцы, отрывавшие в эти дни в поленовском парке окопы, смотрели вслед мальчику, уже мелькавшему среди деревьев, вздыхали, вспоминая своих:

— Э-эх! Хорош паренек! Какой толковый, справный!

В это утро Володя рано пришел в штаб. Лежал еще всюду туман, крыши были росны, трава серебрилась.

Часовым у штаба был знакомый боец Чаусин из второго взвода. Он ходил вдоль дома, огибая клумбу, на которой чернели побитые морозом астры.

— Чего это так рано? — спросил, поеживаясь от сырости, Чаусин.

— С Иванушкиным в лес поеду... Возить накатник для блиндажей. Пока он запрягает, я и зашел, — ответил Володя и хотел было побежать к лодочному сараю, к пулеметчикам, где у него тоже были знакомые, но в это время на аллее послышались голоса, и вскоре из тумана выступили люди.

В переднем Володя сразу узнал сержанта Бегичева с заставы, двое других красноармейцев были ему незнакомы.

Бегичев, увидев Володю, приветливо кивнул головой и вошел в штаб. Красноармейцы в ожидании сели на лавочку. Оба они были в грязных, будто жеваных шинелях, один — в сапогах, другой — в ботинках без обмоток, оба заросли волосом. По одному виду нетрудно было догадаться, что оба с того берега Оки, окруженцы. Даже теперь, когда там были немцы, отдельные бойцы и мелкие группы все еще переправлялись ночами через Оку.

Пожилой, большеухий красноармеец все время надсадно кашлял и тер себе грудь, второй, помоложе, сидел, засунув руки глубоко в карманы мокрой, захлюстанной шинели, и, откинув голову и шевеля губами, смотрел на балясинки балкона, уже чуть проступавшие в тумане.

Капитан вскоре вышел вместе с сержантом. Красноармейцы встали.

— Ну, докладывай! — приказал сержант большеухому, и тот, сильно окая, стал говорить.

Из всего сказанного Володя понял, что оба красноармейца, как он и предполагал, из-за реки, что на той стороне, на вражеском берегу, остался у них раненый командир, лейтенант, которого они не смогли переправить.

По лицу капитана пробежала тень. Он отломил ветку с куста, покрутил ее, бросил.

— Ну, так что же вам от меня нужно?

Большеухий сделал шаг вперед.

— Лодку бы нам, товарищ капитан! Мы бы сейчас за ним отправились, покуда туман...

Капитан поднял голову.

— Туман! Туман ненадолго... Через полчаса его не будет, а тогда как?

Туман и в самом деле редел. Вверху все светлело и светлело, белесые полосы текли через поляну и клумбу.

Все стояли и чего-то ждали.

Капитан поправил ремень, одернул гимнастерку, взошел на крыльцо.

— Вот так-то... До вечера. Вечером пойдет на тот берег разведка, и вы пойдете и тогда вынесете. А сейчас нельзя, никак нельзя... Сами погибнете, и лейтенанта не спасете...

— Так он, товарищ капитан, не доживет до вечера, — сказал молодой, все время молчавший красноармеец. — Он же ослаб. Вчера мы его несли все время.

— Днем переправиться невозможно, — нахмурясь, ответил капитан. — Вот так. — И вместе с сержантом вошел в дом.

Большеухий поглядел на дверь, вздохнул.

— Пойдем, — сказал он товарищу.

— Куда пойдем? А как же лейтенант? Ведь обещали мы ему? — переспросил молодой красноармеец. — Ты скажи, обещали?

— Ну, что ж, что обещали! — разозлился большеухий. — И не покинем. Вечером придем за ним. А сейчас, слышишь, невозможно. Капитан тут обстановку знает.

Они постояли еще немного, потом молча поплелись по аллее. Володя пристально следил за ними, пока они не скрылись из виду, потом стал по тропке спускаться к Оке. Он про-

шел мимо лодочного сарая, где пулеметчики в мокрых от росы плащ-палатках устанавливали еще один пулемет на запасную площадку, пробрался талами к отмели и лег на песок за кустом.

Левый, луговой чуть поднятый берег был перед глазами. Иногда туман закрывал его и снова открывал, словно дразнил. Мысль о лейтенанте не давала покоя, будто сам Володя, одинокий, раненый, лежал в ожидании неминучей смерти. Нужно было что-то делать, и, не откладывая, сейчас же... Но где достать лодку? Две поленовские лодки находились под строгой охраной, была еще одна лодка в Бехове, ту, пожалуй, и можно было взять, но вставал вопрос: как ее подогнать к Поленову? Разве только ночью? Но ведь ждать-то нельзя...

Река текла, текло драгоценное время, а Володя так ничего и не мог придумать. Он отполз с отмели в кусты, потом, пригнувшись, перебежал в сосновый бор, на выходе из которого еще с вечера бойцы начали отрывать пулеметный окоп.

Бойцы были незнакомы, но возле них вертелся Сережка, школьный товарищ, помогал, подтаскивал доски, которыми бойцы обшивали песчаные крутости окопов.

Володя поманил дружка. Тот, сложив доски у окопа, подошел.

— Здорово! — сказал Сережка, шмыгая носом. — Чего тебе?

— Дело есть! Пойдем!

Они прошли в беседку, сели, и тут Володя все рассказал дружку.

— Понимаешь, — сказал он, глядя на листок, качающийся на ветке и готовый вот-вот упасть. — Как подумаю, что он там один, что немцы могут его найти, а потом мучить начнут, пытать... Ну, коснись это тебя или меня? Что ты про это думаешь?

Володя обернулся к дружку. Глаза его горели, тело схватывала дрожь. Дружок молчал, сопел.

— Тоже мне тимуровцы! — с презрением к себе и дружку сказал Володя. — Клятву давали!.. Неужели ничего нельзя придумать? Так уж ничего?

Он даже встал, выглянул из беседки, потом опять сел.

Дружок вздохнул, облизнул губы, заерзал на скамье и, как-то боком глядя на Володю, сказал:

— Есть лодка...

— Чего, чего? — удивился Володя. — Чего это ты сказал?

— Лодка, говорю, есть...

— Что ты болтаешь? Какая лодка?

— Да вон там, в талах. — И Сережка рукой показал на кусты. — Там, где воду забирают... Там она и спрятана...

— Так чего ж ты молчал? Чего не сказал раньше? — возмутился Володя.

— Я бы тебе сказал, — ответил, обидевшись, Сережа. — Все время хотелось сказать, да Федякин, уезжая, с меня честное пионерское взял. «Ты, — говорит, — видал и не видал, как мы лодку затопляли. Только, — говорит, — в самом крайнем случае, когда уж нестерпимо станет для Советской власти, можешь ты открыть эту лодку».

Крайний случай! Такие вопросы Володя решал всегда быстро своим преданным сердцем. А тут чего было и думать? Это как раз и был крайний случай, нестерпимый для Советской власти: разве можно оставить на вражеском берегу раненого командира Красной Армии?

Хитроумный план быстро созрел в голове Володи.

— Лодка глубоко лежит? — спросил он.

— Нет, неглубоко, под берегом. Корягой прикрыта. А вот корягу вытащить, сила нужна.

— Бойцы вытащат. Только все надо делать так, чтобы никто не узнал, потихоньку. Лодку поднимем, выведем в заводь, бойцы лягут на дно, ты сядешь за руль, я на весла, и на ту сторону. Немец, если он и увидит лодку, — мальчишки, скажет, поехали.

Не станет же он стрелять по мальчишкам... Ну, как? Здорово?

Как будто было и здорово. Теперь оставалось как можно скорее отыскать бойцов, переправившихся через Оку.

Их нашли на скотном, на кухне. Один спал на полу, другой, большеухий, сняв гимнастерку, зашивал ворот широким солдатским стежком. Большеухий сначала никак не мог взять в толк, что говорят ему ребятишки, потом, поняв, стал торопливо будить товарища.

Через несколько минут мальчики и бойцы вышли из кухни и кустами, глухой тропкой, стали спускаться к Оке.

☆

В полевом карауле у реки был в это утро боец Нефедов. Он выбрал себе место в кустах у самой воды. Подчасок, красноармеец Баулин расположился позади, под ветлой.

В одиннадцатом часу река почти вся очистилась от тумана. Небольшие клочья его лежали лишь в луговой низине на левом вражеском берегу. В Кузьмищеве, как всегда, выгнали стадо, и Нефедов внимательно его разглядывал. Бывалый солдат, он хорошо знал всякие военные хитрости: за стадом можно легко, незаметно подойти к реке. Но стадо не шло к реке, держалось все время опушки рощи, и Нефедов стал внимательно оглядывать берег. Долго не сводил он глаз с огромного, принесенного полой водой корневища: показалось, будто что-то сверкнуло в нем.

Нефедов первым увидел лодку с мальчишками и очень удивился: нашли и время и место для катания! Однако лодка беспрепятственно пересекла Оку и скрылась за поросшей кустами отмелью. Она пробыла там не больше получаса и пошла обратно — все те же два мальчика. Когда лодка была совсем недалеко от берега, заговорил немецкий пулемет.

Нефедов сразу засек огневую точку. Пулемет бил из корневища или откуда-то поблизости. Лодка с первыми же выстрелами повернулась боком, течением ее быстро погнало к лозинам, и она тут же скрылась в их чаще.

В обед на пост пришел сержант Бегичев. Нефедов доложил обо всем, что видел, и поинтересовался, почему это лодка с мальчишками ходила на ту сторону, и кто мог разрешить такое, и не достал ли лодку немецкий пулемет.

Вислые усы Бегичева дрогнули.

— Достал... — сказал он тихо. — Володьку поранило.

— Да что ты? Ай, беда! — ахнул Нефедов. — Володьку Кузьмина? Да как же это получилось? Кто ж разрешил среди бела дня?

— Никто и не разрешал, — сказал Бегичев, свертывая цигарку. — Все сами обдумали, и лодку сами достали. Была, оказывается, у них одна, спрятанная еще летом.

— А зачем поехали?

Бегичев никак не мог зажечь спичку, все чиркал по коробке, потом наконец закурил и, уже несколько успокоившись, стал рассказывать Нефедову все как было.

— И что ж, привезли они того лейтенанта? — спросил Нефедов.

Сержант махнул рукой.

— Нет. Он, оказывается, еще ночью помер, уже захолодал. Они только прихоронили его да документы взяли...

— А где же теперь Володя?

— Как сняли с лодки, так тут же в Страхово в больницу повезли... Без сознания. Рана ужасная, разрывная... В лодке крови — страшно смотреть...

Горласто, жестко, будто били по железу огромные деревянные вальки, загрохотал опять на том берегу немецкий пулемет, захлестнулся, умолк.

Нефедов вскинул винтовку, сильно повернулся на звук.

— Это все тот, все тот! — сказал он, стиснув зубы. — Ну, погоди! Я тебя достану! Достану! Ты от меня не уйдешь, стервец!

Бегичев пригнулся, осторожно раздвинул кусты, прислушался. По траве, шурша, пробежала мышь, тонко пискнула.

— Ты не вздумай стрелять, — строго сказал Бегичев, плавно опуская ветку. — Себя только обнаружишь... Его все равно сейчас оттуда ни винтовкой, ни пулеметом не возьмешь. Ты вот его хорошенько засеки. Сегодня ночью, сказывали в штабе, батарея должна прийти. Вот тогда и наведем ему конец.

★

Поздно вечером, сменившись с поста, Нефедов и Баулин темным лугом возвращались в роту, в Поленово. Звезды лучились в холодном небе. Перегоревшая трава секлась под ногами.

На въезде в усадьбу у моста бойцы нагнали медленно идущую подводу. За подводой шли две женщины. Одна, в белом платке, уцепившись за грядку телеги, горько плакала. В телеге, выстланной сеном, лежало накрытое плащ-палаткой тело, чуть светилось лицо.

Нефедов и Баулин сняли пилотки. Везли из страховской больницы умершего там от раны Володю Кузьмина.

В. МАТВЕЕВ
Рисунки Е. Ведерникова.

УРОК НА УЛИЦЕ СИНЕЙ

СЕКРЕТНЫЙ ПАКЕТ

Вернувшись из школы, Большой обнаружил в почтовом ящике синий конверт с загадочной пометкой «ШУН». Письмо было адресовано лично ему, Большому.

«ШУН. Шпион украл негативы. Шеф уходит навсегда. Шура увидал Наташу. Шлепнул урода носком. Шутить уже некогда». Большой потряс головой, но фразы, одна нелепее другой, все лезли и лезли. «Шпрячь, убирай наволочку. Што ударил, не имеешь права. ШКОЛА УДИВИТЕЛЬНЫХ НАУК».

Большой стремглав кинулся к Малышу. Девчонка и Толстяк были уже тут.

Четыре совершенно одинаковых синих конверта с одинаковым знаком «ШУН» в левом верхнем углу были вскрыты одновременно.

«Секретно.

Пора приступать к занятиям. Сообщаю, что я свободен в среду, в четверг утром и целый день в воскресенье. Но мой друг (тот, с которым вы встречались) занят сейчас целыми днями, кроме среды и пятницы. Мне известно, что вы занимаетесь в первую смену, значит, подходящий день — один.

Условное место встречи — один из переулков на улице Синей. Их там четыре: второй больше первого, первый больше третьего, а четвертый — больше второго и третьего. Мы встречаемся в самом коротком.

Пароль: «Смотреть!» Отзыв: «Видеть!» Не опаздывать. Я жду под часами, когда стрелки сойдутся и в третий раз за сутки укажут точно на середину между двумя соседними цифрами».

— Это когда же? — простодушно спросила Девчонка.

— Какой там переулок самый короткий? — наморщил лоб Большой. — По-моему, они все одинаковые.

— Подождите, надо сначала решить, в какой день он будет нас ждать, — сказал Малыш.

— И кто этот «он»? — добавил Толстяк.

Действительно ведь! Даже это не было известно: кто написал письма — Андрей Владимирович или его таинственный друг, этот странный прохожий?

Но не прошло и получаса, как ребята уже знали и день, и место, и точное время встречи. Оказалось, если читать письмо внимательно, обо всем об этом можно догадаться.

Вот только кто встретит ребят под часами? Выяснить это так и не удалось.

СМОТРЕТЬ И ВИДЕТЬ

— Если это тот незнакомец, первым делом расспросим, как он узнал домик Шаульской, — сказал Большой, когда ребята подошли к Ореховому переулку, самому короткому из тех, что выходили на Синюю улицу.

— Ребята, это он! — Малыш даже остановился от волнения. В глубине переулка, повернувшись к ребятам спиной, стоял высокий человек и читал газету. — Это «очкастый», — прошептал Малыш.

— Сам ты очкастый! — разозлился Большой. — Не видишь, что ли, бородка!

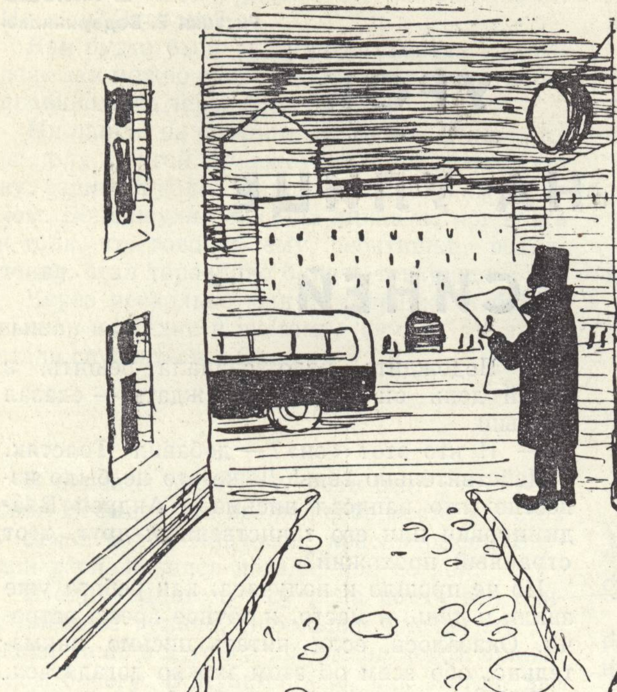
В это мгновение человек слегка повернулся, и все в самом деле узнали русую бородку Андрея Владимировича.

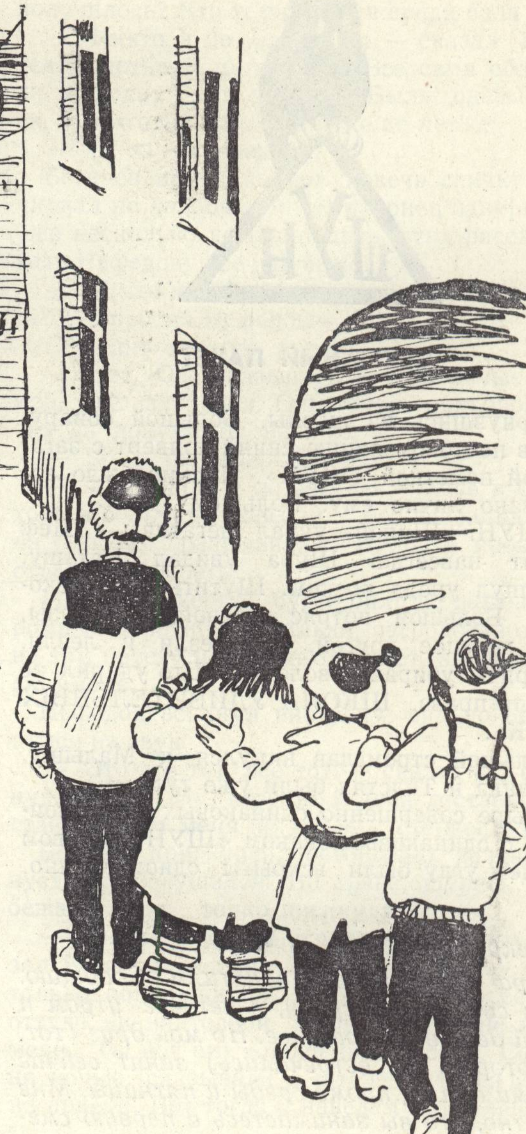
— Не видишь, что ли, совсем другой тип человека, — со знанием дела сказал Большой. Эту фразу он слышал в прошлый раз от самого Андрея Владимировича.

— Смотреть! — закричал он что есть силы.

— И видеть, — тихо и, как показалось Малышу, с хитрецой ответил Андрей Владимирович. — Вот так и называется наш сегодняшний урок: **«Смотреть и видеть»**.

Однажды — дело было в войну — мальчишка — сын полка стал очень уж проситься в разведку. «Смотрите, — говорил он командиру разведчиков, показывая в пол-

ночь на Большую Медведицу. — Видите среднюю звезду в ручке ковша? По-вашему, это одна звезда, а я ясно различаю там две». Вот, мол, какой я разведчик, а вы еще сомневаетесь.

«Молодец, — сказал командир, не отрываясь от карты. — Звезда второй величины называется Мицар, а пятой — Алькор. Ты мне лучше вот что расскажи. Ты мне расскажи, как воробьишка воду из лужицы пьет. Видел?»

«Нет, не видел», — признался мальчишка.

«Вот то-то. Одно дело, брат, — смотреть, а другое — видеть. Как увидишь, приходи».

Андрей Владимирович помолчал.

— Понятна мысль?

— Понятна, — ответили ребята. — Мысль понятна.

Ребята тем временем вышли на Синюю улицу и остановились у автобусной остановки.

— Давно ушел автобус? — вдруг обратился Андрей Владимирович к ребятам.

— Откуда же нам знать? — удивился Большой. — Ведь нас же тут не было!

— Раз на остановке никого нет, наверно, не так уж давно, — неуверенно сказала Девчонка.

— Недавно! — закричал Малыш. — Еще папироска не потухла. Я знаю, дяденьки всегда папироски перед самым отправлением бросают, потому что в автобусе курить запрещается.

Андрей Владимирович похвалил Малыша.

— В безветрие окурок на снегу долго не горит, минуту, не больше, — сказал он.

— Значит, автобус ушел всего минуту назад! — догадался Большой.

— А ты говоришь, «нас тут не было», — улыбнулся Андрей Владимирович.

ТРЕЩИНА В СТЕНЕ

И всем почему-то стало вдруг весело и хорошо.

— Взгляните-ка на эту фотографию. — Андрей Владимирович показал ребятам странный снимок, на котором не было ни лиц, ни домов — ничего такого, что обычно можно увидеть на фотографии, а только часть мостовой, тротуар, несколько деревьев да фонарный столб.

— Вот вам задание: найти это место на улице Синей и тщательно осмотреть фасад дома, тень которого падает на дорогу. Отыщите маленькую трещинку в стене, она напоминает букву «Г». В ней — дальнейшие инструкции.

Ребята принялись разглядывать фотографию. А когда оглянулись, Андрея Владимировича рядом уже не оказалось. Никто не заметил, как он исчез.

Долго бродили ребята по Синей улице.

— Вот оно! Вот оно, это место! — вскрикивали все по очереди, но, приглядевшись, опять тяжело вздыхали: — Нет, не то! Похоже, но не то!

Наконец Малыш, шагавший впереди всех, остановился.

— Тут! — сказал он, показав на кривую ветку, протянувшуюся к столбу.

Проверили — точно: снят именно этот кусок улицы. Но ведь уже дважды проходили здесь раньше!

Дом, о котором говорил Андрей Владимирович, оказался обычным пятиэтажным домом. Ребята старательно осмотрели фасад. Они ходили от одного угла до другого и обратно, отходили от дома подальше и подходили совсем близко — трещины в виде буквы «Г» нигде не было видно.

Подошел дворник.

— Что вы тут все похаживаете, потеряли, что ли, чего?

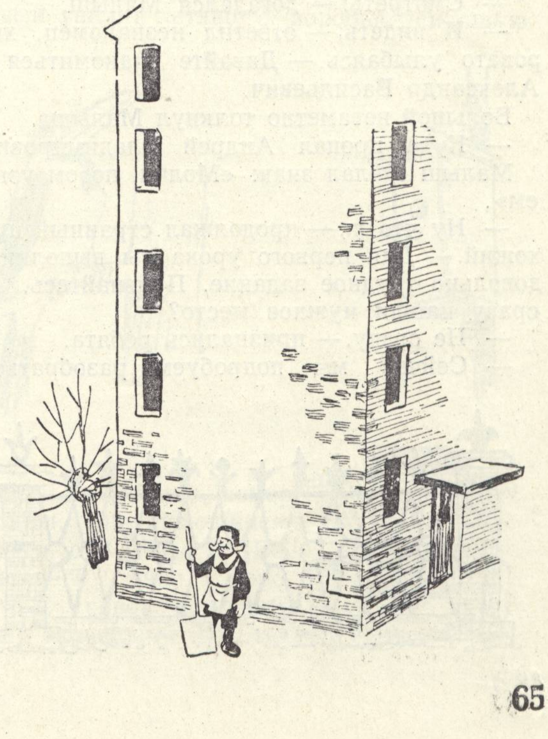
— Нет, мы просто так, — ответил Большой.

— А то я утречком, как сугроб разгребал, рецепт нашел. Не старый рецепт — нынешнее число на нем. Думаю: может, кто ищет, — а кому отдать — не знаю.

— Отдайте нам, — сказал Большой. — Мы этим займемся.

В это время Девчонка схватила Малыша за руку и показала глазами на стену. Прямо за спиной дворника, на уровне полуметра от земли, была ясно видна трещина, напоминавшая букву «Г». В ней что-то белело. Малыш вытащил плотно свернутую бумажку.

Наскоро простившись с дворником, ребята юркнули за угол и развернули записку.

НЕ ТЕРЯЯ НИ ОДНОЙ МИНУТЫ —
НАПРАВЛЯЙТЕСЬ К
СКВЕРУ НА ТЛТ УЛИЦЫ
СИПЕЙ И ШИРОКОЙ ВАС ТАМ ЖДЕТ.
ПАР Л И ОТ ПРЕЖ ЕС ВЫ
ПРОЧИ ЗАПИ Д КОН НА
РОЕТ АМ ДИН РЕТ. ДРЕЙ
ИРОВИЧ 1 1 ННЫЙ
КОМЕЦ, КО Э ОГО ВЫ В ТИЛИ
Н СК Е Е, — ОДИН ЭВЕК
ШУН.

Первые строчки ребята прочитали легко, следующие — с трудом, а последние строчки так и не одолели.

— Ладно, потом разберемся, — махнул рукой Малыш. — Бежим скорее!

Все бегом пустились к скверу.

ВОТ ТАК ВСТРЕЧА!

— Смотрите, Андрей Владимирович нас уже дожидается, — показал Большой на знакомую скамью.

Но что это? На скамейке под липкой сидел... странный прохожий. Он курил трубку и улыбался.

Ребята растерянно переминались с ноги на ногу.

— Смотреть! — догадался Малыш.

— И видеть, — ответил незнакомец, хитровато улыбаясь. — Давайте знакомиться — Александр Васильевич.

Большой незаметно толкнул Малыша.

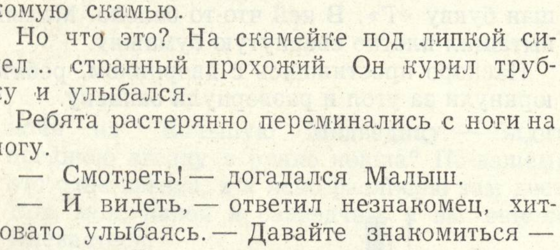
— Куда пропал Андрей Владимирович?

Малыш сделал знак: «Молчи, потом узнаем».

— Ну что ж, — продолжал странный прохожий. — Для первого урока вы выполнили довольно трудное задание. Признайтесь, не сразу нашли нужное место?

— Не сразу, — признались ребята.

— Сейчас мы попробуем разобраться.

Приглядитесь к этой садовой решетке: какую особенность вы могли бы отметить?

Ребята подумали и сказали.

— А сейчас перенесите взгляд на верхушки. Что вы можете сказать о них?

Попробуйте и вы справиться с этой задачей. Ребятам тоже пришлось попотеть, да и то они не все сумели правильно отметить особенности верхушек. Не читайте дальше — считайте, что это проверка вашей выдержки. Стоп!

Дело же тут вот в чем: в узоре решетки лишь одно звено не похоже на другие, в верхушках лишь один элемент повторяется.

— Вы довольно быстро заметили, что в узоре решетки девятое звено не похоже на другие, но не сразу сказали, что среди разных наконечников два совпадают, — сказал Александр Васильевич. — **Люди всегда быстрее замечают различия, чем находят сходство.** Это хорошо знают артисты. Помните, стоит Райкину нацепить очки с усами, и он уже совершенно другой человек. Понятна мысль?

— Понятна, — ответил Малыш. — Мысль понятна.

Толстяк достал из кармана смятую записку.

— Александр Васильевич, — вежливо попросила Девчонка. — Скажите, пожалуйста, что тут в последних строчках говорится: мы не успели прочитать.

Александр Васильевич оглядел всех и, усмехнувшись, сказал:

— Вы заметили, что в записке каждая строчка читается труднее предыдущей?

— Заметили, кажется... — неуверенно сказал Толстяк.

— Эта записка не просто записка, а учебное пособие, — продолжал Александр Васильевич. — Известно, что люди, независимо от того, умеют они читать или нет, пишут ли слева направо, как мы, или справа налево, как арабы, всегда легче и правильнее наблюдают все, что находится сверху и слева, или, другими словами, в верхней части поля зрения и в левой его стороне. Вот почему по верхним половинкам букв и первым половинам слов легче разобрать текст, чем по нижним половинкам и окончаниям.

Вы не сразу обнаружили трещину в фасаде, потому что она была расположена как раз у самого правого угла да еще внизу, почти у земли.

— Разве и тут действует это правило? — удивились ребята.

— Правило это общее, — объяснил Александр Васильевич, — оно относится ко всякому наблюдению. Вспомните, как часто люди не могут найти то, что лежало «прямо пе-

ред глазами». Значит, наблюдая что-нибудь: участок местности, фасад дома, изображение на снимке, — мы должны поровну распределять внимание между частями нашего зрительного поля.

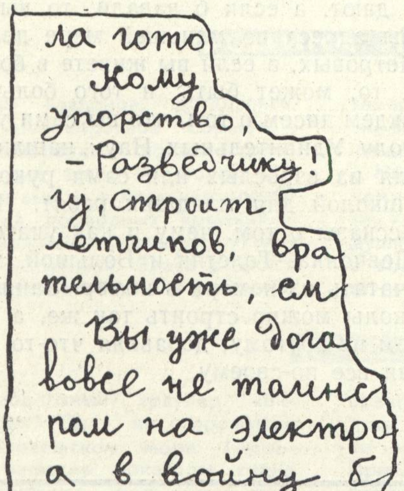
Александр Васильевич поднялся со скамьи.

— На сегодня хватит, — сказал он. — Урок окончен, перейдем к домашнему заданию.

— Спроси про Шаульскую, — шепнул Большой Толстяку, а тот, в свою очередь, Девчонке.

— А, это совсем просто, — улыбнулся Александр Васильевич, должно быть, расслышав или догадавшись, о чем шептались ребята. — Я решил небольшую логическую задачу. Вот послушайте. Дом, в котором вторая квартира находится на втором этаже, конечно, старый дом, подумал я. Рассеянная старушка давно в последний раз была в гостях у своей подружки. С той поры на улице Синей многое изменилось. Вон торчит последний двухэтажный домишко. Там, наверное, и живет приятельница нашей старушки. А номер дома мне подсказал один из вас. Последний дом на улице Синей, сказал он, — номер 74, а маленький желтый домик — четвертый от угла.

— Ой! Как это мы сами не догадались! — воскликнула Девчонка.

Да и все остальные, кажется, почувствовали досаду. Всем показалось, что они и сами смогли бы, пожалуй, догадаться, если бы немножко подумали.

Александр Васильевич, видно, догадался и об этом.

— Ничего, — сказал он. — Вы научитесь решать задачи и посложнее этой! Ну, а теперь получите задание на дом.

ЗАДАЧНИК ПО НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТИ

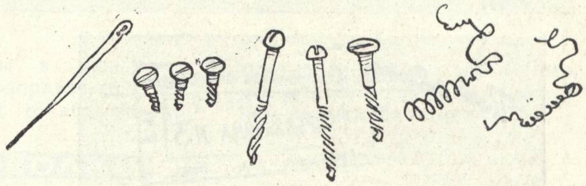
Задача 1. В двух рядах слов найдите такие, которые входят в оба ряда.

Ветер, солнце, куст, пень, река, день, вечер, дом, лес, луна.

Утро, небо, поле, ночь, пруд, рожь, пень, рыба, дождь, град.

Придумайте несколько таких рядов и предложите друг другу.

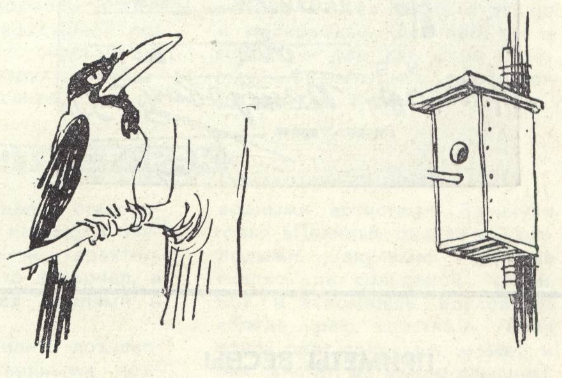
Задача 2. В квадрате 2×2 м расположите несколько мелких предметов: иглу, мелкие шурупы, винтики, кусочки проволоки.

Устройте соревнование, кто скорее обнаружит все предметы.

Задача 3. Выберите строго ограниченный участок улицы, фасад дома, группу деревьев и в течение 2—3 минут тщательно их рассмотрите. Пусть кто-нибудь из вас ответит на вопросы о мельчайших подробностях того, что наблюдали. За каждый правильный ответ — одно очко.

Задача 4. Устройте соревнование, кто первый увидит летящего воробья, сидящую

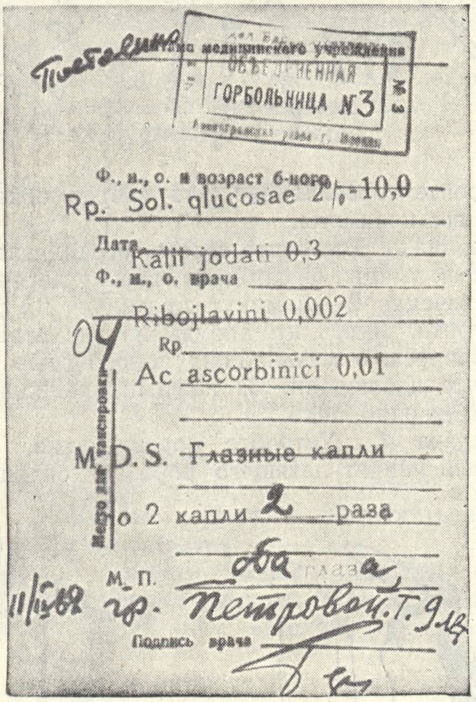
ворону, скворечник, номер машины, начинающийся, скажем, с 3 или с 9. (Воробей — 1 очко, ворона — 3, скворечник — 2, номер машины — 2).

Задача 5. Предложите кому-нибудь выйти из комнаты и быстро изменить что-нибудь в костюме: снять значок, выпустить воротничок, сунуть в карман газету, чтоб торчала, переложить карандаш из одного кармана в другой. Затем все стараются поскорее заметить и сообщить вслух о замеченных переменах. Первому — очко.

Задача 6. Проходя каждый день мимо стройки, отмечайте все происшедшие за день перемены. Тот, кто увидел больше, — победитель.

Ребята прочитали задачи из задачника и тут вспомнили про рецепт, который передал им дворник. Большой показал рецепт Александру Васильевичу.

— Тревога! — сказал Александр Васильевич. — Объявляю по школе общую тревогу. В 24 часа вручите указанное здесь лекарство Тане Петровой, 9 лет. Об исполнении доложить немедленно. Условный знак... Какой же знак? Ага, вот эта скамейка. Давно пора нам с вами починить ее. Если завтра эти оторванные кем-то планки вы прибьете стороной, где надпись Н+М=Л, значит, все в порядке. Обратной — значит, задание выполнить не удалось. Тогда я возьмусь за дело сам.

Назавтра в 3 часа 32 минуты Большой в сопровождении Малыша, Толстяка и Девчонки приколотил планки той стороной, где значилась бессмертная надпись Н+М=Л.

●

Догадались ли вы, что за люди Андрей Владимирович и Александр Васильевич, удалось ли вам определить, где, в какой день и час состоялась встреча ребят с Андреем Владимировичем? Сумели ли вы прочитать до конца записку, которую нашли ребята в трещине стены; как бы вы стали разыскивать Таню Петрову? Напишите нам об этом.

Не пишите только, что будете узнавать Танин адрес через адресный стол. Ребята пробовали. Оказалось, что справок о детях там не дают, а если б давали, то вы получили бы адреса по меньшей мере двадцати Тань Петровых, а если вы живете в большом городе, то, может быть, и того больше!

Мы ждем писем о том, что вы сами устроили Школу Удивительных Наук, нашли руководителя из взрослых или сами руководите такой школой для младших ребят. Подробные рассказы о том, чему и как учатся Малыш, Девчонка, Толстяк и Большой, мы будем печатать из номера в номер. Занятия вашей школы можно строить так же, а можно и совсем по-другому, добавляя что-то и придумывая все по-своему.

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Ну как? Рассмотрели вы фотографию на одиннадцатой странице? Нашли приметы весны? Давайте еще раз поищем их вместе.

Да, снег еще не сошел! Но ручей уже наполовину избавился от зимнего плена. Днем с помощью солнечных лучей он вырывается на волю и весело бежит, отражая в себе голубую синь неба! Правда, ночью морозец пересиливает и снова сковывает бунтовщика холодной ледяной корочкой. На ней, как на стекле, расцветают за ночь морозные цветы. Но она прозрачная, тонкая, и днем опять берет верх ручей. Не верите? Скажете, на фото ручей подо льдом? Да, это так. Но ведь еще раннее утро! Посмотрите, какие косые тени падают от деревьев в лучах солнышка. А потом — есть на снегу запись событий вчерашнего дня! Шел лыжник знакомой с зимы дорогой, и пришлось ему заворачивать обратно. Лыжник, надо сказать, был неумелый. Он делал поворот нескладно, много раз переступая лыжами, и осталась от него на снегу звездочка расходящихся лыжных оттисков. На другом берегу еще доказательство: следы чьих-то проворных лапок, следы свежие, недавние, ручей преградил путь и лесному жителю. Тоже пришлось возвращаться обратно. Вон как спутан след.

А посмотрите на обрушенный снег у берега с левого края фото. Если бы снег упал на лед, он тут и остался бы. Но нет, он упал вчера в воду, и вода унесла его. Значит, это произошло днем, когда не было льда, и вода размывала снег.

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

„НЕТ НАДОБНОСТИ"

Почему эти ребята переправляются на блоках по натянутому через реку тросу? Что за опасная игра?

Увы! Это не игра! Итальянские ребята спешат в школу, а школа — на другом берегу широкой и быстрой реки Панаро. Прежде дети ходили в школу из деревни Самоны, в которой живут, по мосту. Но вздувшаяся от дождей Панаро разрушила этот мост. Вы думаете, что случилось это недавно? Двадцать лет назад! И с тех пор в любую погоду: и в дождь, и в ветер, и в стужу — ребята с риском для жизни дважды в день, как акробаты, переправляются через реку. Так отчего же не построили новый мост? Оттого, что местные власти считают: в нем нет надобности.

РАДИОВОЛКИ

В канадской провинции Онтарио охотникам много хлопот с истреблением волков. Но и тут на помощь пришла техника. Поймав несколько десятков серых хищников, охотники надели им ошейники и... снова выпустили в лес. Ошейники были не простые. В каждом был крохотный радиопередатчик. Регулярные сигналы «волчьих радиостанций» позволили следить за передвижением волков. Зимой, когда волки собираются на севере Канады в большие стаи, охотничьим истребительным отрядам было легко выследить и уничтожить эти стаи: в каждой был хотя бы один «радиоволк».

РОДИНА НЕБЫВАЛЫХ КОРАБЛЕЙ

Вы, наверное, догадались, что это «Красное Сормово», прославленный кораблестроительный завод на Волге. Отсюда вышли в плавание корабли на подводных крыльях — знаменитые «Метеор», «Ракета», «Спутник». Здесь родился и двухкорпусный корабль-катамаран, которому не страшны волны и тормозящие завихрения воды.

Новое детище сормовичей — летучий корабль «Радуга» — судно на воздушной подушке. Его корпус скользит не в воде, а по воздуху, в десяти — пятнадцати сантиметрах от водного зеркала. Не зная тормозящего трения о воду, «Радуга» может развивать скорость до ста двадцати километров в час. Ей не страшно и мелководье. Она пройдет в верховьях рек, где из-за недостаточной глубины застряли бы другие суда.

КОГДА СВИСТНЕТ РАК

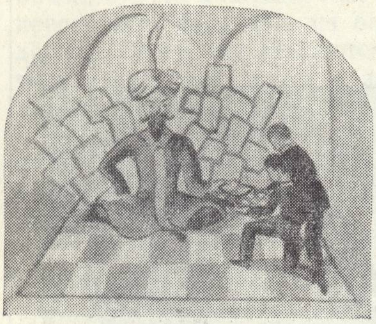
Рыболовный траулер «Витебск» был на промысле в Норвежском море. Гидроакустические локаторы судна обнаружили большую стаю сельди. «Витебск» пошел за ней вслед. С каждой минутой звуковые сигналы локатора возвращались быстрее и становились отчетливее, как вдруг звуки изменили свой характер. Приемник сердито заворчал, а потом разразился трелями и свистом.

Рыбаки решили познакомиться с таинственными подводными артистами. Закинули трал. «Певицы» оказались молодыми акулами, которые гнались за сельдяной стаей. Вот и вспомнишь пословицу: «Когда рак свистнет». Если акула поет соловьем, может, и рак свистит, да мы не слышим?

ЧЕТВЕРОНОГИЙ КОНТРОЛЕР

В голландском городе Утрехте на газовом заводе уже седьмой год работает овчарка Кеес. Она контролирует газопроводы. Тонкий собачий нюх позволяет ей обнаружить малейшую утечку газа. Недавно датская газовая компания попросила четвероногого контролера взаймы. За три недели работы на новом месте Кеес обнаружила 200 случаев утечки газа. Это в два раза превосходит чувствительность электронного детектора.

Датские специалисты признали победу овчарки и думают тоже обзаводиться четвероногими контролерами.

НОВЫЕ ОРУЖЕНОСЦЫ

Взгляните, ребята, на этот рисунок. Его прислали мне московские школьники Витя Багрецов и Саша Скляров — победители наших заочных соревнований, мои новые оруженосцы. Эти ребята не только хорошо рисуют, они лучше всех решили задачи из журнала № 12. В первой задаче Витя и Саша нашли верный ход к цели 1. Ле2!, во второй — 1. Kh4!, а задачу Алехина решили жертвой ферзя на f5.

Награждаю Витю Багрецова и Сашу Склярова грамотами «ферзя и ладьи».

Также принимаю в оруженосцы и награждаю грамотами Юру Амосова (г. Ленинград), Станислава Тарана (станция Вапнярка, Винницкой обл.), Колю Ярошенко и Колю Кондратюка (г. Бердичев), Сашу Терихова (совхоз «Красный Октябрь», Саратовской обл.), Сережу Панько (г. Ужгород) и Толю Балашова (г. Рени, Одесской обл.).

ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЕННЫЕ

Летом в Ленинграде будут проводиться юношеские соревнования на первенство мира. Шахматисты из многих стран примут в них участие. Будут среди участников и трое советских ребят.

Кто же будет представлять шахматистов нашей страны?

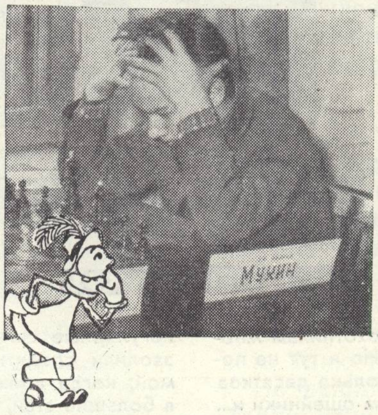
Для отбора достойнейших решено провести несколько турниров. Первый турнир состоялся недавно в Москве. Победу оспаривали тридцать два юных шахматиста и восемнадцать шахматисток из разных городов и сел.

Борьба была очень упорной. Много ребят — любителей шахмат с волнением следили за тем, как развиваются события в партиях. Среди зрителей был, конечно, и Пешкин.

Погодите, да где же он?

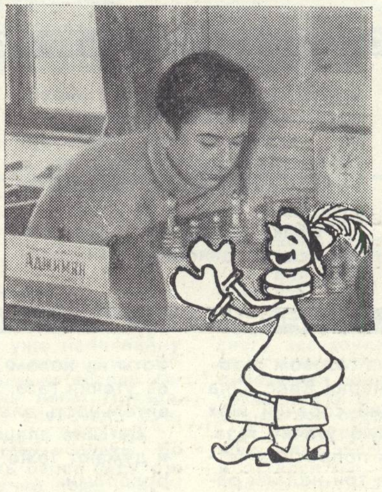
Вот ты где!.. Смотришь, как играет ученик школы № 8 Алма-Аты Миша Мухин. Трудная позиция у Миши. Даже Пешкин не знает, какой ход надо сделать!

Но Миша, наверно, разберется. Хотя он играет всего лишь два года в шахматы, но уже научился находить красивые и хитрые комбинации.

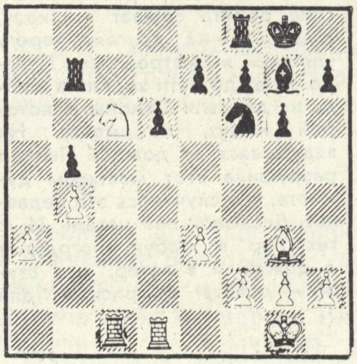

Миша Мухин, перворазрядник, **Володя Кирпичников** из Риги, ленинградец кандидат в мастера **Владислав Воротников** и многие другие ребята на этот раз не были в числе первых в турнирной таблице. Но я надеюсь, что в новых соревнованиях, наверно, выступят удачнее: все они способные шахматисты.

Мы заговорились, а Пешкин снова уже исчез. Он уже у другого шахматного столика. Ты, что же,

Пешкин, забыл, что здесь нельзя аплодировать? Шум в турнирном зале мешает участникам. Но радость Пешкина понятна. Ведь ученик ленинградской школы № 47 **Лоран Аджимян** действительно играет хорошо.

Вот как **Аджимян** выиграл у другого ленинградского школьника **Радашковича.**

Позиция белых крепкая, они могли продолжать 23. Ka5 или 23. Kd4. Но Радашкович неправильно отдал две фигуры за ладью и две пешки.

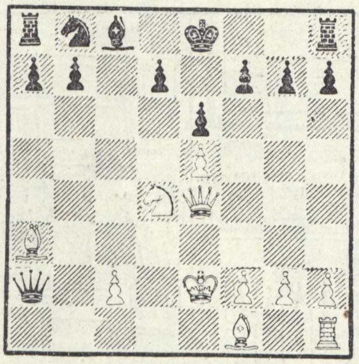
Партия продолжалась так: 23. К : e7+? Л : e7 24. С : d6 Лa7 25. С : f8 Кр : f8 26. Лd3 Крe7 27. Лc5 Кe4! (Отдавая еще одну пешку, черные создают опасную атаку). 28. Л : b5 Лc7 29. g3 Лc1+ 30. Крg2 Лc2 31. Крf3 f5 32. Лb7+ Крf6 33. Лb6+ Крg5 34. h4+ Крh5 35. Крg2 Л : f2+ 36. Крg1 Крg4 (Редкий случай. Даже король черных принимает участие в наступлении.) 37. Лb7 Сe5 38. Л : h7 С : g3. **Белые сдались.**

Победу в турнире одержал школьник из Еревана **Карен Григорян.** А вторым был **Лоран Аджимян.** Среди девочек лучших результатов добилась **Женя Томилина** из Ростова-на-Дону.

А теперь вам задание, друзья. Попробуйте сами составить примечания к партии, которую сыграли **Саша Макаров,** ученик 76-й харьковской школы, и московский школьник **Боря Гулько.** Партия понравилась нашему Пешкину, и он предложил, чтобы лучшие примечания были отмечены грамотами «ферзя и ладьи». Хорошее предложение!

Итак, вот эта партия. Белыми играл Саша.

1. e2—e4 c7—c5 2. Kg1—f3 e7—e6 3. d2—d4 c5 : d4 4. Kf3 : d4 Kg8—f6 5. Kb1—c3 Cf8—b4 6. e4—e5 Kf6—e4 7. Фd1—g4 Фd8—a5 8. Фg4 : e4 Cb4 : c3+ 9. b2 : c3 Фa5 : c3+ 10. Крe1—e2 Фc3 : a1 11. Cc1—a3 Фa1 : a2

12. Kd4—b5 Крe8—d8 13. Фe4—h4+ f7—f6 14. e5 : f6 Фa2 : c2+ 15. Крe2—e3 Фc2—b3+ 16. Cf1—d3. **Черные сдались.**

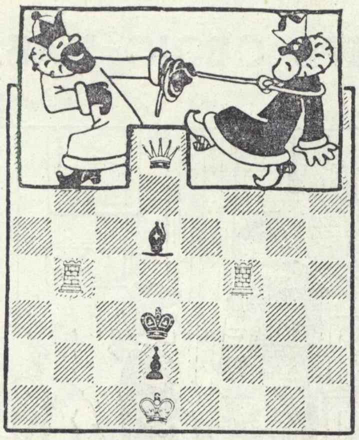
В примечаниях надо вскрыть причины столь быстрого поражения черных, найти для них лучшие возможности обороны.

НЕОБЫЧНЫЕ ЗАДАЧИ

А теперь хочу ответить на вопрос **Сережи Винокурова** из города Вязьма, Смоленской области.

«Несколько раз я встречал необычные шахматные задачи на обратный мат. Что такое обратный мат?» — спрашивает Сережа.

Верно, Сережа: задачи на обратный мат действительно необычны. Это своего рода шутки на шахматной доске. В таких задачах белые заставляют черных дать себе мат. Именно заставляют! Черные всячески уклоняются от этого, но выбора у них не остается. Вот пример такой задачи-двухходовки.

Белые играют 1. Фd7—d6. Черные могут ответить 1... Крd3—e3 или 1... Крd3—c3. В первом случае после 2. Лb4—b3+ вынуждается ответ 2... Cd5 : b3, с матом белому королю, а на 1... Крd3—c3 к тому же результату ведет 2. Лf4—f3+!

Задачи на обратный ход были очень популярны в прошлом веке.

НАШ КОНКУРС

В наш конкурс решений мы

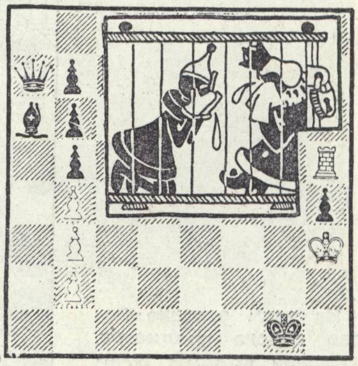

включаем две любопытные позиции. Как и обычно, победители наших заочных соревнований будут награждены грамотами «ферзя и ладьи».

У черных лишняя ладья, но далеко забравшаяся пешка оставляет и белым большие надежды на успех.

Найдите, как, начиная игру, белые добиваются выигрыша.

Удивительное положение вы видите на следующей диаграмме:

У черных перевес в силах, но они очень плохо распорядились своими фигурами. После 1. Лh5—h8 ферзь и слон черных попадают в мышеловку, все выходы для них закрыты.

Ничья белым обеспечена, но хитрость позиции в том, что белые могут даже добиться победы. Вот к чему привела беззаботность черных. Раньше их пешка стояла на g5, и своим предыдущим ходом черные взяли пешку белых h4 вместо того, чтобы увести ферзя на b8.

Все это так, но как все же белым выиграть после 1. Лh5—h8! Подумайте об этом и шлите нам ваши предложения.

Рисунки О. Зотова.

Ель и Скрипка

А. ЯНОВ

Взяли елку,
взяли — распилили.
Дерево строгали и сушили,
и по всякому над ним мудрили,
и на деку струны натянули —
скрипка загудела, словно улей.
Загудела и заговорила
с непонятной горестью и силой,
словно дети плакали и пели...
Зал сидел и слушал не дыша.
Кто бы мог подумать в самом деле,
чтобы под корой корявой ели
обитала детская душа?

ПРОВЕРЬ СВОЮ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ

На этом рисунке более сорока предметов, названия которых начинаются с одной и той же буквы.

Найдите их.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ

— Внимание!.. Приготовиться!.. Старт!

...И вот наш ракетоплан в полете. До свидания, Земля!

«ЗВЕЗДНЫЙ КОСМОДРОМ»

За пределами земной атмосферы мы делаем посадку на «Звездном космодроме».. Пока нашу бескрылую птицу готовят к дальнейшему пути, прочитай загадочную надпись на диске этой межпланетной станции, без чего нельзя продолжать путешествие.

Обрати внимание: если номера блоков, из которых составлено разомкнутое кольцо, складывать попарно, то суммы составят ряд последовательных нечетных чисел: 3(1+2), 5(2+3), 7(3+4)... и так далее до 37(18+19). Нужно все блоки, кроме последнего, 19-го, поменять местами таким образом, чтобы в результате этой перестановки суммы попарно взятых номеров составили другой ряд последовательных чисел: 11, 12, 13, 14, 15 и так далее до 28.

При таком расположении блоков по буквам, написанным над их номерами, ты прочитаешь начальные строки стихотворного напутствия всем участникам нашего путешествия.

ВСТРЕЧА В КОСМОСЕ

С борта встречного космического корабля принимаем на свой телеэкран продолжение стихотворного напутствия юным путешественникам. Оно передано в виде искусного переплетения горизонтальных и вертикальных полосок с буквами. Порядок чтения «плетенки» ясен: сначала читается то, что написано на горизонтальных полосках, затем то, что на вертикальных. Но так как на виду только половина всех букв, а остальные закрыты, то без вспомогательных слов, пожалуй, и не расшифровать эту головоломку.

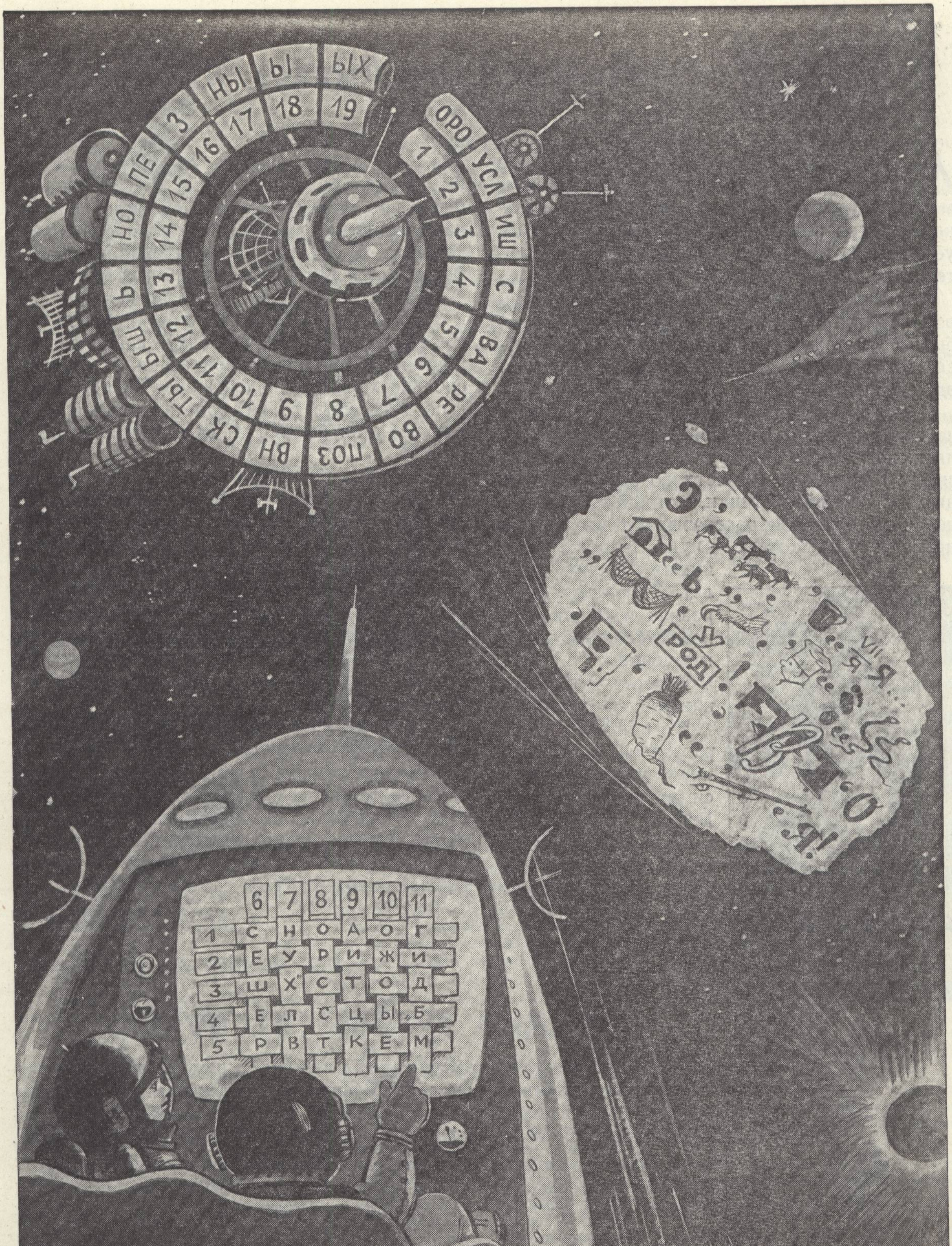
Вот значения вспомогательных слов: 1) 4—6, 1—6, 3—10, 1—9, 4—11, 5—10, 2—9, 2—10, 4—10 — яркое созвездие северного неба, названное именем дочери мифического царя. 2) 3—9, 2—9, 3—11, 2—9, 4—9, 2—11, 5—6, 2—11, 4—9, 5—8, 5—9 — физическое явление, отсутствующее на земле. 3) 3—6, 2—9, 1—6, 4—8, 1—11 —точка небесной сферы над головой наблюдателя. 4) 1—7, 1—9, 1—8, 5—6 — полуостров в СССР, на территории которого находится одна из новейших советских обсерваторий.

Вспомогательные слова откроют тебе не все закрытые буквы, но и того, что ты узнаешь, достаточно, чтобы расшифровать «плетенку».

ЗНАКИ НА МЕТЕОРИТЕ

Луна уже совсем близко. Внезапно мимо нас вихрем проносится огромный метеорит. Мы еле успеваем заснять его на пленку. Проявляем ее... и видим очертания знакомых нам предметов! Сомнения нет — это ребус! Как он попал на метеорит, остается загадкой. Еще удивительнее то, что в космическом ребусе, как выяснилось, зашифрованы последние строчки стихотворного напутствия юным путешественникам.

Как только совершишь посадку на Луне, радируй оттуда полный текст, отгаданный тобою в этих трех головоломках.

ЫХ
Ы
НЫ
З
ПЕ
НО
Ь
ЫШ
ТЫ
СК
ВН
ПОЗ
ВО
РЕ
ВА
С
ИШ
УСЛ
ОРО
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19
РОД
6 7 8 9 10 11
1 С Н О А О Г
2 Е У Р И Ж И
3 Ш Х С Т О Д
4 Е Л С Ц Ы Б
5 Р В Т К Е М

ЧНЧ
Что Нам Читать?

Человек не бывает один

Когда дожди замерзают, они падают на землю снегом. В такие дни ребята стремятся на улицу — побегать на лыжах и коньках, поиграть в снежки. А Зайка с дедом уезжают за город. На аэродром. Там еще интереснее.

Дед Зайки Петрович был в войну командиром эскадрильи. Трудно старому летчику забыть свои самолеты. Ему даже во сне снится, будто он летает. А летать уже нельзя: здоровье не позволяет.

И вот нелетающий летчик почти ежедневно ездит со своей внучкой в аэропорт. Погулять, поглядеть, как другие летают. Там все знают Петровича. Приветливо здороваются с ним и с Зайкой. Летчики, мотористы, диспетчеры, метеорологи рассказывают им разные новости: чья машина — куда пошла. «Машина» значит самолет. Однажды у Петровича и Зайки произошло целое приключение.

Какое? Прочти книжку — узнаешь.

В книжке много рассказов. В одном из них знакомишься с симпатичным парнем Вовкой. Вовка летом гостил на юге, каникулы кончились, пора было возвращаться в Москву. Паренек, не говоря никому ни слова, взял и купил себе билет на самолет. Истратил на билет все деньги. А лететь было далеко, и в кармане Вовки не звенело больше ни одной копейки. И вдруг — вынужденная посадка! Задержка в пути немалая. Как быть Вовке?

Прочти — узнаешь.

Ты многое узнаешь из этой книжки: как выглядит наша земля сверху, какая она огромная, красивая, разноцветная. И главное, сколько хороших людей живет на ней, ездит в поездах, летает на самолетах. А приключения все-таки бывают, и самые удивительные порой!

Не пропала девочка Дорка — одна в лодке, среди ночного моря. Вполне могла бы пропасть. Рыбацкая дочь Дорка не героиня. Но у нее есть совесть. И она однажды взбунтовалась, не захотела жить среди людей, творящих втихомолку незаконные дела.

В книжке рассказано о юных партизанах Вите Хоменко и Шуре Кобере, которые в годы Отечественной войны действовали отважно, хитро, дерзко и помогали взрослым бить фашистов.

Все написанное в книжке **Михаила Коршунова «Когда замерзли дожди»** — правда. И то, что придумано, и то, что не придумано. В ней истории, которые были. И такие, которые могли быть. Прочитав их, чувствуешь, что и в тебе подымается желание быть волевым, упорным и стойким. Ведь человек не бывает один — друзья сами находят его.

Р. КАНДЕЛАКИ

Как дым выходит из трубы

Книжку с таким заглавием сочинил мальчик Юн. Книга же, в которой рассказывается о самом Юне, о его друге Софусе и о необыкновенных приключениях обоих друзей, называется *«Волшебный мелок»*. Написала ее норвежская писательница *Синкен Хопп*. Рисунки сделала художница *Малвин Несет*.

Мы не случайно заговорили о рисунках. Это не обычные иллюстрации к книге, без которых иной раз можно и обойтись: рисунки Малвин Несет неотделимы от того, о чем рассказывает автор.

Как же это получается?

Вот портрет фру Мунсен — не очень страшной ведьмы, той самой, что потеряла волшебный мелок, из-за которого начались все удивительные приключения...

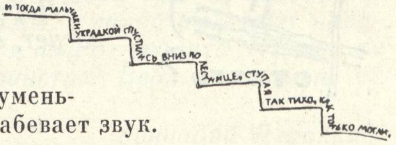
«Разгляди фру Мунсен хорошенько, если хочешь узнать ее при встрече,— говорит Синкен Хопп читателю.— В этой книге ты

больше ни слова о ней не услышишь: она сейчас просто-напросто выйдет из нее. Вот так».

И тут на странице нарисованы следы Мунсен. Рассмотрев их, читатель заключит, что фру Мунсен, видно, заправская ведьма... В этой фантастической и сатирической книге играют роль не только рисунки, но даже буквы. Спускаясь ступеньками, они показывают, как герои идут вниз по лестнице. Извиваясь по странице, шрифт изображает извилистые пути Юна и Софуса. Звериное рычание, рокот грома — все это, оказывается, можно выразить размером букв — они то увеличиваются, то уменьшаются, показывая, как нарастает и ослабевает звук.

Может быть, сейчас тебе не вполне понятно, как это делается... Прочитай книгу! Право же, ты об этом не пожалеешь. Если ты даже вышел из возраста, когда читают только сказки, ты все равно испытаешь огромное удовольствие, восхищаясь юмором и неистощимой фантазией автора и художника.

Да и при чем тут возраст? Писательница Синкен Хопп совершенно права, когда говорит в предисловии:

«Эта книга написана для всех, кто мечтает пережить удивительные приключения и у кого есть хорошие, надежные друзья. Короче говоря, для разумных людей, вроде тебя и меня».

Ю. НОВИКОВА

ПАМЯТНИК ПИНОККИО

Недавно в редакцию вбежал старик в огромных очках и с объемистым свертком под мышкой.

— Скорей, скорей! — закричал он.— Где моя любимая папка? Мне надо положить туда ценную находку! Я принес памятник...

Конечно, это был профессор Коллекциани-Собирайлов.

Правда, принес он не памятник, а фотографии его. Но такие интересные, что мы решили их показать вам, ребята.

Это памятник сказке. Сказке про деревянного мальчика Пиноккио, которую создал Карло Коллоди, итальянский писатель. Настоящая его фамилия была Лоренцини. Но для своих книжек он избрал псевдонимом название маленького итальянского городка, где провел свою юность.

Вот здесь-то, в Коллоди, на большой, просторной площади стоит памятник деревянному мальчику, которого любит и знает уже не одно поколение настоящих, живых мальчиков и девочек.

Пиноккио изображен со своими друзьями: с Соколом, спасшим его из петли, и с Доброй Феей, которая помогала ему превратиться из деревянной куклы в настоящего, живого мальчика. Это было не так-то просто. Чтоб в груди у Пиноккио появилось настоящее человеческое сердце, он должен был научиться дружбе, верности и любви к своим друзьям. Но Пиноккио был деревянным, он быстро и легко забывал свои решения. И не сразу удалось ему победить свое «деревянное» себялюбие, проявить самоотверженность и стать наконец человеком.

Не правда ли, какая прекрасная, благородная мысль скрыта в сказке, наполненной тысячью неожиданных и забавных приключений?

Восемьдесят второй год живет замечательная книжка. Памятник поставлен к ее семьдесят пятому «дню рождения» в 1956 году.

На нем написано: *«Бессмертному Пиноккио — благодарные читатели в возрасте от четырех до семидесяти лет».*

Если вы заглянете на последнюю страницу обложки, цветные фотографии покажут вам памятник, общий вид площади и обрамляющие ее каменные стены, на которых мозаикой изображены события сказки от начала до конца. Конечно, памятник деревянному мальчику Пиноккио — это памятник тому, кто его придумал и написал о нем такую хорошую книжку.

Б. РЖЕВСКИЙ

Почему и Отчего

Секрет огненного язычка

Кубанский привет!

Дорогая редакция! Когда подуешь на горящую лучину, она гаснет, а на тлеющую — она загорается. Почему это?

Гена Васильченко.

село Шабельск, Краснодарского края.

Дуть можно по-разному. Ты разве не замечал, что, когда надо погасить горящую лучинку или спичку, ты дуешь коротко и сильно. Если же тебе надо разжечь огонь, ты дуешь равномерно и долго, а как зародится язычок пламени, сразу же уменьшаешь силу дуновения или совсем перестаешь дуть.

Пламя — это очень интересное и непростое образование из раскаленных газов. Нижняя часть пламени, передавая свою тепловую энергию, вызывает ряд сложных химических превращений в дереве. Вещество, из которого состоит дерево (а значит, и наша лучинка), разрушается, выделяя при этом горючие газы, в том числе и углерод. Все они вступают в соединение с кислородом, который содержится в окружающем воздухе. Нагретые продукты горения, главным образом углекислый газ и водяной пар, поднимаются вверх, а на их место притекает воздух с новым запасом кислорода. Так пламя питается от двух источников: от горючих газов древесины и от кислорода воздуха.

Когда ты резко и сильно подуешь, на мгновение возникает ветер ураганной скорости. За короткое мгновение он успевает оторвать огненный язычок раскаленных газов от лучины. Пламя, лишившись одного из двух источников питания, исчезает, гаснет, а вещества, составляющие лучинку, лишившись тепловой энергии пламени, перестают превращаться в горючие газы. Цепочка горения разорвалась. Лучинка погасла.

Когда же ты ровным и осторожным дуновением оживляешь тлеющий уголек на кончике лучинки, ты увеличиваешь приток кислорода. Приток кислорода усиливает химические превращения в веществе лучины, эти превращения все выше поднимают температуру. И вот вспыхнул слабенький язычок пламени. Если ты вовремя заметил это и перестал дуть, пламя будет крепнуть и расти, поддерживая само себя.

Ю. КЛИНКОВ

Живой свет

Почему светится светлячок? Что за вещество у него внутри и можно ли его использовать для освещения?

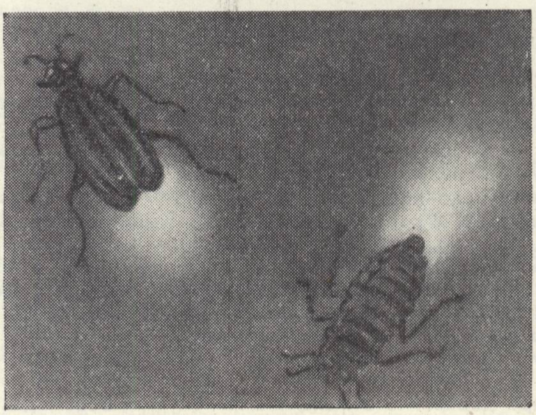
Борис Чесноков, ученик 8-го класса.

Светляк — это жук из семейства мягкотелок. Само название говорит, чем это семейство отличается от других жуков.

Не все мягкотелки умеют светиться, и даже у светляков светятся только самки. Поздними июльскими вечерами в лесах, в сыроватой траве, под кустами зажигаются их зеленоватые фонарики, то разгораясь, то тускнея. Другой вид светляков, летающих, водится на юге нашей страны.

Ты спрашиваешь, какое вещество внутри светляков дает свечение. Это вещества двух сортов: одни называются люциферинами, а другие — люциферазами. Люциферины способны окисляться, то есть соединяться с кислородом. Но происходит это лишь в присутствии люцифераз. У люцифераз двойная работа. Во-первых, они заставляют люциферины окисляться. Во-вторых, они образуют молекулы, способные излучать свет, если на них действует энергия, выделяемая люциферинами. Видишь, какая тут сложная взаимосвязь?

Тайны светлячков еще далеко не все раскрыты.

Каким образом они включают и выключают свой фонарик? Каким образом регулируют силу света? Как «ухитряются» затрачиваемую энергию почти

полностью превращать в свет? Ведь коэффициент полезного действия у них в десятки раз выше, чем у наших обычных электролампочек накаливания.

Да! Было бы, конечно, хорошо перенять у светлячков их способ светиться, но до этого еще далеко. Впрочем, лампы дневного света до некоторой степени сродни светлячкам. И все-таки светлячки работают лучше.

К светлячкам надо относиться с уважением не только за их «светоносность». Они истребляют слизней, а это большая польза для садов и огородов.

П. ГОРОХОВ

Почему летит ракета?

Как движется космическая ракета? Когда мне объясняли, я понял так, что газы, сгорающие в камере, с силой вылетают наружу, и корабль словно бы отталкивается ими от воздуха. Но как же он движется в безвоздушном пространстве? Ведь ему там не от чего отталкиваться!

Геннадий Лепилкин.

село Юрки, Новосибирской области.

Нет, Геннадий, ракета в полете отталкивается не от окружающего ее воздуха. Она отталкивается от выбрасываемых ею же газов.

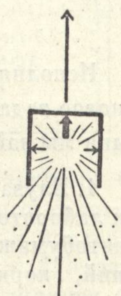
Как это происходит? Представь себе лодку, полную ребят, которые прыгают в воду с кормы. Прыгая, они отталкиваются от лодки, и силой толчков лодка движется в противоположную сторону. Летом попробуй проверить сам.

Не обязательно даже прыгать с лодки. Допустим, она нагружена мешочками с песком, а ты стоишь на корме. Ты упираешься ногами в днище лодки и бросаешь в воду мешки. Толкая мешок во время броска, ты сам с той же силой отталкиваешься от него. Лодка движется.

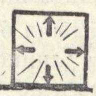
В ракете осуществлен этот же принцип. Только вместо прыгающих с кормы мальчишек или мешков песка там сжатые газы, а вместо твоей толкающей силы — огромная сила горения топлива, граничащая со взрывом.

Часто спрашивают: как же тяжелая и твердая ракета отталкивается от легких неосязаемых газов? Ведь если человек выпрыгивает из лодки или выбрасывает мешок с песком, то здесь масса тела, от которого отталкивается лодка, заметна, ощутима. Да, правильно! Но при этом у выбрасываемой массы не слишком большая скорость. А вот газы из сопла вырываются с колоссальной скоростью — больше трех километров в секунду. При такой скорости и про легкий газ не скажешь, что он неосязаемый!

Принцип полета ракеты можно описать и по-другому. Воспламеним внутри герметически закрытой коробки некоторое количество пороха. Если коробка достаточно прочна и стенки уцелеют, она не сдвинется с места: сила давления взрыва на любую стенку уравновесится давлением на остальные. Если стенки все непрочные, коробку разорвет, и клочья коробки полетят в разные стороны. Если одна стенка тоньше, чем другие, она будет прорвана, и с этой стороны газы начнут улетать в прорыв. При этом давление на боковые стенки будет по-прежнему уравновешиваться, но давление на стенку, противоположную взорванной, не будет ничем уравновешено и сдвинет коробку.

Идеальный случай непрочной стенки — это когда ее нет совсем. Тогда мы имеем простейшую ракету. «Нулевая стенка» ракеты — ее сопло. Взрывающееся внутри коробки топливо (в настоящей ракете коробку называют камерой сгорания) вырывается из сопла потоком раскаленных газов. Но с такой же силой эти газы устремляются и к противоположной, ненулевой стенке, давлением на нее толкая ракету вперед.

Как видишь, воздух здесь ни при чем. Он даже мешает, оказывая сопротивление. Ракете даже лучше летится там, где нет воздуха. Константин Эдуардович Циолковский потому и придумал применять ракеты для космических полетов, что это единственный способ движения в безвоздушной среде.

Ю. КЛЕМЕНТЬЕВ

ВНИМАНИЕ!
В следующий раз отвечаем,
ОТЧЕГО КРАПИВА ЖЖЕТСЯ,
КАК НАЗЫВАЕТСЯ НАША ПЛАНЕТА,
КОГДА ПРИДУМАЛИ МУЗЫКУ,
ПОЧЕМУ НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА КРУГЛЫЕ
И НА ДРУГИЕ ВОПРОСЫ...

ХРАБРЫЕ портняжки

Дорогая редакция!

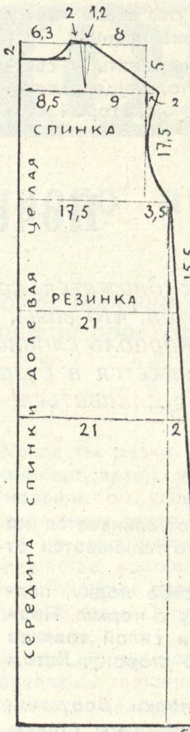
Пишут вам пионерки 8-го класса школы № 2 г. Верхнего.

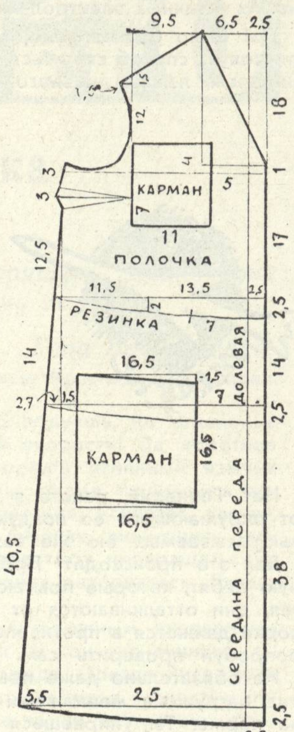
В нашем отряде журнал «Пионер» читают все по очереди. Нам, девочкам, очень нравился в журнале отдел «Храбрые портняжки». Мы шили себе по вашим выкройкам одежду, а когда отряд собрался в поход и оказалось, что рюкзаков у нас мало, мы сами сшили себе рюкзаки по описаниям в «Пионере».

Мы вас очень просим снова открыть отдел «Храбрые портняжки».

С пионерским приветом

Девочки.

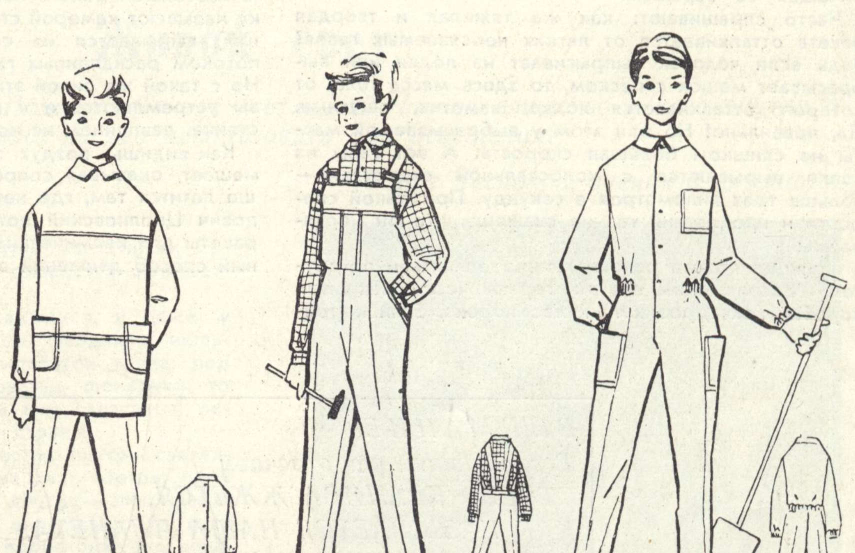
Исполняем вашу просьбу, девочки, и даем новое задание «храбрым портняжкам». Сегодня мы займемся вашей рабочей одеждой.

1. Блуза для занятий в школьных мастерских и лабораториях. Материал — репс, сатин, хлопчатобумажная саржа. Цвет — по вкусу: синий, коричневый, бежевый, темно-голубой.

Блуза должна быть не слишком длинной и широкой, но и не тесной, чтобы не стеснять движения. Накладные карманы и выстроченные поперечные швы придают блузе элегантность.

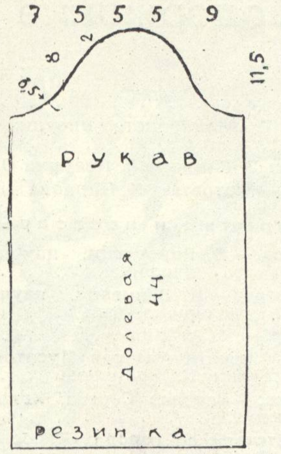
Рукав вшивной с манжетом или на резинке.

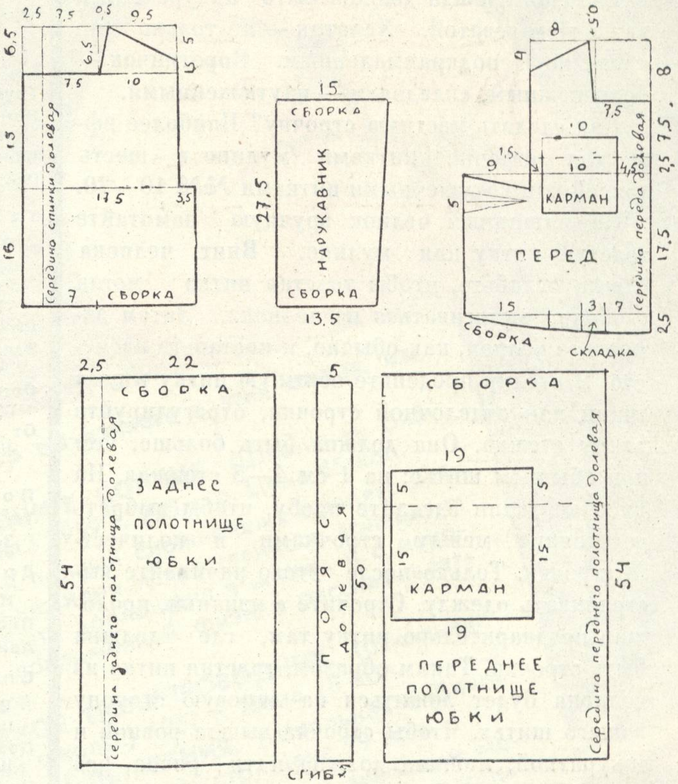
2. Полукомбинезон для работы в слесарных мастерских и на пришкольном участке. Материал — любая плотная ткань, очень хорошо, если она водоотталкивающая. Брюки неширокие, внизу можно их сделать не с хлястиком, а на резинке.

1 2 3

Во всю величину нагрудника — большой карман, разделенный строчкой на секции различных размеров: для линейки, карандаша, садового ножа.

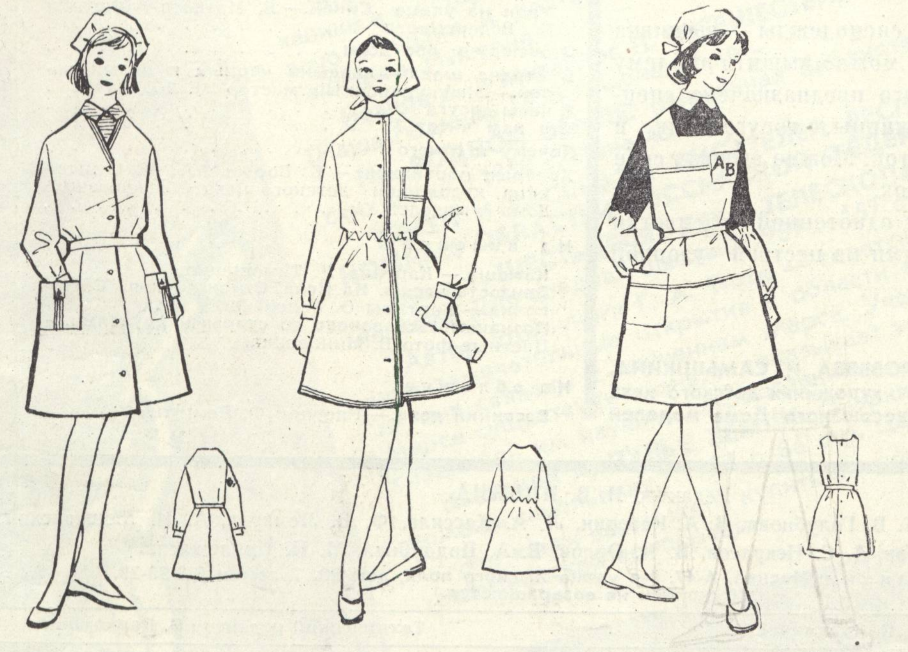

В бретельки, поддерживающие нагрудник, чтобы они не сваливались с плеч, продергивается широкая резинка. Бретельки пристегиваются к нагруднику пряжками или пуговицами.

3. Комбинезон из плотных тканей немарких цветов. Глухая застежка доверху, на «молнии» или пуговицах. Накладные карманы. По талии продернута резинка.

4—5. Два халатика из легких тканей: ситца, пике, бязи, саржи, сатина. Однотонных, но ярких цветов: голубой, зеленый, васильковый. Отделаны цветной строчкой. У первого халатика галия схвачена пояском, у второго — продернута резинка. Для занятий по кулинарии или санитарному делу халатик лучше сшить из белой ткани.

6. Фартук с накладным карманом, вырез квадратный. Отделка горизонтальной строчкой. Нарукавники из того же материала. Для этой модели можно использовать старое платье.

4 5 6

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Мы советуем вам рабочую одежду делать ярких, радостных цветов. Яркие цвета помогают человеку лучше работать, меньше утомляться.

Рабочая одежда должна быть аккуратной и даже щеголеватой. Халатик — не только чистым, но и подкрахмаленным. Воротничок — белоснежным, складочки — наутюженными.

Как сделать цветную строчку? Наиболее эффектна строчка нитками мулине в шесть прядей или катушечными нитками №№ 10—20.

На машинный челнок вручную намотайте толстую нитку или мулине. Винт челнока слегка ослабьте, чтобы толстая нитка могла свободно вытягиваться из челнока. Затем заправьте челнок, как обычно, и поставьте на место. В иголку проденьте обычную нитку в цвет ткани или отделочной строчки, отрегулируйте длину стежка. Она должна быть больше, чем при обычном шитье: на 1 см 4—5 стежков. На кусочке ткани сделайте пробу, чтобы выбрать расстояние между строчками и количество строчек. Только после этого начинайте выстрачивать одежду. Строчите с изнанки, проложив предварительно нитку там, где должна быть строчка. Таким образом, толстая нитка из челнока будет ложиться на лицевую сторону вашего шитья. Чтобы строчка вышла ровной и аккуратной, машина должна идти ровно, без рывков, а, следовательно, не на большой скорости.

Отделочной машинной строчкой можно украсить и у купленного готового халатика пояс, манжеты.

Хорошее украшение спецодежды — вышивка на кармане. Например, можно вышить эмблему того труда, для которого предназначена спецодежда: катушка и ножницы, треугольник и циркуль, клещи и молоток. Можно вышить свои инициалы, просто цветок.

Фартук или халатик однотонной расцветки можно отделать беечками из пестрой узорной ткани.

Е. ВОРОБЬЕВА, И. САМЫШКИНА,
художники детского цеха
Общесоюзного Дома моделей

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

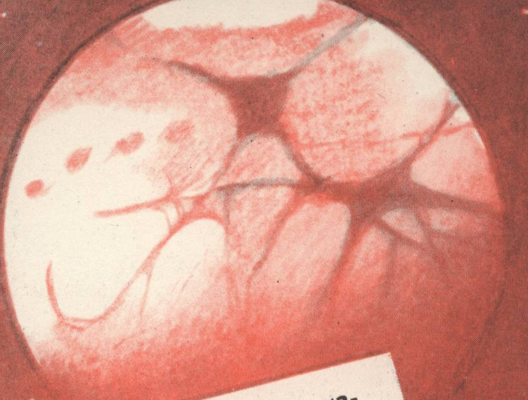
Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00053. Подписано к печати 18/III 1963 г. Тираж 600 000 экз. Изд. № 539. Заказ № 362.
Форм. бум. 84×108[1]/[16]. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

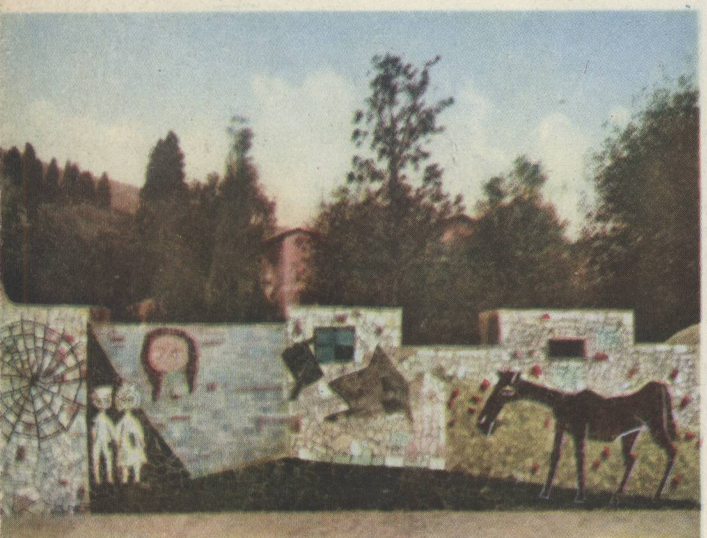

Цена 25 коп.

Индекс 70694

Памятник Пиноккио

(Об этом памятнике прочитайте на 75-й странице)

